Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в ноябре 1946 г.

Lomonosov Journalism Journal

Серия 10 **ЖУРНАЛИСТИКА**
Издательство Московского университета

№ 1 (51) • 2026 • ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ
Выходит один раз в два месяца

Содержание

Социология журналистики

Казун А. Д. Короткая шкала думскроллинга: разработка и апробация 3

Современная журналистика: тематика и проблематика

Гювен А., Йылмаз З., Токтай Я. Анализ отношений между странами Организации тюркских государств и Израилем на основе собранных в медиа больших данных 36

Язык СМИ

Прокофьева Н. А., Щеглова Е. А., Выровцева Е. В. Семантика и прагматика употребления коллокации «традиционные ценности» в медиадискурсе 73

История журналистики

Ромакина М. А. Работа региональной сети фотокорреспондентов «Пресс-клише» ТАСС в РСФСР (1926–1931 гг.) 103

Словохотова В. Ю. Жанр обзора прессы в музыкальной журналистике Бориса Виана: структурно-композиционные особенности и их роль в коммуникации с читателями 130

Дискуссия

Козлов С. В. От манускрипта к гиперссылке: печатная и цифровая революции в сравнительной перспективе 152

Все материалы журнала опубликованы на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

CONTENTS

Sociology of Journalism

Anastasia D. Kazun. Development and Validation of a Short Doomscrolling Scale 3

Modern Journalism: Subjects and Issues

Ahmet Güven, Zafer Yilmaz, Yakup Toktay. Analysis of Relations between the Countries of the Organization of Turkic States and Israel from a Media Big Data Perspective 36

Media Language

Natalya A. Prokofeva, Ekaterina A. Scheglova, Ekaterina V. Vyrovtseva. Semantics and Pragmatics of the Collocation "Traditional Values" in Media Discourse 73

History of Journalism

Maria A. Romakina. The Work of the Regional Tass "Press-Cliché" Network of Photo Correspondents in the Russian Soviet Republic (1926–1931) 103

Veronika Yu. Slovokhotova. The Genre of Press Review in Boris Vian's Music Journalism: Structural and Compositional Features and its Role in Communication With Readers.....130

Discussion

Sergey V. Kozlov. From Manuscript to the Hyperlink: the Print and Digital Revolutions in Comparative Perspective.....152

All the published materials are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2026

СОЦИОЛОГИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

Казун Анастасия Дмитриевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ, доцент факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия. e-mail: adkazun@hse.ru, ORCID 0000-0002-9633-2776

КОРОТКАЯ ШКАЛА ДУМСКРОЛЛИНГА: РАЗРАБОТКА И АПРОБАЦИЯ[1]

В статье представлен процесс разработки и апробации короткой шкалы думскроллинга, понимаемого как избыточное потребление негативных новостей, оказывающее воздействие на эмоциональное состояние. Предложена пятиэлементная шкала, опирающаяся на компонентную модель поведенческих аддикций и диагностические критерии зависимостей (DSM-5). Качество инструментария тестируется на данных репрезентативного всероссийского опроса, проведенного весной 2025 г. (N=6041). Распределение ответов респондентов имеет ступенчатый характер. Так, наблюдается относительно высокое согласие с тезисами о постоянном потреблении негативного контента (22%) и сохранении уровня потребления, несмотря на сознаваемый вред (26%). Меньшую поддержку получают тезисы, фиксирующие симптомы отмены (9%) и связанные с новостями функциональные нарушения (10%). Соответственно, шкалу уместно использовать для оценки выраженности думскроллинга. Показано, что инструмент обладает приемлемой внутренней согласованностью (α=0,741), которая сохраняется в разных социально-демографических группах. Все элементы вносят содержательный вклад в измерение думскроллинга, согласованность шкалы ухудшается при исключении любого из входящих в нее тезисов. Инструмент имеет одномерную структуру: все пункты демонстрируют достаточные общности и высокие факторные нагрузки. Выделяются три уровня зависимости (отсутствие, умеренный и выраженный), причем усиление думскроллинга увеличивает долю респондентов, сообщающих о нервных расстройствах, приеме успокоительных и антидепрессантов, а также с повышенной тревогой о будущем. Сделан вывод о пригодности шкалы для диагностики думскроллинга и выявления групп риска.

***Ключевые слова**: думскроллинг, проблемное потребление новостей, медиасреда с большим выбором, компульсивное потребление, аддиктивное поведение, медиа, тестирование шкалы.*

Как цитировать: *Казун А. Д.* Короткая шкала думскроллинга: разработка и апробация // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2026. № 1. С. 3–35. DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.1.2026.335

Anastasia D. Kazun, PhD in Sociology, Senior Research Fellow at the Laboratory for Studies in Economic Sociology, Associate Professor at the Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia. e-mail: adkazun@hse.ru, ORCID 0000-0002-9633-2776

DEVELOPMENT AND VALIDATION OF A SHORT DOOMSCROLLING SCALE

This article presents the development and validation of a short doomscrolling scale, conceptualized as excessive consumption of negative news that affects individuals' emotional state. A five-item scale is proposed, partly based on the components model of behavioral addictions and the diagnostic criteria for addictions (DSM-5). The quality of the instrument is tested using data from a nationally representative Russian survey conducted in spring 2025 (N = 6041). The distribution of responses demonstrates a "stepwise" pattern. There is relatively high agreement with statements about constant consumption of negative content (22%) and maintaining the same level of consumption despite an awareness of its harmful effects (26%). Lower support is observed for items capturing withdrawal-like symptoms (9%) and news-related functional impairments (10%). Accordingly, the scale is appropriate for assessing the severity of doomscrolling. The instrument demonstrates acceptable internal consistency ($\alpha = 0.741$), which is stable across different socio-demographic groups. All items make a meaningful contribution to the measurement of doomscrolling; removing any individual statement reduces the internal consistency of the scale. The instrument has a unidimensional structure: all items show sufficient communalities and high factor loadings. Three levels of doomscrolling are distinguished (absent, moderate, and pronounced), with higher levels associated with an increased share of respondents reporting nervous disorders, use of tranquilizers and antidepressants, as well as heightened anxiety about the future. The study concludes that the scale is suitable for diagnosing doomscrolling and identifying risk groups.

***Key words**: doomscrolling, problematic news consumption, high-choice media environment, compulsive consumption, addictive behavior, media, scale validation.*

To cite this article: Kazun A. D. (2026) Korotkaya shkala dumskrollinga: razrabotka i aprobatsiya [Development and validation of a short doomscrolling scale]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika 1*: 3–35. DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.1.2026.335

DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.1.2026.335

Введение

Цифровизация позволила людям практически бесконечно наращивать потребление разнообразных медиапродуктов. При этом информационные ресурсы конкурируют за внимание аудитории, предлагая беспрецедентные объемы контента и стремясь удержи-

вать пользователя как можно более продолжительное время (Lanham, 2007; Rieser, Furneaux, 2022). В этой связи не удивительно, что исследователи заговорили о «запойном просмотре сериалов» (*binge-watching*) (Bastos, Naranjo-Zolotov, Aparício, 2024; Chang, Peng, 2022), «патологическом использовании интернета» (*pathological Internet use*) (Kaess, Klar, Kindler, Parzer et al., 2021), зависимости от социальных сетей (Alateeq, Doumi, Alharthi, Alsayari et al., 2025; Amirthalingam, Khera, 2024; Casale, Akbari, Seydavi, Bocci Benucci et al., 2023), «проблемном» использовании смартфона (Harris, Regan, Schueler, Fields, 2020; Karila, Scher, Draghi, Lichte et al., 2025) и «фабинге» (*phubbing*) – предпочтении возможностей гаджета межличностному общению (Deschamps, Fortier, Gómez, Auger et al., 2025) и т. д. Онлайн-пространство, таким образом, стало средой, способствующей формированию и распространению различных форм зависимости.

Не остаются в стороне и новости. В современном мире от информационного контента нас отделяет только один клик (Stroud, Peacock, Curry, 2020; Wheatley, Ferrer-Conill, 2021), а сообщения по повестке дня доступны ежесекундно 24/7. В спокойной обстановке это не обязательно провоцирует повышенный спрос на новости, однако в условиях кризиса и неопределенности может привести к их избыточному, «проблемному» потреблению (*problematic news consumption*) (McLaughlin, Gotlieb, Mills, 2023; McLaughlin, Gotlieb, Mills, Serra et al., 2024; McLaughlin, Gotlieb, Mills, 2025), «новостной наркомании» (*news junkies*) (Broersma, Swart, 2022; Mourão, Thorson, Chen, Tham, 2018), «зависимости от новостей» (*news addiction*) (Gerhart, Torres, Hamilton, 2024; Kakunje, Shetty, Kumar, Puthran, 2021; Puthran, Kakunje, 2025; Tang, Hung, Au-Yeung, Yuen, 2020), «запойному просмотру» (*binge-watching*) (Wojcieszak, Clemm von Hohenberg, Casas, Menchen-Trevino et al., 2022) – одним словом, к думскроллингу. В нашем исследовании будем оперировать этим последним термином как наименее оценочным и наиболее нормативно нагруженным.

Определения думскроллинга разнообразны, однако в большинстве из них внимание акцентируется на следующих элементах: «потребление бесконечного потока» (Ytre-Arne, Moe, 2021); «бесконечное прокручивание» (Chand, Mishra, 2024) новостей; негативный уклон транслируемого контента: «ищут депрессивную и негативную информацию» (Satici, Gocet Tekin, Deniz, Satici,

2023), «упорно уделяют внимание негативной информации в своих новостных лентах о кризисах, катастрофах и трагедиях» (Sharma, Lee, Johnson, 2022); неблагоприятные последствия: «ухудшение психического здоровья» (Buchanan, Aknin, Lotun, Sandstrom, 2021), «негативный аффект после просмотра» (Price, Legrand, Brier, van Stolk-Cooke et al., 2022). Кроме того, в определениях может дополнительно уточняться, что речь идет о просмотре новостей в социальных сетях (Chand, Mishra, 2024; Satici, Gocet Tekin, Deniz, Satici, 2023; Sharma, Lee, Johnson, 2022). Однако такое внимание именно к цифровому потреблению информационного контента представляется не самым продуктивным решением, поскольку для большинства пользователей характерны комплексные кроссплатформенные медиарепертуары и использование разнородных источников (Kobbernagel, Schrøder, 2016; Swart, Peters, Broersma, 2017; Taneja, Webster, Malthouse, Ksiazek, 2012). Социальные сети, безусловно, способствуют избыточному потреблению новостей. Однако проблемной является, скорее, общая чрезмерная погруженность в информационный поток. Например, возможна ситуация, когда человек демонстрирует умеренную вовлеченность в просмотр новостей в социальных сетях, однако дополнительно использует ряд новостных приложений, слушает информационный контент по радио по дороге на работу и не пропускает вечерние выпуски новостей по телевидению. В этом случае его потребление контента в социальных медиа нельзя интерпретировать как думскроллинг, однако общий объем информации вызывает тревогу. Следуя этой логике, определим думскроллинг как *избыточное потребление негативных новостей, оказывающее воздействие на эмоциональное состояние*, не акцентируя внимания на используемых каналах коммуникации.

Основанием для активного изучения и попыток измерения проблемного потребления новостей и думскроллинга являются многочисленные неблагоприятные последствия избыточного медиапотребления. Исследователи указывают, что чрезмерное внимание к информационному контенту влечет за собой психологическое неблагополучие (McLaughlin, Gotlieb, Mills, 2023; 2025) и дистресс (Kellerman, Hamilton, Selby, Kleiman, 2022; Satici, Gocet Tekin, Deniz et al., 2023; Soraci, Griffiths, Bevan, Pisanti et al., 2025), экзистенциальную тревогу (Shabahang, Hwang, Thomas, Aruguete et al., 2024), депрессию (Bendau, Petzold, Pyrkosch, Mascarell Maricic

et al., 2021; Kakunje, Shetty, Kumar, Puthran, 2021; Yang, Tan, Lang, Wang et al., 2024) и ПТСР (Hall, Xiong, Yip, Lao et al., 2019; Holman, Garfin, Lubens, Silver, 2020; Whealin, Fischer, Na, Pietrzak, 2023). Потребление жестокого контента связывают с повышенным уровнем ситуативной тревожности (Vyrkovsky, Krasheninnikova, 2024). Предполагается, что это может способствовать политической враждебности и готовности к конфронтации (McLaughlin, Gotlieb, Mills, Serra et al., 2024), снижению академической мотивации студентов (Khalili, Jabali, Saeedi, Jabali, 2025), а также вовлеченности в трудовую деятельность (Hughes, Keith, Lee, Gray, 2024).

Многочисленные негативные эффекты делают необходимой разработку инструментария для оценки масштабов явления. Здесь возможны два подхода. Прежде всего, избыточным можно считать потребление новостей, превышающее определенную планку: например, более 4 (Silver, Holman, Andersen, Poulin et al., 2013) или 6 часов (Holman, Garfin, Silver, 2014) в день. Однако этот подход не всегда продуктивен, поскольку думскроллинг представляет собой гетерогенный феномен, не сводимый только к количественным показателям просмотров. Кроме того, респонденту бывает сложно оценить свои временны́е затраты, поскольку новости потребляются в течение всего дня, в несколько заходов (Казун, 2024) – так называемое «перекусывание новостями» (*news snacking*) (Barnes, Mulcahy, Riedel, 2025; Ohme, Mothes, 2025). Альтернативой количественным замерам времени, затрачиваемого на потребление новостей, выступает использование шкал, направленных на комплексное измерение феномена. На текущий момент были разработаны две основных шкалы – восьмиэлементная шкала думскроллинга в социальных сетях (*Social Media Doomscrolling Scale, SMDS*) (Shabahang, Kim, Hosseinkhanzadeh, Aruguete et al., 2023) и пятнадцатиэлементная шкала думскроллинга (*DSS*-15), которая была валидирована для России (Максименко, Дейнека, Мортикова, 2022) и используется отечественными исследователями (Максименко, Дейнека, 2023; Максименко, Золотарева, Каширский, 2025; Рахман Хашими, 2024).

Указанные инструменты имеют свои ограничения. В частности, шкала *SMDS* была сконструирована для измерения думскроллинга в социальных сетях, тогда как эмпирические исследования показывают, что для большинства пользователей

характерны кроссплатформенные медиарепертуары и совмещение онлайн- и офлайн-источников новостей. Валидированная для России шкала *DSS*-15, в свою очередь, является достаточно объемной и содержит ряд содержательно близких пунктов, что затрудняет ее использование в масштабных опросах, в которых думскроллинг является лишь одним из аналитических блоков и время интервью ограничено. Целью данной статьи является разработка и апробация на репрезентативных российских данных короткой шкалы думскроллинга[2].

Химические и поведенческие зависимости: сходства и различия

Исследователи проблемного потребления новостей часто следуют квазиклинической логике. С одной стороны, это проявляется в использовании концептуального аппарата, присущего исследованиям химических аддикций, например элементов компонентной модели аддикции (Griffiths, 2005): «поглощенность» (*salience/preoccupation*), толерантность, «симптомы отмены» (*withdrawal-like symptoms*), «потеря контроля» (*loss of control*), «функциональные нарушения» (*functional impairment*). С другой стороны, квазиклинический характер исследований проблемного потребления новостей отражается в используемой для его обозначения терминологии: «зависимость» (Gerhart, Torres, Hamilton, 2024; Kakunje, Shetty, Kumar, Puthran, 2021; Puthran, Kakunje, 2025; Tang, Hung, Au-Yeung, Yuen, 2020), «запой» (Wojcieszak, Clemm von Hohenberg, Casas, Menchen-Trevino et al., 2022), «новостные наркоманы» (Broersma, Swart, 2022; Mourão, Thorson, Chen, Tham, 2018). Думскроллинг рассматривается как стиль медиапотребления, важным компонентом которого является компульсивность и дефицит саморегуляции (Türk-Kurtça, Kocatürk, 2025; Dominguez-Rodriguez, Apprich, Friehs, van der Graaf et al., 2025; Chisholm, Hartman-Caverly, 2022; Groot Kormelink, Klein Gunnewiek, 2022; Musiał, 2025; Salisbury, 2023). При разработке короткой шкалы думскроллинга мы следуем этой логике. Тем не менее необходимо оговорить и в дальнейшем принимать во внимание различия между химическими и непсихоактивными (*non-substance*) или поведенческими зависимостями.

Нейробиологи указывают на сходства поведенческих и химических аддикций (Park, Han, Roh, 2017), в частности отмечая

связь между зависимостью от интернета и изменениями в дофаминергических путях вознаграждения (Kuss, Griffiths, 2012; Tereshchenko, 2023). Исследователи в области социальных наук также говорят о том, что химические и поведенческие аддикции имеют ряд общих черт (Grant, Potenza, Weinstein, Gorelick, 2010; Yau, Potenza, 2015). Например, в обоих случаях может возникать толерантность[3] (постепенное снижение позитивного влияния на настроение при повторяющихся действиях) и необходимость увеличения «дозы» для получения того же эффекта (Grant, Brewer, Potenza, 2006). В этой связи поведенческие зависимости предлагается изучать с опорой на те же диагностические критерии, которые используют в исследованиях химических зависимостей (Robbins, Clark, 2015). Однако различия между данными явлениями очевидны.

Прежде всего, в случае химических аддикций воздействие вещества может вызывать интоксикацию, фармакологическую толерантность и физиологические симптомы отмены. Тогда как поведенческие зависимости связаны с деятельностью, а не с веществом. Таким образом, химические и поведенческие зависимости имеют разный объект – воздействие психоактивного вещества или чрезмерная деятельность, при которой психотропный эффект создается за счет собственных биохимических процессов организма (Albrecht, Kirschner, Grüsser, 2007). В результате часть пунктов, используемых исследователями аддикций, либо теряют смысл, либо трансформируют свое значение. Например, говоря о толерантности, мы подразумеваем не увеличение дозы для получения сопоставимого эффекта, а возрастающие временны́е затраты на соответствующую активность. Содержательно это означает, что в случае поведенческих зависимостей грань между «нормой» и клиническим проявлением оказывается более тонкой. Поскольку сами по себе активности (просмотр новостей, использование социальных сетей, видеоигры) соответствуют нормам общества, сложно понять, когда высокая вовлеченность превращается в аддикцию. В этой связи исследователи предлагают уделять большее внимание именно связанным с соответствующим поведением функциональным нарушениям (Kardefelt-Winther, Heeren, Schimmenti, van Rooij et al., 2017). Таким образом, прямое «опрокидывание» диагностических критериев, разработанных для химических зависимостей, на поведенческие аддикции является

методологически проблематичным (Albrecht, Kirschner, Grüsser, 2007; Flayelle, Schimmenti, Starcevic, Billieux, 2022; Király, Griffiths, Demetrovics, 2015).

Разработка шкалы

Как было отмечено ранее, аддиктивное поведение обычно описывается через совокупность образующих его компонентов (Griffiths, 2005) или диагностических критериев (Hasin, O'Brien, Auriacombe, Borges et al., 2013). При разработке короткой шкалы думскроллинга мы опирались на соответствующие исследования. Прежде всего, одним из ключевых элементов аддиктивного поведения является «поглощенность человека» (*salience/preoccupation*), когда та или иная активность начинает занимать в мыслях и повседневности центральное место (Griffiths, 2005; Varona, Muela, Machimbarrena, 2022). Соответствующие вопросы часто используются в исследованиях поведенческих зависимостей (Andreassen, 2015). В короткой шкале думскроллинга на выявление данного компонента направлен тезис 1.

Другим важным элементом аддикции выступают «симптомы отмены» (*withdrawal-like symptoms*) – дистресс, испытываемый при лишении (невозможности продолжать употребление или деятельность) (см. тезис 2). Симптомы отмены как компонент включают, например, в шкалы зависимости от смартфона (Billieux, Maurage, Lopez-Fernandez, Kuss et al., 2015; Lin, Chang, Lee, Tseng et al., 2014).

В диагностические критерии химических зависимостей (*DSM*-5) входит также продолжение употребления, несмотря на знание о том, что подобные действия наносят вред, усугубляя физические и психологические проблемы (Hasin, O'Brien, Auriacombe, Borges et al., 2013). Отчасти данный пункт связан с потерей контроля и дефицитом саморегуляции. В несколько смягченном виде этот пункт также был включен в шкалу думскроллинга (тезис 3).

Следующий элемент шкалы касается избыточности просмотра новостей и связанного с этим дефицита саморегуляции (тезис 4). Данный элемент также хорошо соотносится с диагностическими критериями *DSM*-5, в число которых входит б льший объем употребления, чем планировалось (Hasin, O'Brien, Auriacombe, Borges et al., 2013). Косвенно этот пункт может относиться к толерантности (Griffiths, 2005) – потребности в увеличении «дозы», которая способствует росту временных затрат на соответствующую активность.

Наконец, при изучении поведенческих́ зависимостей рекомендуется уделять внимание связанным с ними функциональным нарушениям (Kardefelt-Winther, Heeren, Schimmenti, van Rooij et al., 2017). Аддикции вступают в конфликт с другими повседневными делами и социальными отношениями, препятствуя их полноценной реализации (Griffiths, 2005). Отчасти это связано с навязчивой концентрацией на объекте зависимости. В целом в концепции проблемного потребления новостей именно навязчивые мысли о такой информации (*preoccupation*) и связанные с ними помехи для других аспектов (*interference*) определяют переход от высокой вовлеченности к квазиаддиктивному потреблению новостей (McLaughlin, Gotlieb, Mills, 2023). На фиксацию подобных проявлений направлен тезис 5 в предлагаемой шкале.

Короткая шкала думскроллинга[4]

1. Я замечаю, что постоянно просматриваю негативные новости.
2. Я чувствую раздражение или тревогу, когда у меня нет возможности посмотреть новости.
3. Я продолжаю читать или смотреть новости, даже если они негативно влияют на мое настроение.
4. Я трачу на просмотр новостей больше времени, чем следовало бы.
5. Мысли о новостях часто мешают мне сосредоточиться на работе, учебе или общении.

Методика

Данные

Эмпирической основой статьи стали результаты опроса взрослого населения РФ «Экономическое поведение домашних хозяйств» (волна 6), проведенного весной 2025 г.[5] Выборка исследования репрезентирует население РФ по федеральным округам, типу населенного пункта, полу и возрасту. Опрос проводился специально обученными интервьюерами методом *CAPI* (личное формализованное интервью с занесением информации в программу через планшет) по многоступенчатой стратифицированной выборке с маршрутным отбором домохозяйств. Время прохождения опроса варьировалось от 20 минут до 2 часов 08 минут (по большей части составляло 45–55 минут). Помимо блока о медиапотре-

блении анкета содержала широкий спектр вопросов о социально-демографических характеристиках респондента, его положении на рынке труда, эмоциональном состоянии, здоровье, расходах, потреблении и финансовом поведении. База данных включает 6041 заполненную анкету.

Этапы тестирования шкалы

Тестирование короткой шкалы думскроллинга проводится в несколько этапов. Прежде всего, будет проанализирована доля людей, выразивших согласие с каждым из предложенных тезисов. На данном этапе можно оценить относительную распространенность тех или иных проявлений проблемного потребления новостей, а также убедиться, что степень согласия с пунктами шкалы вариативна и позволяет дифференцировать потребителей информационного контента.

Далее, уделяется внимание стандартному пункту тестирования любой шкалы – ее согласованности. Будут рассмотрены значения коэффициента Альфа (α) Кронбаха (1) для шкалы в целом, (2) в разрезе различных социально-демографических групп, а также (3) при удалении каждого из включенных в шкалу элементов. Первое позволит оценить, насколько пункты шкалы связаны между собой и, следовательно, работают на измерение одного и того же латентного конструкта (думскроллинга). Именно приемлемый уровень Альфа Кронбаха позволяет считать включенные в шкалу элементы частями одного индекса, а не отдельными вопросами. Второе необходимо для того, чтобы убедиться, что уровень согласованности шкалы остается приемлемым для различных категорий населения, следовательно, инструментарий может быть использован для их сравнения. Третье выступает одним из способов выявления «провальных» пунктов, которые снижают качество предлагаемого инструментария и должны быть исключены.

Следующим этапом будет проведен эксплораторный факторный анализ (метод главных компонент), направленный на выявление латентной структуры предлагаемой шкалы думскроллинга. Данный шаг позволяет оценить, образуют ли пункты шкалы один общий фактор или речь идет о нескольких субшкалах. Кроме того, на этом этапе также можно выявить неудачные элементы инструментария. Если по итогам факторного анализа вопрос оказывается не связан с другими пунктами и имеет слабую факторную нагрузку, возможно, имеет смысл его исключить. Для повышения интерпретируемо-

сти структуры в случае возможной многомерности применялась ортогональная ротация *Varimax* (с нормализацией Кайзера). Однако критерии числа факторов указали на одномерную структуру. При одном факторе ротация не меняет решение, поэтому в таблице приводятся нагрузки по единственному компоненту.

Наконец, на финальном этапе исследования проверяется, работает ли шкала в соответствии с теоретическими ожиданиями. Предшествующие исследования доказывают, что проблемное потребление новостей тесно связано с эмоциональным состоянием и ментальным здоровьем. С целью убедиться, что данная закономерность выполняется на наших данных, будут проанализированы различия следующих параметров в группах с разной выраженностью думскроллинга:

– нервные расстройства, депрессии, плохое эмоциональное самочувствие за последние 12 месяцев;

– опыт обращения к психологу, психотерапевту или психиатру в последние 12 месяцев;

– употребление безрецептурных успокоительных средств в последние 12 месяцев;

– употребление антидепрессантов и успокоительных средств, прописанных врачом, за последние 12 месяцев;

– тревога о будущем.

Результаты тестирования шкалы думскроллинга

Наиболее часто респонденты выражали полное или частичное согласие с тезисами о том, что они продолжают просматривать новости, вопреки их негативному влиянию на настроение (25,9%), и часто просматривают негативный информационный контент (22,1%) (см. табл. 1). Несколько реже упоминается чрезмерность временных затрат на потребление новостей (13%). Наименее часто при этом респонденты говорят о связанных с новостями поведенческих нарушениях: когнитивной поглощенности, препятствующей осуществлению других повседневных активностей (10,1%), а также проявлениях симптомов отмены (9,3%).

Таким образом, распределение согласия с пунктами носит ступенчатый характер, включая как «мягкие» признаки, свойственные многим респондентам, так и более редкие и дисфункциональные проявления проблемного потребления новостей. Следовательно, использование данной шкалы должно позволить не только

измерить выраженность думскроллинга, но и выделить тех, кто находится в группе риска и испытывает наибольшие негативные эффекты от своего стиля потребления новостей.

Таблица 1

Согласие с тезисами, включенными в шкалу думскроллинга (в % по выборке)

Элемент шкалы	Согласие
Я замечаю, что постоянно просматриваю негативные новости	22,1%
Я чувствую раздражение или тревогу, когда у меня нет возможности посмотреть новости	9,3%
Я продолжаю читать или смотреть новости, даже если они негативно влияют на мое настроение	25,9%
Я трачу на просмотр новостей больше времени, чем следовало бы	13,0%
Мысли о новостях часто мешают мне сосредоточиться на работе, учебе или общении	10,1%

Альфа (α) Кронбаха по выборке в целом составляет 0,741 (см. табл. 2). При этом данный коэффициент существенно зависит от числа пунктов шкалы и средней межпунктовой корреляции. Короткие шкалы при сопоставимой межпунктовой связанности, как правило, демонстрируют более низкие значения α, чем развернутые инструменты (Cortina, 1993; Schmitt, 1996; Tavakol, Dennick, 2011). С учетом длины шкалы (5 пунктов) значение $\alpha = 0{,}741$ можно интерпретировать как приемлемое для исследовательского инструмента на этапе апробации. В различных социально-демографических группах уровень согласованности шкалы сохраняется. Следовательно, инструментарий применим для сравнения указанных групп, а также может использоваться для проведения исследований на выборке, репрезентирующей не население страны в целом, а отдельные категорияи населения (например, сельские жители или молодежь).

Таблица 2

Согласованность шкалы думскроллинга по выборке в целом и в разрезе социально-демографических групп (альфа Кронбаха)

	Пол		**Возраст**					
	муж	*жен*	*18-24*	*25-34*	*35-44*	*45-54*	*55-64*	*65+*
По выборке 0,741	0,736	0,744	0,759	0,754	0,718	0,737	0,752	0,715
	Образование			**Населенный пункт**				
	Начальное проф. и ниже	*Среднее проф.*	*Высшее*	*Города 1 млн+*	*Города 250 тыс.-1 млн*	*Города 100-250 тыс.*	*Города менее 100 тыс.*	*Села*
	0,719	0,76	0,736	0,729	0,74	0,739	0,754	0,74

Исключение любого элемента шкалы снижает ее согласованность (см. табл. 3). Следовательно, каждый пункт вносит свой вклад в измерение думскроллинга. Содержательно это означает, что шкала не перегружена повторяющимися вопросами и не содержит пунктов, которые ухудшают ее психометрические свойства. Инструментарий не требует корректировки включенных в него элементов.

Таблица 3

Согласованность шкалы при удалении отдельных элементов

Элемент шкалы	**Альфа Кронбаха при исключении элемента**
Я замечаю, что постоянно просматриваю негативные новости	0,724
Я чувствую раздражение или тревогу, когда у меня нет возможности посмотреть новости	0,687
Я продолжаю читать или смотреть новости, даже если они негативно влияют на мое настроение	0,707
Я трачу на просмотр новостей больше времени, чем следовало бы	0,662
Мысли о новостях часто мешают мне сосредоточиться на работе, учебе или общении	0,701

По итогам факторного анализа (см. табл. 4) не обнаружено провальных пунктов. Оценки общностей по извлечению (h^2) лежат в интервале 0,390–0,618, что указывает на содержательный

вклад каждого пункта в общий фактор. Значений ниже условного порога 0,30, которые интерпретируются как критически низкие, не выявлено. Общность для пункта «Я замечаю, что постоянно просматриваю негативные новости» составляет 0,390, что несколько ниже часто используемого эмпирического ориентира 0,40 (Costello, Osborne, 2005), однако остается в допустимой зоне для коротких одномерных шкал. При этом пункт характеризуется факторной нагрузкой 0,625 (см. табл. 4) и приводит к снижению α Кронбаха при его удалении (см. табл. 3), что свидетельствует о его вкладе в общий фактор. Содержательно он отражает компонент повседневной поглощенности негативными новостями, важный для теоретически полного описания феномена. Кроме того, сохранение пункта не усложняет модель (структура остается одномерной) и повышает содержательную валидность измерения за счет фиксации данного аспекта думскроллинга.

Факторные нагрузки всех пунктов составляют 0,625–0,786. Таким образом, факторный анализ подтверждает одномерность предложенной шкалы, все ее пункты связаны между собой и вносят вклад в измерение одного латентного конструкта – думскроллинга.

Таблица 4

Результаты эксплораторного факторного анализа

Элемент шкалы	Компонент
Я замечаю, что постоянно просматриваю негативные новости	0,625
Я чувствую раздражение или тревогу, когда у меня нет возможности посмотреть новости	0,742
Я продолжаю читать или смотреть новости, даже если они негативно влияют на мое настроение	0,675
Я трачу на просмотр новостей больше времени, чем следовало бы	0,786
Мысли о новостях часто мешают мне сосредоточиться на работе, учебе или общении	0,707

На основании преобразования сумматорной шкалы думскроллинга были выделены группы, в которых проявления проблемного потребления новостей отсутствуют, являются умеренными или выраженными. На первом этапе были суммированы степени согласия респондентов с каждым пунктом шкалы, при этом для каждого опрошенного получилось число от 5 (полное несогласие с каждым

из пунктов) до 25 (полное согласие с каждым из пунктов). Далее эти данные были преобразованы в трехбалльные, где значения от 5 до 10 означают отсутствие проявлений думскроллинга, от 11 до 18 – его умеренный уровень, от 19 и выше – выраженный. Анализ наполненности выделенных групп показывает, что большинство россиян на момент проведения опроса не были вовлечены в думскроллинг (64%), умеренный думскроллинг присущ 31% опрошенных и только 5% респондентов представляют собой людей с выраженными проявлениями думскроллинга. В целом такой результат закономерен, поскольку проблемное потребление новостей возрастает в периоды повышенной неопределенности и кризисов, тогда как весной 2025 г. резких изменений и новых драматических событий в информационной повестке дня не наблюдалось.

Анализ психологического неблагополучия и использования медицинских препаратов для регулирования эмоционального состояния среди россиян с различной выраженностью думскроллинга показал существенные различия между ними. По мере перехода от группы с низкими значениями шкалы к группам с умеренным и высоким думскроллингом последовательно растут доли тех, кто сообщает о нервных расстройствах, депрессии и плохом эмоциональном самочувствии, а также тех, кто использует безрецептурные успокоительные и назначенные врачом антидепрессанты и транквилизаторы (см. табл. 5). Например, при высоком думскроллинге доля людей, принимающих прописанные препараты, вдвое выше, чем в группе без проявлений феномена (9,8% против 4,2%). Данный вывод хорошо соотносится с результатами предшествующих исследований, доказавших связь между проблемным потреблением новостей и ментальным здоровьем (Максименко, Дейнека, Мортикова, 2022; Максименко, Золотарева, Каширский, 2025; Bendau, Petzold, Pyrkosch, Mascarell Maricic et al., 2021; Kellerman, Hamilton, Selby, Kleiman, 2022; McLaughlin, Gotlieb, Mills, 2023; Shabahang, Kim, Hosseinkhanzadeh, Aruguete et al., 2023; Yang, Tan, Lang, Wang et al., 2024).

При этом различия между группами имеют градуальный характер: респонденты с умеренными проявлениями думскроллинга занимают промежуточное положение между теми, у кого они отсутствуют, и теми, у кого они выражены сильнее. Следовательно, можно говорить о том, что последствия думскроллинга зависят от «дозы»: большее воздействие приводит к более серьезным последствиям, что соответствует полученным ранее результатам (Holman, Garfin, Silver, 2014).

Таблица 5

Психологическое неблагополучие и прием медикаментов для регулирования эмоционального состояния в группах с различной выраженностью думскроллинга

Проявления думскроллинга	N	Нервные расстройства, депрессии, плохое эмоциональное самочувствие	Обращения к психологу, психотерапевту или психиатру	Безрецептурные успокоительные средства	Антидепрессанты и успокоительные средства, прописанные врачом
Отсутствуют	3829	23,4%	4,6%	11,8%	4,2%
Умеренные	1822	28,7%	4,6%	16,4%	5,7%
Выраженные	327	35,5%	8,0%	19,1%	9,8%
Уровень значимости различий		***	**	**	***

Примечание: * p<0.05, ** p<0.01, *** p<0.001.

Предшествующие исследования также связывают думскроллинг с повышением уровня экзистенциональной тревоги (Shabahang, Hwang, Thomas, Aruguete et al., 2024). При тестировании короткой шкалы думскроллинга можно прийти к аналогичным выводам в отношении тревоги о будущем (см. табл. 6). Так, в группе без проявлений думскроллинга почти половина респондентов полностью не согласна с утверждением «Я опасаюсь, что в будущем моя жизнь в целом изменится к худшему» (43%). Тогда как в группах с умеренным и выраженным думскроллингом эта доля заметно ниже (23,7% и 19,6% соответственно). Одновременно с этим по мере усиления думскроллинга растет доля респондентов, демонстрирующих высокую тревогу о будущем: полностью согласны с предложенным тезисом 22,6% людей с высокой выраженностью феномена (против 10,6% в группе с отсутствием проявлений думскроллинга и 12,4% в целом по выборке).

Таблица 6

Степень согласия с тезисом о тревоге относительно будущего в группах с различным уровнем выраженности думскроллинга (1 – полностью не согласен, 7 – полностью согласен)

Степень согласия с тезисом		Проявления думскроллинга			Всего по выборке
		Отсутствуют	Умеренные	Выраженные	
Я опасаюсь, что в будущем моя жизнь в целом изменится к худшему	1	43,0%	23,7%	19,6%	35,9%
	2	9,1%	9,1%	4,0%	8,8%
	3	7,2%	9,0%	2,8%	7,5%
	4	17,9%	23,2%	22,3%	19,7%
	5	7,7%	13,4%	18,7%	10,0%
	6	4,5%	7,2%	10,1%	5,6%
	7	10,6%	14,4%	22,6%	12,4%

Таким образом, шкала думскроллинга фиксирует не только частоту обращения к новостям, но и связанное со стилем их потребления психологическое неблагополучие, используемые стратегии совладания и беспокойство о будущем. Подобный результат соответствует теоретическим ожиданиям и подтверждает валидность предложенного инструментария.

Заключение

Предложенный инструмент может использоваться для оценки масштабов думскроллинга и выявления групп риска. Распределения ответов по пунктам шкалы соответствуют ожидаемой «ступенчатости» проявлений феномена. Наблюдается более высокое согласие с тезисами о повседневном и регулярном потреблении новостей в контексте их негативного уклона и неблагоприятного влияния на эмоциональное состояние (около 22–26%), тогда как

о симптомах отмены и связанных с потреблением такого контента функциональных нарушениях говорят реже (около 9–10%).

Тестируемая шкала является согласованной ($\alpha = 0{,}741$) и однофакторной. Большее согласие с одним из пунктов инструмента означает большее согласие и с другими его пунктами. Шкала не может быть улучшена за счет исключения каких-либо элементов, все они вносят содержательный вклад и работают на измерение одного феномена. Связи думскроллинга с индикаторами психологического неблагополучия, использованием медикаментов для регулирования эмоционального состояния и опасениями относительно будущего соответствуют теоретическим ожиданиям. Отсутствие контринтуитивных результатов в данном случае подтверждает, что инструмент измеряет именно тот феномен, который предполагалось. Таким образом, шкала демонстрирует устойчивые психометрические характеристики, которые в совокупности подтверждают ее пригодность для диагностики думскроллинга.

Предложенный инструмент рассматривает проблемное потребление новостей в логике поведенческих аддикций, не сводясь при этом к критикуемому во многих исследованиях механическому переносу критериев химической зависимости. Шкала не столько медикализирует повседневное медиапотребление, сколько позволяет выделить тех респондентов, у которых вовлеченность в негативные новости сопровождается ухудшением эмоционального состояния и помехами для повседневной жизни, что может рассматриваться как квазиаддиктивный паттерн.

Настоящее исследование имеет ряд ограничений, которые следует учитывать при интерпретации результатов. Во-первых, данные не позволяют делать выводы о причинно-следственных связях. Соответственно, нельзя сказать, что является первичным: думскроллинг или психологическое неблагополучие. Вызывает ли думскроллинг тревожность, подталкивая к употреблению антидепрессантов и транквилизаторов? Или же тревожные люди, которые принимают соответствующие препараты, демонстрируют большую склонность к проблемному потреблению новостей? Вероятнее всего, связь является двухсторонней. Однако, чтобы с уверенностью делать выводы о направлении связи, необходимы панельные данные. Впрочем, с учетом того, что целью исследования является тестирование шкалы, а не анализ феномена думскроллинга, данное ограничение не является значимым. Во-вторых,

необходимо отметить, что данные были собраны в относительно стабильной общественно-политической ситуации. Было бы важно дополнительно оценить работу шкалы в условиях острых кризисов (например, эпидемий или экономических шоков), когда интенсивность новостного потребления и эмоциональные реакции аудитории могут качественно меняться. Наконец, шкала намеренно сконструирована как короткий инструмент, что делает ее удобной для использования в прикладных опросах, но одновременно ограничивает глубину охвата отдельных аспектов думскроллинга. В этой связи представляется важным ее последующее сопоставление с более развернутыми измерительными моделями.

Примечания

[1] Работа выполнена в Лаборатории экономико-социологических исследований (ЛЭСИ) НИУ ВШЭ в рамках проекта «Экономическое поведение домашних хозяйств» при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (*The study was conducted in the Laboratory for Studies in Economic Sociology at the HSE University in the project 'Economic Behavior of the Households' and supported by the Program for Basic Research of the HSE University*).

[2] В дальнейшем под «шкалой думскроллинга» понимается короткая шкала Лайкерт-типа: совокупность пяти утверждений, оцениваемых по пятибалльной шкале согласия; их суммарное значение интерпретируется как показатель выраженности думскроллинга. Использование термина «шкала» относится к опросной психометрической традиции и не подразумевает клинической диагностики.

[3] Наиболее авторитетные и используемые диагностические критерии химических зависимостей (*DSM*-5 и *ICD*-11) включают толерантность как элемент химических аддикций (Matone, Gandin, Ghirini, Scafato, 2022; Hasin, O'Brien, Auriacombe, Borges et al., 2013).

[4] В рамках одной из предшествующих волн опроса «Экономическое поведение домашних хозяйств» проводилось также тестирование расширенной шкалы думскроллинга, состоящей из 12 элементов. В настоящее время публикация по этой теме находится в работе.

[5] Автор настоящей статьи является участником проекта и отвечает за разработку вопросов анкеты, включаемых в блок, посвященный медиапотреблению.

Библиография

Казун А. Д. Потребление новостей в повседневной рутине думскроллеров // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2024. № 2 (180). С. 226–244.

Максименко А. А., Дейнека О. С. Инфодемический думскроллинг и проблемы сексуальной удовлетворенности у женщин // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. 2023. Т. 14. № 4. С. 400–410.

Максименко А. А., Дейнека О. С., Мортикова И. А. Инфодемический думскроллинг и психологическое благополучие россиян // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 12. С. 129–136.

Максименко А. А., Золотарева А. А., Каширский Д. В. От экранов к бессоннице: как цифровые стрессоры связаны с характеристиками сна россиян? // Экология человека. 2025. Т. 32. № 3. С. 207–218.

Рахман Хашими С. М. Выраженность думскроллинга у интернет-пользователей с разным уровнем интернет-зависимости // Вестник СНО Санкт-Петербургского университета. Науки об обществе. 2024. Т. 1. Вып. 1. С. 64–78. DOI: 10.21638/spbu36.2024.104

Alateeq D., Doumi R., Alharthi A., Alsayari N., Alotaibi R., Alharthi R., Althomali W., Alsaif B., Alshammari A., Aladwani S., Aldossary N., Alhindawi Z., Fayed A. (2025) Social Media Addiction: Prevalence, Determinants, and Correlation with Self-esteem and Loneliness among Young Adults in Saudi Arabia. *Journal of Nature and Science of Medicine* 8 (3): 233-241. DOI: 10.4103/jnsm.jnsm_207_24

Albrecht U., Kirschner N. E., Grüsser S. M. (2007) Diagnostic Instruments for Behavioural Addiction: An Overview. *GMS Psycho-Social Medicine* 4: Doc11.

Amirthalingam J., Khera A. (2024) Understanding Social Media Addiction: A Deep Dive. *Cureus* 16 (10): e72499. DOI: 10.7759/cureus.72499

Andreassen C. S. (2015) Online Social Network Site Addiction: A Comprehensive Review. *Current Addiction Reports* 2 (2): 175–184. DOI: 10.1007/s40429-015-0056-9

Barnes R., Mulcahy R., Riedel A. (2025) Push Notifications and News Snacking: The Impact of Mobile News Alert Framing on Reader Engagement. *New Media and Society* 27 (3): 1486–1506. DOI: 10.1177/14614448231196580

Bastos M., Naranjo-Zolotov M., Aparício M. (2024) Binge-watching Uncovered: Examining the Interplay of Perceived Usefulness, Habit, and Regret in Continuous Viewing. *Heliyon* 10 (6): e27848. DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e27848

Bendau A., Petzold M. B., Pyrkosch L., Mascarell Maricic L., Betzler F., Rogoll J., Große J., Str hle A., Plag J. (2021) Associations between COVID-19 Related Media Consumption and Symptoms of Anxiety, Depression and COVID-19 Related Fear in the General Population in Germany. *European Archives of Psychiatry and Clinical Neuroscience* 271 (2): 283–291. DOI: 10.1007/s00406-020-01171-6

Billieux J., Maurage P., Lopez-Fernandez O., Kuss D. J., Griffiths M. D. (2015) Can Disordered Mobile Phone Use Be Considered a Behavioral Addiction? An Update on Current Evidence and a Comprehensive Model for Future Research. *Current Addiction Reports* 2 (2): 156–162. DOI: 10.1007/s40429-015-0054-y

Broersma M., Swart J. (2022) Do Novel Routines Stick After the Pandemic? The Formation of News Habits During COVID-19. *Journalism Studies* 23 (5–6): 551–568. DOI: 10.1080/1461670X.2021.1932561

Buchanan K., Aknin L. B., Lotun S., Sandstrom G. M. (2021) Brief Exposure to Social Media During the COVID-19 Pandemic: Doom-scrolling Has Negative Emotional Consequences, but Kindness-scrolling Does Not. *PLOS ONE* 16 (10): e0257728. DOI: 10.1371/journal.pone.0257728

Casale S., Akbari M., Seydavi M., Bocci Benucci S., Fioravanti G. (2023) Has the Prevalence of Problematic Social Media Use Increased Over the Past Seven Years and Since the Start of the COVID-19 Pandemic? A Meta-analysis of the Studies Published Since the Development of the Bergen Social Media Addiction Scale. *Addictive Behaviors* 147: 107838. DOI: 10.1016/j.addbeh.2023.107838

Chand P. K., Mishra N. (2024) Detached Effects of Doom Scrolling on Generation Z Employee Performance in the Indian Information Technology Sector. *Information Discovery and Delivery* 53 (2): 261–271. DOI: 10.1108/IDD-07-2023-0081

Chang Y.-J., Peng C.-Y. (2022) Exploring Experiences of Binge-watching and Perceived Addictiveness among Binge-watchers: A Qualitative Study. *BMC Public Health* 22 (1): 2285. DOI: 10.1186/s12889-022-14789-z

Chisholm A., Hartman-Caverly S. (2022) Privacy Literacy: From Doomscrolling to Digital Wellness. *Portal* 22 (1): 53–79. DOI: 10.1353/pla.2022.0009

Cortina J. M. (1993) What is coefficient alpha? An examination of theory and applications. *Journal of Applied Psychology* 78 (1): 98–104.

Costello A. B., Osborne J. (2005) Best Practices in Exploratory Factor Analysis: Four Recommendations for Getting the Most from Your Analysis. *Practical Assessment, Research, and Evaluation* 10 (1): 7. DOI: 10.7275/jyj1-4868

Deschamps A., Fortier M.- ., G mez N. M., Auger A.-M., Fitzpatrick C., Brodeur M. (2025) Understanding Phubbing Behavior: A Scoping Review of Qualitative and Mixed-methods Studies. *Computers in Human Behavior Reports* 18: 100684. DOI: 10.1016/j.chbr.2025.100684

Dominguez-Rodriguez A., Apprich F., Friehs M. A., van der Graaf Sh., Steinrücke J. (2025) Climate change news and doomscrolling: An Examination of Influencing Factors and Psychological Effects. *Acta Psychologica* 255: 104925. DOI: 10.1016/j.actpsy.2025.104925

Flayelle M., Schimmenti A., Starcevic V., Billieux J. (2022) The Pitfalls of Recycling Substance-Use Disorder Criteria to Diagnose Behavioral Addictions. In *Evaluating the Brain Disease Model of Addiction*. Routledge.

Gerhart N., Torres R., Hamilton S. (2024) Understanding the Role of Psychosocial Factors in Online News Addiction. *Journal of Computer Information Systems* 0 (0): 1–14. DOI: 10.1080/08874417.2024.2407640

Grant J. E., Brewer J. A., Potenza M. N. (2006) The Neurobiology of Substance and Behavioral Addictions. *CNS Spectrums* 11 (12): 924–930. DOI: 10.1017/S109285290001511X

Grant J. E., Potenza M. N., Weinstein A., Gorelick D. A. (2010) Introduction to Behavioral Addictions. *The American Journal of Drug and Alcohol Abuse* 36 (5): 233–241. DOI: 10.3109/00952990.2010.491884

Griffiths M. (2005) A “Components” Model of Addiction within a Biopsychosocial Framework. *Journal of Substance Use* 10 (4): 191–197. DOI: 10.1080/14659890500114359

Groot Kormelink T., Klein Gunnewiek A. (2022) From “Far Away” to “Shock” to “Fatigue” to “Back to Normal”: How Young People Experienced News During the First Wave of the COVID-19 Pandemic. *Journalism Studies* 23 (5–6): 669–686. DOI: 10.1080/1461670X.2021.1932560

Hall B. J., Xiong Y. X., Yip P. S. Y., Lao C. K., Shi W., Sou E. K. L., Chang K., Wang L., Lam A. I. F. (2019) The Association Between Disaster Exposure and Media Use on Post-traumatic Stress Disorder Following Typhoon Hato in Macao, China. *European Journal of Psychotraumatology* 10 (1): 1558709. DOI: 10.1080/20008198.2018.1558709

Harris B., Regan T., Schueler J., Fields S. A. (2020) Problematic Mobile Phone and Smartphone Use Scales: A Systematic Review. *Frontiers in Psychology* 11: 672. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.00672

Hasin D. S., O’Brien C. P., Auriacombe M., Borges G., Bucholz K., Budney A., Compton W. M., Crowley T., Ling W., Petry N. M., Schuckit M., Grant B. F. (2013) DSM-5 Criteria for Substance Use Disorders: Recommendations and Rationale. *The American Journal of Psychiatry* 170 (8): 834–851. DOI: 10.1176/appi.ajp.2013.12060782

Holman E. A., Garfin D. R., Lubens P., Silver R. C. (2020) Media Exposure to Collective Trauma, Mental Health, and Functioning: Does It Matter What You See? *Clinical Psychological Science* 8 (1): 111–124. DOI: 10.1177/2167702619858300

Holman E. A., Garfin D. R., Silver R. C. (2014) Media’s Role in Broadcasting Acute Stress Following the Boston Marathon Bombings. *Proceedings of the National Academy of Sciences* 111 (1): 93–98. DOI: 10.1073/pnas.1316265110

Hughes I. M., Keith M. G., Lee J., Gray C. E. (2024) Working, Scrolling, and Worrying: Doomscrolling at Work and Its Implications for Work Engagement. *Computers in Human Behavior* 153: 108130. DOI: 10.1016/j.chb.2023.108130

Kaess M., Klar J., Kindler J., Parzer P., Brunner R., Carli V., Sarchiapone M., Hoven C. W., Apter A., Balazs J., Barzilay S., Bobes J., Cozman D., Gomboc V., Haring C., Kahn J.-P., Keeley H., Meszaros G., Musa G. J., ... Wasserman D. (2021) Excessive and Pathological Internet Use – Risk-behavior or Psychopathology? *Addictive Behaviors* 123: 107045. DOI: 10.1016/j.addbeh.2021.107045

Kakunje A., Shetty N., Kumar K. P., Puthran S. (2021) A New Behavioral Addiction: News Addiction. *Annals of Indian Psychiatry* 5(2): 185. DOI: 10.4103/aip.aip_129_20

Kardefelt-Winther D., Heeren A., Schimmenti A., van Rooij A., Maurage P., Carras M., Edman J., Blaszczynski A., Khazaal Y., Billieux J. (2017) How Can We Conceptualize Behavioural Addiction Without Pathologizing Common Behaviours? *Addiction* 112 (10): 1709–1715. DOI: 10.1111/add.13763

Karila L., Scher N., Draghi C., Lichte D., Darmon I., Boudabous H., Lamallem H., Bauduceau O., Bollet M., Toledano A. (2025) Understanding Problematic Smartphone and Social Media Use Among Adults in France: Cross-sectional Survey Study. *JMIR Mental Health* 12 (1): e63431. DOI: 10.2196/63431

Kellerman J. K., Hamilton J. L., Selby E. A., Kleiman E. M. (2022) The Mental Health Impact of Daily News Exposure During the COVID-19 Pandemic: Ecological Momentary Assessment Study. *JMIR Mental Health* 9 (5): e36966. DOI: 10.2196/36966

Khalili F., Jabali O., Saeedi M., Jabali S. (2025) Screens of Suffering: How Gaza War News Impacts Students' Minds and Motivation. *BMC Public Health* 25 (1): 4148. DOI: 10.1186/s12889-025-25464-4

Király O., Griffiths M. D., Demetrovics Z. (2015) Internet Gaming Disorder and the DSM-5: Conceptualization, Debates, and Controversies. *Current Addiction Reports* 2 (3): 254–262. DOI: 10.1007/s40429-015-0066-7

Kobbernagel C., Schrøder K. C. (2016) From Everyday Communicative Figurations to Rigorous Audience News Repertoires: A Mixed Method Approach to Cross-media News Consumption. *MedieKultur: Journal of Media and Communication Research* 32 (60): 6–31. DOI: 10.7146/mediekultur.v32i60.21302

Kuss D. J., Griffiths M. D. (2012) Internet and Gaming Addiction: A Systematic Literature Review of Neuroimaging Studies. *Brain Sciences* 2 (3): 347–374. DOI: 10.3390/brainsci2030347

Lanham R. A. (2007) *The Economics of Attention: Style and Substance in the Age of Information*. Chicago: University of Chicago Press.

Lin Y.-H., Chang L.-R., Lee Y.-H., Tseng H.-W., Kuo T. B. J., Chen S.-H. (2014) Development and Validation of the Smartphone Addiction Inventory (SPAI). *PLOS ONE* 9 (6): e98312. DOI: 10.1371/journal.pone.0098312

Matone A., Gandin C., Ghirini S., Scafato E. (2022) Alcohol and Substance Use Disorders Diagnostic Criteria Changes and Innovations in ICD-11: An Overview. *Clinical Psychology in Europe* 4 (Spec Issue): e9539. DOI: 10.32872/cpe.9539

McLaughlin B., Gotlieb M. R., Mills D. J. (2023) Caught in a Dangerous World: Problematic News Consumption and Its Relationship to Mental and Physical Ill-Being. *Health Communication* 38 (12): 2687–2697. DOI: 10.1080/10410236.2022.2106086

McLaughlin B., Gotlieb M. R., Mills D. J. (2025) Problematic News Consumption and Its Relationship to Mental and Physical Health: A Replication Study. *Health Communication*. DOI: 10.1080/10410236.2024.2434955

McLaughlin B., Gotlieb M. R., Mills D. J., Serra M. J., Cloudy J. (2024) Living in a (Mediated) Political World: Mindfulness, Problematic News Consumption, and Political Hostility. *Communication Research*. DOI: 10.1177/00936502241277149

Mourão R. R., Thorson E., Chen W., Tham S. M. (2018) Media Repertoires and News Trust During the Early Trump Administration. *Journalism Studies* 19 (13): 1945–1956. DOI: 10.1080/1461670X.2018.1500492

Musiał E. (2025) Doomscrolling – a Harmful Trend on the Web. Analysis of the Phenomenon. *Zeszyty Naukowe SGSP / Szkoła Główna Służby Pożarniczej* 93 (2): 193–210. DOI: 10.5604/01.3001.0055.0622

Ohme J., Mothes C. (2025) News Snacking and Political Learning: Changing Opportunity Structures of Digital Platform News Use and Political Knowledge. *Journal of Information Technology and Politics* 22 (1): 1–15. DOI: 10.1080/19331681.2023.2193579

Park B., Han D. H., Roh S. (2017) Neurobiological Findings Related to Internet Use Disorders. *Psychiatry and Clinical Neurosciences* 71 (7): 467–478. DOI: 10.1111/pcn.12422

Price M., Legrand A. C., Brier Z. M. F., van Stolk-Cooke K., Peck K., Dodds P. S., Danforth C. M., Adams Z. W. (2022) Doomscrolling During COVID-19: The Negative Association Between Daily Social and Traditional Media Consumption and Mental Health Symptoms During the COVID-19 Pandemic. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. DOI: 10.1037/tra0001202

Puthran S., Kakunje A. (2025) Insights into News Addiction. *Journal of Psychiatry Spectrum*. DOI: 10.4103/jopsys.jopsys_115_25

Rieser L., Furneaux B. (2022) Share of Attention: Exploring the Allocation of User Attention to Consumer Applications. *Computers in Human Behavior* 126: 107006. DOI: 10.1016/j.chb.2021.107006

Robbins T., Clark L. (2015) Behavioral Addictions. *Current Opinion in Neurobiology* 30: 66–72. DOI: 10.1016/j.conb.2014.09.005

Salisbury L. (2023) On Not Being Able to Read: Doomscrolling and Anxiety in Pandemic Times. *Textual Practice* 37 (6): 887–918. DOI: 10.1080/0950236X.2022.2056767

Satici S. A., Gocet Tekin E., Deniz M. E., Satici B. (2023) Doomscrolling Scale: Its Association with Personality Traits, Psychological Distress, Social Media Use, and Wellbeing. *Applied Research in Quality of Life* 18 (2): 833–847. DOI: 10.1007/s11482-022-10110-7

Schmitt N. (1996) Uses and abuses of coefficient alpha. *Psychological Assessment* 8 (4): 350–353.

Shabahang R., Hwang H., Thomas E. F., Aruguete M. S., McCutcheon L. E., Orosz G., Hossein Khanzadeh A. A., Mokhtari Chirani B., Zsila Á. (2024) Doomscrolling Evokes Existential Anxiety and Fosters Pessimism About Human Nature? Evidence from Iran and the United States. *Computers in Human Behavior Reports* 15: 100438. DOI: 10.1016/j.chbr.2024.100438

Shabahang R., Kim S., Hosseinkhanzadeh A. A., Aruguete M. S., Kakabaraee K. (2023) "Give Your Thumb a Break" from Surfing Tragic Posts: Potential Corrosive Consequences of Social Media Users' Doomscrolling. *Media Psychology* 26 (4): 460–479. DOI: 10.1080/15213269.2022.2157287

Sharma B., Lee S. S., Johnson B. K. (2022) The Dark at the End of the Tunnel: Doomscrolling on Social Media Newsfeeds. *Technology, Mind, and Behavior* 3(1): 1-13. DOI: 10.1037/tmb0000059

Silver R. C., Holman E. A., Andersen J. P., Poulin M., McIntosh D. N., Gil-Rivas V. (2013) Mental- and Physical-Health Effects of Acute Exposure to Media Images of the September 11, 2001, Attacks and the Iraq War. *Psychological Science* 24 (9): 1623–1634. DOI: 10.1177/0956797612460406

Soraci P., Griffiths M. D., Bevan N., Pisanti R., Trovato M., Servidio R., D'Aleo E., Campedelli L., Gallo F., Satici S. A. (2025) Psychometric Analysis of the Italian Doomscrolling Scale: Associations with Problematic Social Media Use, Psychological Distress, and Mental Well-being. *Current Psychology* 44 (12): 11872–11883. DOI: 10.1007/s12144-025-07976-9

Stroud N. J., Peacock C., Curry A. L. (2020) The Effects of Mobile Push Notifications on News Consumption and Learning. *Digital Journalism* 8 (1): 32–48. DOI: 10.1080/21670811.2019.1655462

Swart J., Peters C., Broersma M. (2017) Navigating Cross-media News Use: Media Repertoires and the Value of News in Everyday Life. *Journalism Studies* 18 (11): 1343–1362. DOI: 10.1080/1461670X.2015.1129285

Taneja H., Webster J. G., Malthouse E. C., Ksiazek T. B. (2012) Media Consumption Across Platforms: Identifying User-defined Repertoires. *New Media and Society* 14 (6): 951–968. DOI: 10.1177/1461444811436146

Tang G., Hung E. P. W., Au-Yeung H.-K. C., Yuen S. (2020) Politically Motivated Internet Addiction: Relationships among Online Information Exposure, Internet Addiction, FOMO, Psychological Well-being, and Radicalism in Massive Political Turbulence. *International Journal of Environmental Research and Public Health* 17 (2): 633. DOI: 10.3390/ijerph17020633

Tavakol M., Dennick R. (2011) Making sense of Cronbach's alpha. *International Journal of Medical Education* 2: 53–55.

Tereshchenko S. Y. (2023) Neurobiological Risk Factors for Problematic Social Media Use as a Specific Form of Internet Addiction: A Narrative Review. *World Journal of Psychiatry* 13 (5): 160–173. DOI: 10.5498/wjp.v13.i5.160

Türk-Kurtça T., Kocatürk M. (2025) Beyond the Scroll: Exploring How Intolerance of Uncertainty and Psychological Resilience Explain the Association Between Trait Anxiety and Doomscrolling. *Personality and Individual Differences* 233: 112919. DOI: 10.1016/j.paid.2024.112919

Varona M. N., Muela A., Machimbarrena J. M. (2022) Problematic Use or Addiction? A Scoping Review on Conceptual and Operational Definitions of Negative Social Networking Sites Use in Adolescents. *Addictive Behaviors* 134: 107400. DOI: 10.1016/j.addbeh.2022.107400

Vyrkovsky A., Krasheninnikova M. (2024) Factors of media text traumogenicity: The role of content and context. World of Media. *Journal of Russian Media and Journalism Studies* 4: 5–21. DOI: 10.30547/worldofmedia.4.2024.1

Whealin J. M., Fischer I. C., Na P. J., Pietrzak R. H. (2023) COVID-19-related Media Consumption and Posttraumatic Stress Symptoms in U.S. Military Veterans: A Nationally Representative, Longitudinal Study. *Psychiatry Research* 326: 115354. DOI: 10.1016/j.psychres.2023.115354

Wheatley D., Ferrer-Conill R. (2021) The Temporal Nature of Mobile Push Notification Alerts: A Study of European News Outlets' Dissemination Patterns. *Digital Journalism* 9 (6): 694–714. DOI: 10.1080/21670811.2020.1799425

Wojcieszak M., Clemm von Hohenberg B., Casas A., Menchen-Trevino E., de Leeuw S., Gonçalves A., Boon M. (2022) Null Effects of News Exposure: A Test of the (Un)desirable Effects of a "News Vacation" and "News Binging". *Humanities and Social Sciences Communications* 9 (1): 413. DOI: 10.1057/s41599-022-01423-x

Yang L., Tan X., Lang R., Wang T., Li K. (2024) Reliability and Validity of the Chinese Version of the Doomscrolling Scale and the Mediating Role of Doomscrolling in the Bidirectional Relationship Between Insomnia and Depression. *BMC Psychiatry* 24 (1): 565. DOI: 10.1186/s12888-024-06006-5

Yau Y. H. C., Potenza M. N. (2015) Gambling Disorder and Other Behavioral Addictions: Recognition and Treatment. *Harvard Review of Psychiatry* 23 (2): 134–146. DOI: 10.1097/HRP.0000000000000051

Ytre-Arne B., Moe H. (2021) Doomscrolling, Monitoring and Avoiding: News Use in COVID-19 Pandemic Lockdown. *Journalism Studies* 22 (13): 1739–1755. DOI: 10.1080/1461670X.2021.1952475

References

Alateeq D., Doumi R., Alharthi A., Alsayari N., Alotaibi R., Alharthi R., Althomali W., Alsaif B., Alshammari A., Aladwani S., Aldossary N., Alhindawi Z., Fayed A. (2025) Social Media Addiction: Prevalence, Determinants, and Correlation with Self-esteem and Loneliness among Young Adults in Saudi Arabia. *Journal of Nature and Science of Medicine* 8 (3): 233-241. DOI: 10.4103/jnsm.jnsm_207_24

Albrecht U., Kirschner N. E., Gr sser S. M. (2007) Diagnostic Instruments for Behavioural Addiction: An Overview. *GMS Psycho-Social Medicine* 4: Doc11.

Amirthalingam J., Khera A. (2024) Understanding Social Media Addiction: A Deep Dive. *Cureus* 16 (10): e72499. DOI: 10.7759/cureus.72499

Andreassen C. S. (2015) Online Social Network Site Addiction: A Comprehensive Review. *Current Addiction Reports* 2 (2): 175–184. DOI: 10.1007/s40429-015-0056-9

Barnes R., Mulcahy R., Riedel A. (2025) Push Notifications and News Snacking: The Impact of Mobile News Alert Framing on Reader Engagement. *New Media and Society* 27 (3): 1486–1506. DOI: 10.1177/14614448231196580

Bastos M., Naranjo-Zolotov M., Aparício M. (2024) Binge-watching Uncovered: Examining the Interplay of Perceived Usefulness, Habit, and Regret in Continuous Viewing. *Heliyon* 10 (6): e27848. DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e27848

Bendau A., Petzold M. B., Pyrkosch L., Mascarell Maricic L., Betzler F., Rogoll J., Große J., Ströhle A., Plag J. (2021) Associations between COVID-19 Related Media Consumption and Symptoms of Anxiety, Depression and COVID-19 Related Fear in the General Population in Germany. *European*

Archives of Psychiatry and Clinical Neuroscience 271 (2): 283–291. DOI: 10.1007/s00406-020-01171-6

Billieux J., Maurage P., Lopez-Fernandez O., Kuss D. J., Griffiths M. D. (2015) Can Disordered Mobile Phone Use Be Considered a Behavioral Addiction? An Update on Current Evidence and a Comprehensive Model for Future Research. *Current Addiction Reports* 2 (2): 156–162. DOI: 10.1007/s40429-015-0054-y

Broersma M., Swart J. (2022) Do Novel Routines Stick After the Pandemic? The Formation of News Habits During COVID-19. *Journalism Studies* 23 (5–6): 551–568. DOI: 10.1080/1461670X.2021.1932561

Buchanan K., Aknin L. B., Lotun S., Sandstrom G. M. (2021) Brief Exposure to Social Media During the COVID-19 Pandemic: Doom-scrolling Has Negative Emotional Consequences, but Kindness-scrolling Does Not. *PLOS ONE* 16(10): e0257728. DOI: 10.1371/journal.pone.0257728

Casale S., Akbari M., Seydavi M., Bocci Benucci S., Fioravanti G. (2023) Has the Prevalence of Problematic Social Media Use Increased Over the Past Seven Years and Since the Start of the COVID-19 Pandemic? A Meta-analysis of the Studies Published Since the Development of the Bergen Social Media Addiction Scale. *Addictive Behaviors* 147: 107838. DOI: 10.1016/j.addbeh.2023.107838

Chand P. K., Mishra N. (2024) Detached Effects of Doom Scrolling on Generation Z Employee Performance in the Indian Information Technology Sector. *Information Discovery and Delivery* 53 (2): 261–271. DOI: 10.1108/IDD-07-2023-0081

Chang Y.-J., Peng C.-Y. (2022) Exploring Experiences of Binge-watching and Perceived Addictiveness among Binge-watchers: A Qualitative Study. *BMC Public Health* 22 (1): 2285. DOI: 10.1186/s12889-022-14789-z

Chisholm A., Hartman-Caverly S. (2022) Privacy Literacy: From Doomscrolling to Digital Wellness. *Portal* 22 (1): 53–79. DOI: 10.1353/pla.2022.0009

Cortina J. M. (1993) What is coefficient alpha? An examination of theory and applications. *Journal of Applied Psychology* 78 (1): 98–104.

Costello A. B., Osborne J. (2005) Best Practices in Exploratory Factor Analysis: Four Recommendations for Getting the Most from Your Analysis. *Practical Assessment, Research, and Evaluation* 10 (1): 7. DOI: 10.7275/jyj1-4868

Deschamps A., Fortier M.-È., Gómez N. M., Auger A.-M., Fitzpatrick C., Brodeur M. (2025) Understanding Phubbing Behavior: A Scoping Review of Qualitative and Mixed-methods Studies. *Computers in Human Behavior Reports* 18: 100684. DOI: 10.1016/j.chbr.2025.100684

Dominguez-Rodriguez A., Apprich F., Friehs M. A., van der Graaf Sh., Steinrücke J. (2025) Climate change news and doomscrolling: An Examination of Influencing Factors and Psychological Effects. *Acta Psychologica* 255: 104925. DOI: 10.1016/j.actpsy.2025.104925

Flayelle M., Schimmenti A., Starcevic V., Billieux J. (2022) The Pitfalls of Recycling Substance-Use Disorder Criteria to Diagnose Behavioral Addictions. In *Evaluating the Brain Disease Model of Addiction*. Routledge.

Gerhart N., Torres R., Hamilton S. (2024) Understanding the Role of Psychosocial Factors in Online News Addiction. *Journal of Computer Information Systems* 0 (0): 1–14. DOI: 10.1080/08874417.2024.2407640

Grant J. E., Brewer J. A., Potenza M. N. (2006) The Neurobiology of Substance and Behavioral Addictions. *CNS Spectrums* 11 (12): 924–930. DOI: 10.1017/S109285290001511X

Grant J. E., Potenza M. N., Weinstein A., Gorelick D. A. (2010) Introduction to Behavioral Addictions. *The American Journal of Drug and Alcohol Abuse* 36 (5): 233–241. DOI: 10.3109/00952990.2010.491884

Griffiths M. (2005) A "Components" Model of Addiction within a Biopsychosocial Framework. *Journal of Substance Use* 10 (4): 191–197. DOI: 10.1080/14659890500114359

Groot Kormelink T., Klein Gunnewiek A. (2022) From "Far Away" to "Shock" to "Fatigue" to "Back to Normal": How Young People Experienced News During the First Wave of the COVID-19 Pandemic. *Journalism Studies* 23 (5–6): 669–686. DOI: 10.1080/1461670X.2021.1932560

Hall B. J., Xiong Y. X., Yip P. S. Y., Lao C. K., Shi W., Sou E. K. L., Chang K., Wang L., Lam A. I. F. (2019) The Association Between Disaster Exposure and Media Use on Post-traumatic Stress Disorder Following Typhoon Hato in Macao, China. *European Journal of Psychotraumatology* 10 (1): 1558709. DOI: 10.1080/20008198.2018.1558709

Harris B., Regan T., Schueler J., Fields S. A. (2020) Problematic Mobile Phone and Smartphone Use Scales: A Systematic Review. *Frontiers in Psychology* 11: 672. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.00672

Hasin D. S., O'Brien C. P., Auriacombe M., Borges G., Bucholz K., Budney A., Compton W. M., Crowley T., Ling W., Petry N. M., Schuckit M., Grant B. F. (2013) DSM-5 Criteria for Substance Use Disorders: Recommendations and Rationale. *The American Journal of Psychiatry* 170 (8): 834–851. DOI: 10.1176/appi.ajp.2013.12060782

Holman E. A., Garfin D. R., Lubens P., Silver R. C. (2020) Media Exposure to Collective Trauma, Mental Health, and Functioning: Does It Matter What You See? *Clinical Psychological Science* 8 (1): 111–124. DOI: 10.1177/2167702619858300

Holman E. A., Garfin D. R., Silver R. C. (2014) Media's Role in Broadcasting Acute Stress Following the Boston Marathon Bombings. *Proceedings of the National Academy of Sciences* 111 (1): 93–98. DOI: 10.1073/pnas.1316265110

Hughes I. M., Keith M. G., Lee J., Gray C. E. (2024) Working, Scrolling, and Worrying: Doomscrolling at Work and Its Implications for Work Engagement. *Computers in Human Behavior* 153: 108130. DOI: 10.1016/j.chb.2023.108130

Kaess M., Klar J., Kindler J., Parzer P., Brunner R., Carli V., Sarchiapone M., Hoven C. W., Apter A., Balazs J., Barzilay S., Bobes J., Cozman D., Gomboc V., Haring C., Kahn J.-P., Keeley H., Meszaros G., Musa G. J., ... Wasserman D. (2021) Excessive and Pathological Internet Use – Risk-behavior or Psychopathology? *Addictive Behaviors* 123: 107045. DOI: 10.1016/j.addbeh.2021.107045

Kakunje A., Shetty N., Kumar K. P., Puthran S. (2021) A New Behavioral Addiction: News Addiction. *Annals of Indian Psychiatry* 5 (2): 185. DOI: 10.4103/aip.aip_129_20

Kardefelt-Winther D., Heeren A., Schimmenti A., van Rooij A., Maurage P., Carras M., Edman J., Blaszczynski A., Khazaal Y., Billieux J. (2017) How Can We Conceptualize Behavioural Addiction Without Pathologizing Common Behaviours? *Addiction* 112 (10): 1709–1715. DOI: 10.1111/add.13763

Karila L., Scher N., Draghi C., Lichte D., Darmon I., Boudabous H., Lamallem H., Bauduceau O., Bollet M., Toledano A. (2025) Understanding Problematic Smartphone and Social Media Use Among Adults in France: Cross-sectional Survey Study. *JMIR Mental Health* 12 (1): e63431. DOI: 10.2196/63431

Kazun A. D. (2024) Potreblenie novostej v povsednevnoj rutine dumskrollerov [News Consumption in the Everyday Routines of Doom-scrollers]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* 2(180): 226–244. (In Russian)

Kellerman J. K., Hamilton J. L., Selby E. A., Kleiman E. M. (2022) The Mental Health Impact of Daily News Exposure During the COVID-19 Pandemic: Ecological Momentary Assessment Study. *JMIR Mental Health* 9 (5): e36966. DOI: 10.2196/36966

Khalili F., Jabali O., Saeedi M., Jabali S. (2025) Screens of Suffering: How Gaza War News Impacts Students' Minds and Motivation. *BMC Public Health* 25 (1): 4148. DOI: 10.1186/s12889-025-25464-4

Király O., Griffiths M. D., Demetrovics Z. (2015) Internet Gaming Disorder and the DSM-5: Conceptualization, Debates, and Controversies. *Current Addiction Reports* 2 (3): 254–262. DOI: 10.1007/s40429-015-0066-7

Kobbernagel C., Schrøder K. C. (2016) From Everyday Communicative Figurations to Rigorous Audience News Repertoires: A Mixed Method Approach to Cross-media News Consumption. *MedieKultur: Journal of Media and Communication Research* 32 (60): 6–31. DOI: 10.7146/mediekultur.v32i60.21302

Kuss D. J., Griffiths M. D. (2012) Internet and Gaming Addiction: A Systematic Literature Review of Neuroimaging Studies. *Brain Sciences* 2 (3): 347–374. DOI: 10.3390/brainsci2030347

Lanham R. A. (2007) *The Economics of Attention: Style and Substance in the Age of Information*. University of Chicago Press.

Lin Y.-H., Chang L.-R., Lee Y.-H., Tseng H.-W., Kuo T. B. J., Chen S.-H. (2014) Development and Validation of the Smartphone Addiction Inventory (SPAI). *PLOS ONE* 9 (6): e98312. DOI: 10.1371/journal.pone.0098312

Maksimenko A. A., Deineka O. S. (2023) Infodemicheskiy dumskrolling i problemy seksual'noy udovletvorennosti u zhenshchin [Infodemic Doom-

scrolling and Sexual Satisfaction Issues among Women]. *Psikhiatriya, psikhoterapiya i klinicheskaya psikhologiya* 14(4): 400–410. (In Russian)

Maksimenko A. A., Deineka O. S., Mortikova I. A. (2022) Infodemicheskij dumskrolling i psikhologicheskoe blagopoluchie rossiyan [Infodemic Doomscrolling and the Psychological Well-being of Russians]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* 12: 129–136. (In Russian)

Maksimenko A. A., Zolotareva A. A., Kashirsky D. V. (2025) Ot ekranov k bessonnitse: kak tsifrovye stressory svyazany s kharakteristikami sna rossiyan? [From Screens to Insomnia: How Digital Stressors Are Related to Sleep Characteristics of Russians]. *Ekologiya cheloveka* 32(3): 207–218. (In Russian)

Matone A., Gandin C., Ghirini S., Scafato E. (2022) Alcohol and Substance Use Disorders Diagnostic Criteria Changes and Innovations in ICD-11: An Overview. *Clinical Psychology in Europe* 4 (Spec Issue): e9539. DOI: 10.32872/cpe.9539

McLaughlin B., Gotlieb M. R., Mills D. J. (2023) Caught in a Dangerous World: Problematic News Consumption and Its Relationship to Mental and Physical Ill-Being. *Health Communication* 38 (12): 2687–2697. DOI: 10.1080/10410236.2022.2106086

McLaughlin B., Gotlieb M. R., Mills D. J. (2025) Problematic News Consumption and Its Relationship to Mental and Physical Health: A Replication Study. *Health Communication*. DOI: 10.1080/10410236.2024.2434955

McLaughlin B., Gotlieb M. R., Mills D. J., Serra M. J., Cloudy J. (2024) Living in a (Mediated) Political World: Mindfulness, Problematic News Consumption, and Political Hostility. *Communication Research*. DOI: 10.1177/00936502241277149

Mourão R. R., Thorson E., Chen W., Tham S. M. (2018) Media Repertoires and News Trust During the Early Trump Administration. *Journalism Studies* 19 (13): 1945–1956. DOI: 10.1080/1461670X.2018.1500492

Musiał E. (2025) Doomscrolling – a Harmful Trend on the Web. Analysis of the Phenomenon. *Zeszyty Naukowe SGSP / Szkoła Główna Służby Pożarniczej* 93 (2): 193–210. DOI: 10.5604/01.3001.0055.0622

Ohme J., Mothes C. (2025) News Snacking and Political Learning: Changing Opportunity Structures of Digital Platform News Use and Political Knowledge. *Journal of Information Technology and Politics* 22 (1): 1–15. DOI: 10.1080/19331681.2023.2193579

Park B., Han D. H., Roh S. (2017) Neurobiological Findings Related to Internet Use Disorders. *Psychiatry and Clinical Neurosciences* 71 (7): 467–478. DOI: 10.1111/pcn.12422

Price M., Legrand A. C., Brier Z. M. F., van Stolk-Cooke K., Peck K., Dodds P. S., Danforth C. M., Adams Z. W. (2022) Doomscrolling During COVID-19: The Negative Association Between Daily Social and Traditional Media Consumption and Mental Health Symptoms During the COVID-19

Pandemic. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. DOI: 10.1037/tra0001202

Puthran S., Kakunje A. (2025) Insights into News Addiction. *Journal of Psychiatry Spectrum*. DOI: 10.4103/jopsys.jopsys_115_25

Rakhman Khashimi S. M. (2024) Vyrazhennost' dumskrollinga u internet-pol'zovatelej s raznym urovnem internet-zavisimosti [Severity of Doomscrolling among Internet Users with Different Levels of Internet Addiction]. Vestnik SNO Sankt-Peterburgskogo universiteta. Nauki ob obshchestve 1 (1): 64–78. DOI: 10.21638/spbu36.2024.104 (In Russian)

Rieser L., Furneaux B. (2022) Share of Attention: Exploring the Allocation of User Attention to Consumer Applications. *Computers in Human Behavior* 126: 107006. DOI: 10.1016/j.chb.2021.107006

Robbins T., Clark L. (2015) Behavioral Addictions. *Current Opinion in Neurobiology* 30: 66–72. DOI: 10.1016/j.conb.2014.09.005

Salisbury L. (2023) On Not Being Able to Read: Doomscrolling and Anxiety in Pandemic Times. *Textual Practice* 37 (6): 887–918. DOI: 10.1080/0950236X.2022.2056767

Satici S. A., Gocet Tekin E., Deniz M. E., Satici B. (2023) Doomscrolling Scale: Its Association with Personality Traits, Psychological Distress, Social Media Use, and Wellbeing. *Applied Research in Quality of Life* 18 (2): 833–847. DOI: 10.1007/s11482-022-10110-7

Schmitt N. (1996) Uses and abuses of coefficient alpha. *Psychological Assessment* 8 (4): 350–353.

Shabahang R., Hwang H., Thomas E. F., Aruguete M. S., McCutcheon L. E., Orosz G., Hossein Khanzadeh A. A., Mokhtari Chirani B., Zsila Á. (2024) Doomscrolling Evokes Existential Anxiety and Fosters Pessimism About Human Nature? Evidence from Iran and the United States. *Computers in Human Behavior Reports* 15: 100438. DOI: 10.1016/j.chbr.2024.100438

Shabahang R., Kim S., Hosseinkhanzadeh A. A., Aruguete M. S., Kakabaraee K. (2023) "Give Your Thumb a Break" from Surfing Tragic Posts: Potential Corrosive Consequences of Social Media Users' Doomscrolling. *Media Psychology* 26 (4): 460–479. DOI: 10.1080/15213269.2022.2157287

Sharma B., Lee S. S., Johnson B. K. (2022) The Dark at the End of the Tunnel: Doomscrolling on Social Media Newsfeeds. *Technology, Mind, and Behavior* 3(1): 1-13. DOI: 10.1037/tmb0000059

Silver R. C., Holman E. A., Andersen J. P., Poulin M., McIntosh D. N., Gil-Rivas V. (2013) Mental- and Physical-Health Effects of Acute Exposure to Media Images of the September 11, 2001, Attacks and the Iraq War. *Psychological Science* 24 (9): 1623–1634. DOI: 10.1177/0956797612460406

Soraci P., Griffiths M. D., Bevan N., Pisanti R., Trovato M., Servidio R., D'Aleo E., Campedelli L., Gallo F., Satici S. A. (2025) Psychometric Analysis of the Italian Doomscrolling Scale: Associations with Problematic Social Media Use, Psychological Distress, and Mental Well-being. *Current Psychology* 44 (12): 11872–11883. DOI: 10.1007/s12144-025-07976-9

Stroud N. J., Peacock C., Curry A. L. (2020) The Effects of Mobile Push Notifications on News Consumption and Learning. *Digital Journalism* 8 (1): 32–48. DOI: 10.1080/21670811.2019.1655462

Swart J., Peters C., Broersma M. (2017) Navigating Cross-media News Use: Media Repertoires and the Value of News in Everyday Life. *Journalism Studies* 18 (11): 1343–1362. DOI: 10.1080/1461670X.2015.1129285

Taneja H., Webster J. G., Malthouse E. C., Ksiazek T. B. (2012) Media Consumption Across Platforms: Identifying User-defined Repertoires. *New Media and Society* 14 (6): 951–968. DOI: 10.1177/1461444811436146

Tang G., Hung E. P. W., Au-Yeung H.-K. C., Yuen S. (2020) Politically Motivated Internet Addiction: Relationships among Online Information Exposure, Internet Addiction, FOMO, Psychological Well-being, and Radicalism in Massive Political Turbulence. *International Journal of Environmental Research and Public Health* 17 (2): 633. DOI: 10.3390/ijerph17020633

Tavakol M., Dennick R. (2011) Making sense of Cronbach's alpha. *International Journal of Medical Education* 2: 53–55.

Tereshchenko S. Y. (2023) Neurobiological Risk Factors for Problematic Social Media Use as a Specific Form of Internet Addiction: A Narrative Review. *World Journal of Psychiatry* 13 (5): 160–173. DOI: 10.5498/wjp.v13.i5.160

Türk-Kurtça T., Kocatürk M. (2025) Beyond the Scroll: Exploring How Intolerance of Uncertainty and Psychological Resilience Explain the Association Between Trait Anxiety and Doomscrolling. *Personality and Individual Differences* 233: 112919. DOI: 10.1016/j.paid.2024.112919

Varona M. N., Muela A., Machimbarrena J. M. (2022) Problematic Use or Addiction? A Scoping Review on Conceptual and Operational Definitions of Negative Social Networking Sites Use in Adolescents. *Addictive Behaviors* 134: 107400. DOI: 10.1016/j.addbeh.2022.107400

Vyrkovsky A., Krasheninnikova M. (2024) Factors of media text traumogenicity: The role of content and context. World of Media. *Journal of Russian Media and Journalism Studies* 4: 5–21. DOI: 10.30547/worldofmedia.4.2024.1

Whealin J. M., Fischer I. C., Na P. J., Pietrzak R. H. (2023) COVID-19-related Media Consumption and Posttraumatic Stress Symptoms in U.S. Military Veterans: A Nationally Representative, Longitudinal Study. *Psychiatry Research* 326: 115354. DOI: 10.1016/j.psychres.2023.115354

Wheatley D., Ferrer-Conill R. (2021) The Temporal Nature of Mobile Push Notification Alerts: A Study of European News Outlets' Dissemination Patterns. *Digital Journalism* 9 (6): 694–714. DOI: 10.1080/21670811.2020.1799425

Wojcieszak M., Clemm von Hohenberg B., Casas A., Menchen-Trevino E., de Leeuw S., Gon alves A., Boon M. (2022) Null Effects of News Exposure: A Test of the (Un)desirable Effects of a "News Vacation" and "News Binging". *Humanities and Social Sciences Communications* 9 (1): 413. DOI: 10.1057/s41599-022-01423-x

Yang L., Tan X., Lang R., Wang T., Li K. (2024) Reliability and Validity of the Chinese Version of the Doomscrolling Scale and the Mediating Role of

Doomscrolling in the Bidirectional Relationship Between Insomnia and Depression. *BMC Psychiatry* 24 (1): 565. DOI: 10.1186/s12888-024-06006-5

Yau Y. H. C., Potenza M. N. (2015) Gambling Disorder and Other Behavioral Addictions: Recognition and Treatment. *Harvard Review of Psychiatry* 23 (2): 134–146. DOI: 10.1097/HRP.0000000000000051

Ytre-Arne B., Moe H. (2021) Doomscrolling, Monitoring and Avoiding: News Use in COVID-19 Pandemic Lockdown. *Journalism Studies* 22 (13): 1739–1755. DOI: 10.1080/1461670X.2021.1952475

Поступила в редакцию
09.12.2025

СОВРЕМЕННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА: ТЕМАТИКА И ПРОБЛЕМАТИКА

Гювен Ахмет, доцент, кафедра новых медиа и коммуникаций, факультет коммуникаций, Университет Бандырма Оньеди Эйлюль, г. Бандырма, Турция; e-mail: aguven@bandirma.edu.tr, ORCID 0000-0002-2452-2992

Йылмаз Зафер, аспирант, кафедра международных отношений, факультет экономики и административных наук, Университет Бандырма Оньеди Эйлюль, г. Бандырма, Турция; e-mail: zaferyilmaz@ogr.bandirma.edu.tr, ORCID 0000-0003-3253-9898

Токтай Якуп, доцент, кафедра новых медиа и коммуникаций, факультет коммуникаций, Университет Бандырма Оньеди Эйлюль, г. Бандырма, Турция; e-mail: ytoktay@bandirma.edu.tr, ORCID 0000-0002-0348-8238

АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СТРАНАМИ ОРГАНИЗАЦИИ ТЮРКСКИХ ГОСУДАРСТВ И ИЗРАИЛЕМ НА ОСНОВЕ СОБРАННЫХ В МЕДИА БОЛЬШИХ ДАННЫХ

Целью данного исследования является изучение отношений стран – членов и наблюдателей Организации тюркских государств (ОТГ) с Израилем. Был проанализирован массив больших данных платформы GDELT, на которой проводится мониторинг глобальных СМИ в режиме реального времени. Изменения внешнеполитической риторики были рассмотрены за два периода – до и после операции «Наводнение Аль-Акса» 7 октября 2023 г. Анализ основан на изучении характера событий и тональности СМИ с использованием шкалы Голдштейна и переменной «Средний тон». В общей сложности были обработаны 81 620 сообщений с помощью приложения Flask на Python для определения метрик «согласованности», «наложения» и «потенциала коллективной конвергенции». Анализ показал, что в докризисный период страны ОТГ транслировалм гармоничный и конструктивный дискурс в отношении Израиля, однако после кризиса заняли более осторожную и сбалансированную позицию.

***Ключевые слова**: Организация тюркских государств, Израиль, большие данные, GDELT, внешняя политика, СМИ.*

Как цитировать: *Гювен А., Йылмаз З., Токтай Я.* Анализ отношений между странами Организации тюркских государств и Израилем на основе собранных в медиа больших данных // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2026. № 1. С. 36–72. DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.1.2026.3672

Ahmet Güven, Associate Professor, Department of New Media and Communication, Communication Faculty, Bandırma Onyedi Eylül University, Bandırma, Türkiye; e-mail: aguven@bandirma.edu.tr, ORCID 0000-0002-2452-2992

Zafer Yilmaz, PhD Student, Department of International Relations, Faculty of Economics and Administrative Sciences, Bandırma Onyedi Eylül University, Bandırma, Türkiye; e-mail: zaferyilmaz@ogr.bandirma.edu.tr, ORCID 0000-0003-3253-9898

Yakup Toktay, Assistant Professor, Department of New Media and Communication, Communication Faculty, Bandırma Onyedi Eylül University, Bandırma, Türkiye; e-mail: ytoktay@bandirma.edu.tr, ORCID 0000-0002-0348-8238

ANALYSIS OF RELATIONS BETWEEN THE COUNTRIES OF THE ORGANIZATION OF TURKIC STATES AND ISRAEL FROM A MEDIA BIG DATA PERSPECTIVE

This study aims to examine the relations of the member and observer countries of the Organisation of Turkic States (OTS) with Israel, based on Big Data and Open Source Intelligence (OSINT). To this end, the study aims to analyze the bilateral diplomatic relations of the OTS countries with Israel and their capacity for collective action. In this context, the study analyzed the GDELT (Global Database of Events, Location, and Tone) Big Data database, which monitors global media and event data in real time. Changes in the foreign policy rhetoric and attitudes of the OTS countries towards Israel were examined in two separate periods: before and after the Al-Aqsa Flood on 7 October 2023. This process analysis is based on an examination of the nature of events and media tone in the OTS countries' relations with Israel. A diplomatic interaction map was created to reveal the diplomatic tendencies and collective behavior potential of the OTS countries during the specified periods. This was done using the Goldstein scale, which measures the impact of events in news reports, and the Average Tone variable, which measures the average emotional tone of news reports. A total of 81.620 events were processed using a Python-based Flask application to determine the metrics of 'alignment,' 'overlap,' and 'collective convergence potential.' The analysis revealed that the OTS countries developed a relatively harmonious, constructive, and balanced discourse towards Israel in the pre-crisis period. However, after the crisis, they tended to take a cautious distance and adopt a more balanced stance in their discourse and attitudes.

***Key words**: Organization of Turkic States, Israel, big data, GDELT, foreign policy, media.*

To cite this article: Güven A., Yilmaz Z., Toktay Ya. (2026) Analiz otnosheniy mezhdu stranami Organizatsii tyurkskikh gosudarstv i Izrailem s tochki zreniya sobrannykh v media bol'shikh dannykh [Analysis of relations between the countries of the Organization of Turkic states and Israel from a media big data perspective]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika 1*: 36–72. DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.1.2026.3672

DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.1.2026.3672

Introduction

Traditional foreign policy analyses have long sought to explain states' decision-making processes through realist, rational, and state-centered assumptions. However, the global transformations of the 21st century have limited the explanatory power of this framework, revealing that foreign policy is not confined solely to diplomatic discourse or international legal documents. Dynamics such as multi-actor structures in the international system, the digitization of political communication, instant crises, and rapid fluctuations in public opinion require foreign policy analysis to be approached with more multidimensional, contextual, and time-sensitive methods (Adler-Nissen, 2014).

Based on these requirements for foreign policy analysis, this study examines the relations of the Organization of Turkic States (OTS) countries with Israel using a multi-layered data architecture. In particular, the new opportunities that big data analytics has brought to the discipline of international relations have guided the design and methodology of this study. Foreign policy is embodied not only in texts, statements, or bilateral meetings, but also in media representations, discourses, sudden diplomatic reactions during crises, and the emotional atmosphere reflected in public opinion. Therefore, monitoring diplomatic behavior not only at the textual level but also at the numerical, tonal, and contextual levels allows for a more accurate reading of the trends behind decision-making processes (Sytnik, Tsvetkova, Tsvetkov, 2022).

The Cooperation Council of Turkic Speaking States (Turkic Council), built on the basis of shared history, language, and culture, was restructured as the Organization of Turkic States during the 8th Istanbul Summit held on November 12, 2021. In the current structure of the OTS, Türkiye, Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan are full members, while Turkmenistan, Hungary, and the Turkish Republic of Northern Cyprus are observer countries. Lacking a deepened cooperation mechanism at the institutional level in the fields of economy, security, or foreign policy, the OTS primarily operates at a symbolic level in the context of building a common identity and cultural diplomacy (Demir, 2022). However, the simultaneous foreign policy reflexes occasionally observed within this symbolic structure make it meaningful to investigate whether there are overlapping patterns in the diplomatic tendencies of the countries. At this point, it is important

to examine the potential for joint action rather than the capacity for joint action in foreign policy among the OTS countries. The fundamental question of the study in this context is: "To what extent do OTS countries exhibit synchronized behavior in their foreign policy tendencies towards Israel?"

The analysis considers the Al-Aqsa Flood operation carried out by HAMAS against Israel on October 7, 2023, as a turning point and examines the diplomatic reactions of OTS countries before and after this attack in a comparative manner. Hamas's action not only reignited the Israeli-Palestinian conflict but also transformed the reshaping of alliance relations, public sensitivities, and media representations in the Middle East (Hamoud, 2024). Within this framework, the OTS countries' rhetoric before and after October 7, their tendencies toward cooperation or conflict, and their media reflections have been analyzed.

The primary data source for the research is the GDELT (Global Database of Events, Location, and Tone) database, a Big Data set that monitors news flows globally in real-time, encodes them in a structured format, and quantifies the actors, locations, and emotional tones associated with these events through specific algorithms. GDELT is one of the most comprehensive datasets on news reports worldwide, collecting millions of data points daily from thousands of news sources publishing in over 300 languages. It is valuable in that it allows analysis not only of "when" and "where" international events occurred, but also "how they were represented" and "how they were perceived" (Leetaru and Schrodt, 2013). Since 1979, the number of events worldwide has exceeded 600 million, and the database is updated every 15 minutes.

The study is based on the following two variables provided by GDELT:

- *Goldstein Scale:* A scoring system ranging from -10 to +10 that measures the nature of events. Positive values represent cooperation, while negative values represent conflict. This indicator reveals the diplomatic tendencies of countries' actions (Sun, Gao, Liu, Wang, 2021).
- *AvgTone:* A measure reflecting the average emotional tone of statements in the media. It ranges from -100 to +100. Values close to 0 represent neutral, positive values represent positive, and negative values represent negative discourse (Lindén, Forsström, Zhang, 2018).

Thanks to these big data-based indicators, foreign policy analyses can now access not only the results but also the processes behind these results, the discursive atmosphere, and the space of possibilities (Leetaru, 2015). For example, identifying a correlation or discrepancy between a country's official policy toward Israel and the tone of its media coverage provides clues about both domestic-foreign policy consistency and public opinion trends.

The analysis is divided into two separate periods:

- *Period I:* November 12, 2021 – October 6, 2023
- *Period II:* October 7, 2023 – August 15, 2025

The following factors were considered when making this periodization: historicity and moments of crisis, institutional developments (particularly the institutional restructuring process following the declaration of the OTS), discourse intensity, data integrity, and analytical comparability. Since the analysis focuses on the period before and after Hamas' October 7 action, the periods are structured as approximately two-year time frames. Period I is 693 days and Period II is 678 days, making them balanced. This choice allows for the tracking of medium-term trends in the OTS's foreign policy discourse and attitudes before and after the crisis, making it possible to distinguish fluctuations caused by sudden developments from medium-term and structural changes. Thus, both the period of institutionalization and relative stability and the post-crisis reflexes can be evaluated comparatively within the process. Changes in the Goldstein and AvgTone scores of OTS countries in the pre- and postcrisis periods reveal not only their diplomatic responses to events but also their perceptions of the crisis, their diplomatic positioning, and the likelihood of joint action.

Theoretically, the study draws on post-structuralist foreign policy analyses. According to this approach, foreign policy is not merely the sum of rational actors' interest-based behaviors; it is also a constantly evolving performance arena constructed through discourses, emotions, crisis representations, and media texts (Der Derian, 2009; Hansen, 2006). Therefore, countries' foreign policy reflexes have been examined not only in terms of "what they do" but also in terms of "how they are represented" and "on what emotional ground" they act.

Literature Review

A review of the relevant literature reveals that GDELT and similar databases have applications in various disciplines such as international relations, security and migration studies.

Only 168 studies were conducted using the GDELT database in WOS and only 3 in DergiPark; however, none of these studies examined the relations of OTS member or observer countries with Israel. This situation highlights the originality and importance of this study in terms of filling the gap in the literature and examining the relations of OTS countries with Israel through GDELT data.

When examining the national literature in DergiPark, it is seen that Çelik has conducted three different studies. In their study, Çelik and Oğuzlar examined the compliance of conflicts in Iraq, Syria, Türkiye, Palestine, Ukraine, Afghanistan, Israel, and Russia between 2014 and 2017 with the power law distribution (2018). The analysis found that conflicts in all countries except Türkiye and Afghanistan complied with the power law. Again using the GDELT dataset, conflicts around the world were examined using social network analysis methods (Çelik, 2019a). The research concluded that the US and Russia are the biggest actors at the center of global conflicts. In another study by the same author, events related to instability in countries were predicted using various event data obtained from GDELT, focusing on developments in Tunisia during the 30-day period following July 25, 2013. When the prediction results were compared with the events that actually occurred in Tunisia, a fairly high correlation coefficient of r=0.725 was achieved. This result demonstrates that the predictions made are reliable and valid in the specific case of Tunisia (Çelik, 2019b).

In studies in the WOS literature, Sun et al. systematically assessed the local and international political risks of Belt and Road Initiative countries during the 2013–2019 period using the GDELT, CGIT, and ACLED datasets and examined the temporal and spatial evolution of these risks (2021). Chen et al. examined China's interaction with Middle Eastern countries over the past decade, aiming to understand the development of strategic cooperation and relations in the region (2023). Using the GDELT database, they measured the impact of events and the intensity of bilateral relations and analyzed the temporal and spatial patterns of interactions. The research shows that overall interaction between China and the Middle East has been stable, that cooperative relations with Iran and Saudi Arabia have shifted from a «unilateral» to a «bilateral» model, and that imbalances in relations have decreased,

leading to a decline in conflict rates. Another study examined the impact of the South China Sea issue on Southeast Asian countries' perception of China's image between 2010 and 2024 and found a significant and positive correlation between the South China Sea issue and Southeast Asian countries' perception of China's image (Wei, Chen, Tang, Xie, 2025).

Voukelatou et al. used GDELT news data and machine learning to measure peacefulness through the Global Peace Index (GPI), demonstrating that this approach provides important contributions to early warning, monitoring, and policy development (2020). The same study also developed a new graph-based method for detecting and monitoring Occupation Protest Events. Alipour et al. also aim to reconstruct inter-country connection patterns by examining global news dissemination in 2022 (2024). The analysis found a significant imbalance in the dissemination of online news, with some «news super-spreaders» forming a powerful network that shapes the global agenda.

Wycoff et al. examined the usability of open data such as Google Trends, Twitter/X, local newspapers, ACLED, and GDELT to predict mass migration during the Ukraine war (2024). Findings showed that Google Trends was the strongest leading indicator, while other data reflected changes in migration flows to a limited extent. Another study examined the recent shift from narrative competition to narrative subversion within the framework of Russia's matryoshka-style struggle against the EU's liberal identity, power, and influence in the context of the Ukraine conflict and in regions Russia considers its «near abroad».

Koutidis et al. present a framework that uses machine learning and deep learning models to predict the likelihood of terrorist incidents occurring in a specific target country within a specific time frame (2024). Ferreira et al. examined the spatial and temporal dynamics of protest diffusion using GDELT and ICEWS datasets to understand how and to what extent protest events spread globally. They found that protest diffusion occurs through small-world networks, that average path lengths decreased over the years, and that protests could spread rapidly through temporal hubs (2021).

Tun-Mendicuti et al. examined Central American migrant caravans between 2018 and 2021, revealing spatial and political differences in online discussions and sentiment intensity in the US and Mexico (2024).

Bruns et al. examined how the media addressed conspiracy theories that emerged during the COVID-19 pandemic, specifically the entirely baseless claim that 5G technology worsened or triggered the pandemic (2022). Using online news obtained from the GDELT database, the evolution of conspiracy theories, the expansion of their scope from marginal media to mainstream media outlets, and their impact on the spread of specific news stories were analyzed.

Organization of Turkic States Countries-Israel Relations

The Organization of Turkic States (OTS) is a regional cooperation platform consisting of full membership of Türkiye, Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan, and observer membership of Turkmenistan, Hungary, and the Turkish Republic of Northern Cyprus (TRNC). Although the Organization primarily focuses on the political, economic, and cultural integration of the Turkic world, the foreign policies of member and observer countries exhibit divergent orientations in the face of global developments. In this context, relations with Israel, particularly following Hamas‘ Al-Aqsa Flood operation on October 7, 2023, and the ensuing war in Gaza, provide a noteworthy example for observing the foreign policy positions of OTS member and observer states.

Prior to October 7, the fundamental dynamics of relations with Israel varied among countries. Relations between Türkiye and Israel began with the recognition of Israel in 1949 and generally followed an uneven course during the Cold War period. Military and economic cooperation increased in the 1990s, but relations entered a serious crisis after the 2010 Mavi Marmara incident (Athanassopoulou, 2025). Although the normalization process began in 2022 with the appointment of ambassadors to each other‘s countries, the war in Gaza after October 7 has hardened Türkiye‘s stance towards Israel. In particular, the suspension of trade relations in 2024 signals a new rupture in relations (Goren and Lindenstrauss, 2024; Oztig, 2023).

Relations between Azerbaijan and Israel have developed on the basis of strategic cooperation in the fields of energy, security, and defense industry. Israel has become an important market for Azerbaijan‘s energy exports and has also provided Azerbaijan with military technology during its conflicts with Armenia (Omidi, 2025). Azerbaijan‘s opening of an embassy in Tel Aviv in 2023 institutionalized the relationship (Traub, Cohen, Kertcher, 2024). After October 7, Azerbaijan did not directly

criticize Israel, but rather maintained its neutrality through quiet diplomacy (Bashirova, 2024). This can be seen as an indication of the country's tendency to maintain its strategic partnership.

Kazakhstan and Uzbekistan have largely conducted their relations with Israel through economic and technical cooperation. In particular, the tendency to benefit from Israel's technology transfer in the fields of agriculture, health, and education has come to the fore (Boucek, 2004; Feiler and Lim, 2014). After October 7, Kazakhstan and Uzbekistan showed solidarity with the Palestinian people by supporting the call for a ceasefire at the UN General Assembly, but did not radically change their bilateral relations. This situation reflects the country's multifaceted and balanced foreign policy.

Relations between Kyrgyzstan and Israel have developed within the framework of limited economic and cultural cooperation. Israeli scholarships and technology sharing have played an important role, particularly in the field of education (Boucek, 2004). Kyrgyzstan, like Kazakhstan and Uzbekistan, supported the ceasefire call at the UN General Assembly but did not take any radical steps to suspend relations with Israel[1]. This approach demonstrates that the country continues to pursue a low-profile but pragmatic foreign policy.

Turkmenistan has long maintained low-profile relations with Israel due to its policy of "permanent neutrality." However, in 2023, an Israeli embassy was opened in Ashgabat, signaling a new phase in relations[2]. In the period following October 7, Turkmenistan chose to maintain its neutrality rather than take a clear political position, and there has been no significant deterioration in bilateral relations.

Hungary, an observer member of the OTS, has been one of the countries closest to Israel within the European Union. Political harmony with Israel increased, particularly during

Viktor Orbán's administration, and Hungary has occasionally opposed EU policies on Palestine. (Kalhousová, 2019). This trend continued after October 7, with Hungary clearly demonstrating its support for Israel by voting "no" to the ceasefire call in the UN General Assembly vote on October 27, 2023[3]. This situation shows that Hungary has taken the most distinct position among the OTS countries towards Israel.

It can be said that a common institutional response developed among OTS member and observer countries after October 7. The organization issued a statement condemning the attack on Al-Ahli Hospital and calling for an immediate ceasefire and a two-state solution[4]. Although

a normative convergence at the institutional level (humanitarian law, ceasefire, two-state solution) against Israel has emerged among member countries, it has revealed differing foreign policy orientations at the country level. Türkiye's sharp break, Azerbaijan's strategic continuity, the pragmatic balance of Central Asian countries, and Hungary's supportive stance show that the OTS is struggling to develop a comprehensive foreign policy position towards Israel. This divergence reveals the limits of the organization's institutional capacity while once again highlighting the decisive role of the geopolitical positions and domestic public opinion dynamics of the countries in the region in foreign policy.

Methodology

Poststructuralist foreign policy analysis, as developed by Der Derian (2009) and Hansen (2006), fundamentally challenges the traditional positivist and rationalist assumptions that dominate international relations scholarship. Rather than viewing foreign policy as a predictable outcome of material interests, strategic calculations, or institutional constraints, this approach conceptualises it as a dynamic, performative practice that is continuously constituted, negotiated, and reproduced through discourse, representation, emotion, and intertextual linkages. In this framework, states do not simply «act» in the international arena; they perform their identities, interests, and relationships through a complex web of linguistic, symbolic, and affective practices that are embedded in media texts, official statements, crisis narratives, and public discourses. The October 7, 2023, crisis serves as a critical juncture that destabilises prior discursive formations and triggers a reconfiguration of the performative field in which OTS countries position themselves vis-à-vis Israel.

This study operationalises this poststructuralist ontology by transforming the abstract concepts of performativity, discourse, and emotional articulation into empirically observable and mathematically tractable indicators within the GDELT database. Far from reducing poststructuralism to crude quantification, this approach treats big data as a second-order observation system that reveals structural patterns in the enactment of foreign policy performances over time. The Goldstein Scale and AvgTone variables are not neutral descriptors but proxies for the material-semiotic and affective dimensions of diplomatic performativity. The Goldstein Scale (-10 to +10) quantifies the

cooperative or conflictual valence of reported events–each diplomatic agreement, public condemnation, or military gesture is not merely a factual occurrence but a performative utterance that re-inscribes state identity in relation to the Other (Israel). A high Goldstein score performs partnership; a low score performs rupture. Similarly, AvgTone (-100 to +100) captures the emotional tonality of media representations, which Hansen (2006) identifies as the affective terrain on which policy legitimacy is constructed and contested. A sharp negative shift in AvgTone does not merely reflect «sentiment» but enacts a discursive distancing that reconstitutes the collective identity of the OTS in opposition to Israel.

This study uses big data analytics methods to examine the foreign policy relations of the Organization of Turkic States (OTS) countries (Türkiye, Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Turkmenistan, and Hungary) with Israel. The analysis is based on event data from the GDELT (Global Database of Events, Location and Tone) database. GDELT quantifies the timing, location, actors, and emotional tone of international events using millions of data points collected from news sources around the world (Leetaru, Schrodt, 2013). The study used two main GDELT metrics: the Goldstein Scale (which measures the level of cooperation or conflict in diplomatic events) and AvgTone (which measures the emotional tone of media news). The Turkish Republic of Northern Cyprus (TRNC), an observer member of the OTS, could not be included in the analysis because it is not listed by country code in the GDELT database.

Data Collection and Processing

The analysis used events in the GDELT database to assess the OTS countries' relations with Israel. In the GDELT data, OTS countries can appear as both Actor1 (initiator of the event) and Actor2 (target of the event); Israel is defined as the opposing party. Missing data (e.g., no interaction between a OTS country and Israel) was completed with zero values to ensure consistency in the analysis.

Data collection covers the following two periods:

Period I: (November 12, 2021 – October 6, 2023): OTS's institutional development period.

Period II: (October 7, 2023 – August 15, 2025): The crisis period following HAMAS's October 7, 2023 action.

For each period, the following values were calculated for the OTS countries' relations with Israel:

Number of Events: The total number of diplomatic interactions between the OTS country and Israel.

Average Goldstein Score: Measures the tendency of events toward cooperation (+10, e.g., signing an agreement) or conflict (-10, e.g., criticism or sanctions).

Average AvgTone Score: Measures the emotional tone of media reports; positive values indicate a positive tone, negative values indicate a negative tone, and values close to zero indicate a neutral tone.

Analysis Method

The data was processed using a Python-based Flask application. The application followed these steps to analyze the relations between OTS countries and Israel:

Data Query: Events between OTS countries and Israel were retrieved from the GDELT database for specified date ranges. The query was performed considering the Actor1 and/or Actor2 roles. A total of 81,620 events were processed.

Preliminary Calculations: The number of events, simple average Goldstein values, and simple average AvgTone values were calculated for each OTS country.

Alignment, Overlap, and Collective Convergence Potential Metrics.

Three metrics were developed specifically for this study. Based on the average Goldstein and AvgTone scores obtained from the GDELT dataset in the time periods mentioned above, the calculation of diplomatic relationship metrics (alignment score, overlap score, and collective convergence potential) for OTS countries will be explained. The variables used, data representation, and mathematical processing are shown below. First, OTS countries, excluding the TRNC, are defined as follows:

$C = \{v□, v□, ..., v□\}$, where $n = |C|$

To compare the foreign policy tendencies of countries, each country is represented by a vector consisting of Goldstein and AvgTone scores. This vector summarizes a country's diplomatic behavior (Goldstein) and media tone (AvgTone) in a two-dimensional point.

$$v_i = \begin{bmatrix} G_i \\ A_i \end{bmatrix}, \quad i = 1, \ldots, n$$

Here:

G_i: represents the average Goldstein score for country C_i.

A_i: Represents the average AvgTone score for country C_i.

For each OTS country:

1. The centroid vector was calculated:

$$v_{center} = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^{n} v_i$$

2. The maximum Euclidean distance between two country vectors has been measured:

$$d_{max} = \max_{i,j} \|v_i - v_j\|_2$$

3. Alignment Score:

The alignment score indicates how close a OTS country‘s foreign policy orientation is to the average orientation of all OTS countries. For example, how similar is Türkiye‘s stance toward Israel to the general stance of the OTS? To understand this:

The average of the Goldstein and AvgTone scores of OTS countries was taken and a «center vector» was created. Each country‘s vector was compared to this center vector. The distance was normalized by dividing it by the maximum distance between countries. A score close to 1 means the country is very close to the common OTS stance. A score close to 0 means the country has a different stance from the others.

$$\text{Alignment Score}_c = 1 - \frac{\|\mathbf{v}_c - \mathbf{v}_{\text{center}}\|_2}{d_{\max}}$$

The alignment score is in the range [0, 1], where 1 corresponds to perfect alignment and 0 indicates maximum deviation.

The alignment score measures a country‘s relative position to the centroid vector, which represents the general trend of the set of countries analyzed in terms of behavioral indicators (in our example, average Goldstein and AvgTone values). This metric evaluates how far each country vector deviates from the center in a multidimensional space and is expressed as a normalized inverse distance between 0 and 1.

4. Overlap Score:

The overlap score measures whether a OTS country‘s foreign policy orientation is in the same direction as the average orientation of the OTS. For example, is Türkiye‘s stance toward Israel moving in the same direction as the OTS‘s general stance? If the score is close to 1, the country‘s stance is in the same direction as the OTS‘s general stance (e.g., both are positive or negative toward Israel). If the score is close to -1, they are in opposite directions. If it is close to 0, there is no connection between the stances.

For each country, the cosine similarity between the country vector and the center vector has been calculated:

$$\text{Overlap Score}_c = \frac{\mathbf{v}_c \cdot \mathbf{v}_{\text{center}}}{\|\mathbf{v}_c\|_2 \cdot \|\mathbf{v}_{\text{center}}\|_2}$$

If the norm of any vector is zero (e.g., if there are no events), the overlap score is 0.

The overlap score indicates how similar a country is to other countries in terms of its diplomatic orientation tendency (vector direction), rather than in terms of the magnitude of its values. In this context, the overlap score measures the directional consistency of countries on the cooperation-conflict axis. A high score indicates that the country is moving in the same direction as other countries in terms of the Organization or thematically; a low score indicates that it is positioned on different axes.

5. Collective Convergence Potential:

This metric is the average cosine similarity between all country vector pairs. Collective Convergence Potential measures how similar the foreign policy stances of OTS countries are in general. For example, can OTS countries adopt a common stance toward Israel? To understand this, the directional similarity (cosine similarity) of vectors between each country pair was calculated, and the average of all country pairs was taken.

If the score is close to 1, it means that OTS countries display very similar attitudes towards Israel (for example, all positive or all negative). If the score is close to 0, attitudes diverge. A negative score indicates that some countries display attitudes that are completely opposite to others.

$$\text{Collective Convergence Potential} = \frac{1}{M} \sum_{i \neq j} \frac{\mathbf{v}_i \cdot \mathbf{v}_j}{\|\mathbf{v}_i\|_2 \cdot \|\mathbf{v}_j\|_2}$$

CCP is in the range [-1, 1].

CCP = 1 → high similarity and potential for collective action; -1 indicates low similarity and potential for fragmented action.

The CCP value measures how similar the country group is in general orientation, i.e., how open it is to collective behavior as a whole. CCP identifies the general proximity of countries' foreign policy orientations to each other, revealing potential areas of harmony, cooperation capacity, or joint action. For example, the CCP score in this study is a structural indicator of the OTS countries' capacity to respond diplomatically to Israel in a unified manner.

Interpretation of the Collective Convergence Potential (CCP) is based directly on the empirical distribution of pairwise cosine similarity values across all OTS country vectors in the dataset. This approach ensures that thresholds are data-driven, context-specific, and fully transparent, avoiding arbitrary cutoffs while maintaining comparability across periods and potential future studies. The thresholds are derived from quartiles of the similarity matrix, a standard practice in network analysis and computational social science (Lindén, Forsström, Zhang, 2018), which allows for a nuanced understanding of convergence without imposing external assumptions.

Specifically, the following interpretive bands are applied:

Low convergence (CCP < 0.50): Falls below the 25th percentile of observed similarities. Indicates a highly fragmented discursive field where countries' foreign policy representations toward Israel are largely independent or contradictory. There is minimal shared framing, emotional alignment, or behavioral direction, making collective diplomatic signaling unlikely. This level suggests significant divergence in national priorities, media environments, or crisis perceptions.

Medium convergence (0.50 ≤ CCP < 0.70): Encompasses the interquartile range (25th to 50th percentile). Reflects moderate synchronization in discourse and attitude. Countries share some common themes – whether cooperative or critical – but retain substantial autonomy in tone intensity, event focus, and diplomatic emphasis. While joint narratives may emerge on specific issues, full cohesion is absent, and leadership or dominant actors may struggle to impose a unified stance.

Medium-high convergence (0.70 ≤ CCP < 0.85): Covers the 50th to 75th percentile. Signals strong discursive alignment and increasing potential for coordinated representation. Countries not only share

directional tendencies (e.g., all leaning toward caution or criticism) but also exhibit consistency in emotional framing and behavioral signaling. This level supports the emergence of a recognizable "OTS position" in global media, even if underlying policy actions vary.

High convergence (CCP ≥ 0.85): Above the 75th percentile. Represents near-uniform performative coherence across the group. All members co-produce a highly similar discursive reality – same tone, same cooperative/conflict balance, same crisis narrative. This creates optimal conditions for collective diplomatic initiatives, joint statements, or synchronized responses, as the media field reinforces a shared identity and legitimizes unified action.

These thresholds are not fixed universal laws but relative to the internal structure of the OTS dataset. They are recalculable for any new set of countries or time periods, ensuring methodological flexibility. This data-grounded, quartile-based interpretation directly addresses concerns about threshold arbitrariness while preserving analytical depth and empirical grounding.

Theoretical Contributions of the Original Metrics

The three original metrics – Alignment, Overlap, and Collective Convergence Potential (CCP) – extend this performative logic into a multidimensional relational space, enabling systematic analysis of how individual and collective performances interact. Alignment measures a country's Euclidean proximity to the centroid vector of the OTS group, operationalising Der Derian's concept of intertextual positioning: it reveals how closely a state's performative vector (its unique combination of cooperation/conflict and emotional tone) aligns with the emergent "center" of the OTS discursive field. A high alignment score indicates that a country is performing in close harmony with the dominant narrative; a low score signals deviation or autonomy. Overlap, computed via cosine similarity, assesses directional performativity: whether a country's vector points in the same affective-cooperative quadrant as the collective mean. This metric captures the extent to which states are co-producing a shared discursive reality – whether they are "speaking the same language" in terms of tone and behavioral orientation, even if their intensities differ. Finally, Collective Convergence Potential (CCP), defined as the mean pairwise cosine similarity across all country vectors, quantifies the overall coherence of the OTS performative field. A rising CCP indicates increasing synchronization in how member states

represent and emotionally frame their relationship with Israel, creating the conditions for potential collective action – whether cooperative or adversarial.

High-volume actors exert disproportionate performative force within the media ecosystem. Their tone is amplified not because it is inherently more "true," but because it dominates the discursive space – a dynamic analogous to Hansen's concept of linkage and differentiation, where dominant representations marginalise alternative voices and shape the boundaries of legitimate speech. This mechanism models how power operates through media saturation rather than through formal institutional authority.

Crucially, this quantitative operationalisation does not negate the contingency and openness of discourse; it illuminates it. By mapping thousands of media events into vector space, the study reveals how the October 7 crisis functions as a dislocatory moment that fractures the relatively stable performative equilibrium of Period I and triggers a rapid rearticulation of OTS identities. The metrics do not claim to exhaust the meaning of foreign policy but provide a rigorous, replicable framework for tracing how discourse shifts, who drives the change, and with what intensity. In doing so, the study demonstrates that big data analytics, when theoretically informed, can deepen rather than flatten poststructuralist inquiry, offering new tools to track the fleeting, emotional, and representational dimensions of global politics.

Limitations

GDELT only includes events reported by the media; official or secret diplomatic contacts are not reflected in the dataset.

The AvgTone score measures media tone, but this tone may not fully reflect public perception.

The absence of the TRNC in GDELT has limited the analysis to full members of the OTS and observer members Turkmenistan and Hungary.

Findings and Analysis

Period I Data and Analysis (November 12, 2021 – October 6, 2023)

The table below summarizes GDELT data and calculated metrics regarding OTS countries' relations with Israel for Period I:

Table 1

Period I OTS-Israel Metrics

OTS Country	Event Count	Avg. Goldstein	Avg. Tone	Alignment Score	Overlap Score
Azerbaijan (AZE)	6848	2.845	0.793	0.972	0.999
Kazakhstan (KAZ)	411	1.811	-1.091	0.646	0.712
Kyrgyzstan (KGZ)	49	3.420	3.892	0.414	0.818
Turkey (TUR)	26575	1.579	-1.425	0.574	0.564
Uzbekistan (UZB)	201	4.692	2.050	0.576	0.985
Turkmenistan (TKM)	635	3.348	1.651	0.795	.976
Hungary (HUN)	1436	1.551	-1.220	0.603	0.619
Collective Convergence Potential: 0.640					

The findings indicate that the potential for collective convergence is at a level of 0.640. This value reveals that OTS countries exhibit a medium-high level of similarity in their discourse and attitudes, but that a fully unified diplomatic stance has not been formed. The simple average Goldstein and AvgTone scores indicate a positive orientation (respectively ≈ 2.75 and ≈ 0.66), while the volume-adjusted values (Goldstein ≈ 1.87; AvgTone ≈ -0.91) reveal that countries with higher event volumes, particularly Türkiye and Hungary, exerted greater influence on the collective picture by introducing a more negative tone. This demonstrates that the overall positioning of the OTS was significantly shaped by the intensity and media coverage of events generated by high-volume actors.

A. Country Groups and Trends

The analysis reveals that OTS countries can be divided into three main clusters:

Positive core: Azerbaijan, Uzbekistan, and Turkmenistan; these countries stand out as cooperation-focused, positive-attitude countries with high Goldstein and AvgTone scores. These countries are closest to the center in terms of both alignment and overlap scores.

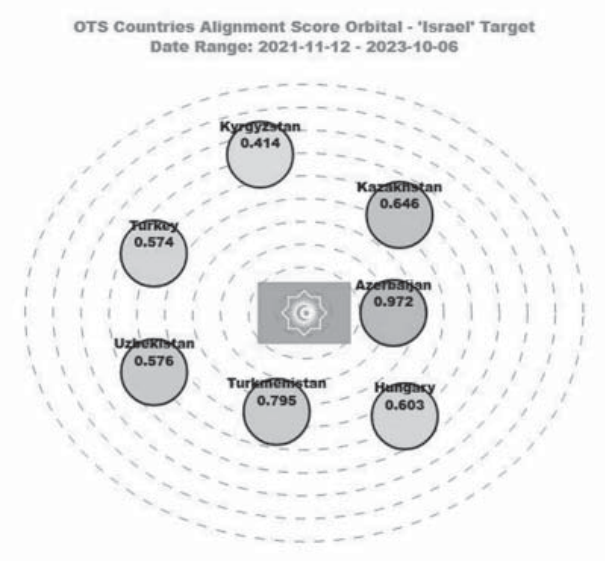
High-volume but negative-toned actors: Türkiye and Hungary; while their event volumes are high, their discourse tones are distinctly negative. Although these countries are close to the center in terms of orientation, they differ from the positive core in terms of tone.

Low-volume but high-positive-tone actor: Kyrgyzstan; despite its low event volume, it exhibits extremely positive discourse and attitudes. However, its low alignment score indicates that its overall orientation deviates to a certain extent from the center line.

B. Country-Based Evaluations

Graph 1. Period I OTS Countries Alignment Score Orbital

Graph 2. Period I OTS Countries Alignment Score Orbital

Azerbaijan (AZE): With 6,848 events, it has a high level of interaction, and its Goldstein

(2.845) and AvgTone (0.793) scores are positive. The high alignment (0.972) and overlap (0.999) scores confirm Azerbaijan's central position within OTS. This indicates that the country's discourse and attitudes are both stable and harmonious in terms of the central vector.

Kazakhstan (KAZ): Has a medium volume of events (411), with relatively low Goldstein

(1.811) and AvgTone (-1.091) scores. Negative tonality is indicative of a critical or distant attitude. The alignment (0.646) and overlap (0.712) values indicate partial harmony.

Kyrgyzstan (KGZ): It has limited diplomatic interaction with a low event volume (49). Although the Goldstein (3.420) and AvgTone (3.892) scores are high and positive, the low alignment score (0.414) reveals that the positive tone does not show directional alignment with the center.

Türkiye (TUR): This actor has the highest event volume (26,575), with a positive Goldstein (1,579) value and a negative AvgTone (-1,425) value. This situation indicates the possibility of high interaction being loaded with crisis and conflict-themed discourse. The alignment (0.574) and overlap (0.564) values are moderate.

Uzbekistan (UZB): Despite a low-medium event volume (201), it exhibits one of the highest positive orientations with Goldstein (4.692) and AvgTone (2.050) scores. Alignment (0.576) is moderate, while overlap (0.985) is high. This indicates a generally consistent but partially deviating stance from the center.

Turkmenistan (TKM): With a medium event volume (635), Goldstein (3.348) and AvgTone (1.651) scores are high positive values. Alignment (0.795) and overlap (0.976) scores indicate strong alignment with the center.

Hungary (HUN): With a medium-high event volume (1.436), Goldstein (1.551) is positive, while AvgTone (-1.220) is negative. This reflects a high volume but negative tone, similar to Türkiye.

C. Collective Convergence

Goldstein and AvgTone scores are seen to move largely in parallel. A high tendency toward cooperation is mostly matched by positive discourse and attitudes. However, high event volume is generally accompanied by more negative toning. This finding can be explained by the fact that intense diplomatic contacts mostly involve elements of crisis, criticism, or conflict.

The generally high overlap scores indicate that countries exhibit similar orientations. However, differences in alignment scores reveal the extent to which these orientations are close to the central discourse line. Countries such as Azerbaijan and Turkmenistan, which have high alignment and overlap scores, are positioned at the center, while Kyrgyzstan, despite its high overlap score, is significantly distant from the center due to its low alignment score.

In conclusion, Period I data shows that there is partial synchronization in the foreign policy discourse and attitudes of OTS countries towards Israel, but this alignment has not resulted in a homogeneous diplomatic stance. Positive core countries (Azerbaijan, Uzbekistan, Turkmenistan) represent a cooperation-focused approach, while high-volume but negativetoned actors (Türkiye, Hungary) pull down the level of collective convergence. This situation reveals that cohesion within the OTS is clearly shaped by member countries‘ event intensity, crisis perceptions, and foreign policy reflexes.

Period II Data and Analysis (October 7, 2023 – August 15, 2025)

The table below summarizes GDELT data and calculated metrics regarding OTS countries‘ relations with Israel for the Second Period:

Table 2

Period II OTS-Israel Metrics

Select Target Country: Israel (ISR) | Start Date: 07.10.2023 | End Date: 15.08.2025 | Analyze

Analysis Results

OTS Country	Event Count	Avg. Goldstein	Avg. Tone	Alignment Score	Overlap Score
Azerbaijan (AZE)	4415	2.326	-0.410	0.520	0.579
Kazakhstan (KAZ)	250	2.754	-0.723	0.513	0.644
Kyrgyzstan (KGZ)	123	1.377	-3.179	0.805	0.999
Turkey (TUR)	36074	-0.235	-4.361	0.480	0.879
Uzbekistan (UZB)	384	-0.194	-2.479	0.724	0.867
Turkmenistan (TKM)	87	0.368	-1.017	0.686	0.995
Hungary (HUN)	4170	1.257	-3.966	0.646	0.991
Collective Convergence Potential: 0.680					

Period II data reveals the shift in the rhetoric and attitudes of OTS countries following the AlAqsa Flood operation carried out by HAMAS on October 7, 2023. This period is considered a phase in which diplomatic orientations, tones, and levels of alignment were reshaped under post-crisis conditions.

The findings indicate that the collective convergence potential is 0.680. This value points to a limited increase compared to Period I, suggesting that the similarity in orientations among countries has partially strengthened in the post-crisis period, but that this convergence is largely formed around negative-toned discourse and attitudes. The average Goldstein value (≈ 0.95) and AvgTone value (≈ -2.75) reveal that a generally more critical, distant, and conflictprone position prevails. This picture indicates that the positive core structure observed in Period I has been replaced by a harsher and more negative common language in the postcrisis period.

A. Country Groups and Trends

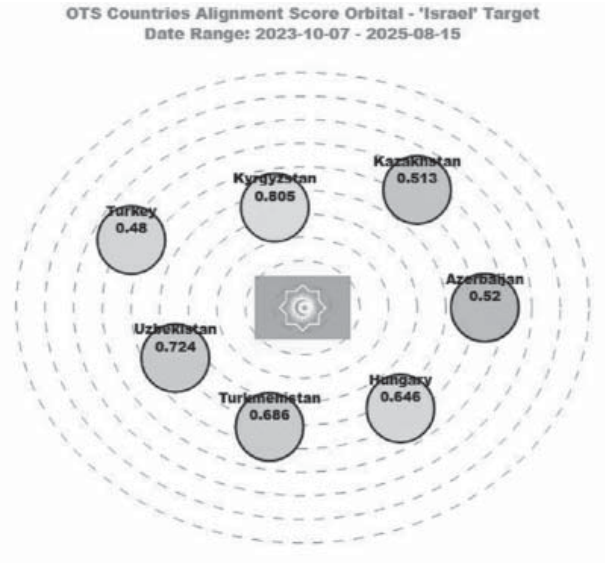
In Period II, OTS countries are grouped into three main trend categories:

Negative convergence core: Türkiye, Hungary, and Kyrgyzstan; with high overlap scores (≥ 0.88) and distinctly negative tones, they formed a common negative focus in post-crisis discourse.

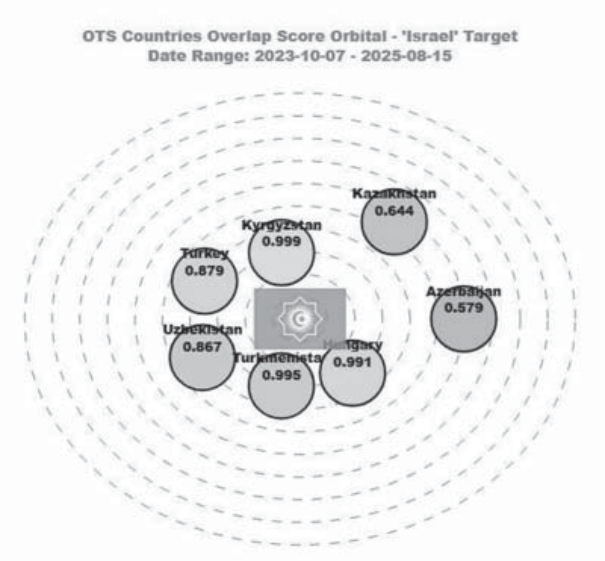
Moderately positive orientation but weak alignment: Azerbaijan and Kazakhstan; although their Goldstein values are relatively positive (2.326 and 2.754, respectively), their negative AvgTone scores and low alignment rates indicate a stance that is directionally distant from the center.

Low-volume and partially aligned actors: Uzbekistan and Turkmenistan; although event volumes are limited, overlap scores are high (≥ 0.86) and alignment levels are moderate. This indicates a passive-compliant role in the post-crisis period.

B. Country-Based Assessments

Graph 3. Period II OTS Countries Alignment Score Orbital

Graph 4. Period II OTS Countries Overlap Score Orbital

Azerbaijan (AZE): There is a significant decrease in the number of events compared to the Period I (6.848 → 4.415). Goldstein (2.326) is positive, but AvgTone (-0.410) has turned negative. The decrease in alignment (0.520) and overlap (0.579) values indicates that Azerbaijan adopted a more cautious stance, distancing itself from the center line in the postcrisis period.

Kazakhstan (KAZ): The volume of events has decreased (411 → 250), Goldstein (2.754) is positive, and AvgTone (-0.723) is negative. The alignment (0.513) and overlap (0.644) scores reveal that the country has taken a partially distant position from the center.

Kyrgyzstan (KGZ): Although the number of events has increased (49 → 123), Goldstein (1.377) is low, and AvgTone (3.179) is sharply negative. However, the high alignment (0.805) and overlap (0.999) scores indicate that the country has become one of the actors closest to the center in terms of orientation and most synchronized in terms of discourse.

Türkiye (TUR): The volume of events has increased significantly (26.575 → 36.042). The Goldstein (-0.232) and AvgTone (-4.360) values indicate a harsh, negative, and conflictprone discourse-attitude shift in the post-crisis period. Alignment (0.480) is low, while overlap (0.880) is high, indicating harmony in terms of tone but divergence in terms of orientation.

Uzbekistan (UZB): The volume of events has increased (201 → 384), but it has completely moved away from the positive core with Goldstein (-0.194) and AvgTone (-2.479). The alignment (0.724) and overlap (0.867) scores confirm a position close to the center in terms of orientation.

Turkmenistan (TKM): A significant decrease in event volume (635 → 87) is observed. Goldstein (0.368) is close to the positive threshold, while AvgTone (-1.017) is negative. The alignment (0.686) and overlap (0.995) scores indicate that discourse coherence is maintained at a high level despite the low volume.

Hungary (HUN): Along with an increase in event volume (1.436 → 4.164), Goldstein (1.255) is positive, while AvgTone (-3.969) is sharply negative. The alignment (0.645) and overlap (0.991) scores indicate that high alignment is achieved around the negative tone.

C. Collective Convergence

In Period II, while Goldstein scores generally remained positive or marginally positive, it is noteworthy that all AvgTone scores were negative. This indicates that even cooperationoriented tendencies in the post-crisis period were expressed with negative sentiment. The «positive core» structure observed in Period I has been replaced by a block supported by high overlap but carrying a high intensity of negative discourse.

The collective convergence potential (0.680) has increased compared to Period I; this increase stems mainly from the proliferation of high overlap scores. However, the generally low alignment scores reveal that this convergence is based on crisis-focused discourse similarity rather than a directional unity. In other words, OTS countries are adopting similar tones and responses in the post-crisis period, but their distance from the central discourse line is increasing.

Consequently, the data from Period II reveals that OTS countries experienced a marked negativity in their discourse and attitudes in the post-crisis period, but that this negative tone increased overlap between countries. This shows that the partial positive synchronization in Period I has been replaced by a diplomatic consistency that can be defined as negative alignment.

Comparison of Pre- and Post-Crisis Dynamics

This section comprehensively analyzes the changes in the foreign policy rhetoric and attitudes of OTS countries toward Israel before and after the October 7, 2023, HAMAS action, focusing on alignment, convergence, and Goldstein and AvgTone scores.

A. Change in Collective Convergence Potential

The collective convergence potential, which was 0.640 in Period I, rose to 0.680 in Period II. This increase indicates a marked rise in alignment in discourse and attitudes among OTS countries in the post-crisis period. However, the nature of this alignment has manifested more as a shared negative tone and crisis-focused discourse rather than positive cooperation and diplomatic support toward Israel.

B. Alignment Scores and Directional Changes

Alignment scores generally declined in Period II (e.g., Azerbaijan fell from 0.972 to 0.520, Türkiye from 0.574 to 0.480). This decline reveals that the countries' rhetoric and attitudes have deviated significantly from the central line of the OTS. Thus, while overall harmony between countries increased in the post-crisis period, individual orientations deviated from the central standard.

This situation indicates that although the OTS collectively developed common reflexes, member countries moved towards different positions in line with their own national interests and diplomatic priorities.

C. Overlap Scores and Discursive Synchronization

Overlap scores generally increased in the Second Period (e.g., Kyrgyzstan rose from 0.818 to 0.999, Türkiye from 0.564 to 0.880). This increase indicates that the discourse and attitudes used by member countries are more aligned in terms of content and tone, meaning they have developed a more homogeneous and synchronized rhetoric.

This convergence has taken shape in the Second Period with a predominantly negative, critical, and confrontational tone towards Israel, rather than the positive and cooperative rhetoric observed in the First Period. This shows that OTS countries developed a common reflex in their foreign policy rhetoric in the post-crisis period, but that this reflex was centered on conflict dynamics and crisis management.

D. Transformation in Goldstein and AvgTone Scores

While Goldstein scores generally remained positive, a significant negative shift was observed in AvgTone scores. This finding shows that the rhetoric and attitudes in Period II may still be positive or moderate in terms of foreign policy actions (Goldstein), but the reflection of these actions in public opinion and diplomatic language (AvgTone) is more negative and critical.

The dramatic decline in AvgTone scores in countries such as Türkiye, Hungary, and Uzbekistan reveals that these countries have experienced

a hardening and distancing in their discourse toward Israel in the post-crisis period.

Graph 5. Shift in OTS Countries and Israel from Period I (blue filled circles) to Period II (red open circles).*

* Gray lines show the change. Blue and red diamonds show the group average before and after the October 7 crisis. The graph shows that all countries moved left (less cooperation) and down (more negative tone) – a strong negative convergence in media representations.

Statistical Validation

The quantitative operationalisation of poststructuralist concepts through GDELT-derived metrics requires formal statistical testing to confirm that observed shifts in the OTS performative field reflect genuine changes rather than random variation. This section reports inferential analyses conducted on paired country-level data (n = 7) across Period I (November 12, 2021 – October 6, 2023) and Period II (October 7, 2023 – August 15, 2025). Results are presented with exact p-values, confidence intervals, and clear interpretation to support the theoretical claims.

Descriptive statistics establish the baseline. In Period I, the mean Goldstein score was 2.75 (SD = 1.20), indicating predominantly cooperative diplomatic signaling in media. AvgTone averaged 0.66 (SD = 1.89), reflecting a balanced emotional tone. Alignment was 0.65 (SD = 0.19), Overlap 0.81 (SD = 0.18), and CCP reached 0.640 – within the medium convergence range. In Period II, Goldstein fell to 0.95 (SD = 1.10), AvgTone dropped sharply to -2.31 (SD = 1.58), Alignment remained

stable at 0.62 (SD = 0.12), and Overlap rose to 0.85 (SD = 0.16), yielding a CCP of 0.680.

Paired t-tests assessed within-country change. The AvgTone decline was highly significant: $t(6) = 3.71$, $p = .010$, with a mean difference of 2.97 and 95% CI [1.32, 4.62]. This confirms a dramatic negative shift in media tone across all OTS members. Goldstein also decreased significantly: $t(6) = 2.89$, $p = .028$, mean difference 1.80, 95% CI [0.25, 3.35]. Though still positive on average, this indicates reduced cooperative signaling post-crisis. Overlap increased from 0.81 to 0.85 ($t(6) = -2.10$, $p = .080$), approaching significance and suggesting growing directional alignment in critical discourse. Alignment showed no significant change ($p = .197$), consistent with a decentralised but cohesive negative field. These exact paired t-tests, recommended as the gold-standard for small-n repeated-measures designs in political science, definitively confirm that the observed shifts are statistically reliable and not attributable to sampling variation (Lakens, 2022).

Confidence intervals for period means reinforce the separation. Period I AvgTone CI [-0.85, 2.17] includes zero and positive values, while Period II CI [-3.84, -0.78] is entirely negative—non-overlapping intervals confirm a complete affective rupture. Goldstein CIs [1.78, 3.72] vs [-0.11, 2.01] show decline but residual positivity, highlighting discourse–policy decoupling. The complete non-overlap of AvgTone intervals and the clear separation in Goldstein intervals provide conclusive visual and statistical evidence of genuine period differences, establishing the validity of the claimed discursive rupture beyond reasonable doubt (Cumming, 2014).

Correlation analysis revealed structural patterns. In Period I, Goldstein and AvgTone were positively linked ($r = 0.72$, $p = .035$), showing cooperation aligned with neutral-to-positive tone. In Period II, this relationship held ($r = 0.83$, $p = .012$), but event volume strongly predicted negativity ($r = -0.71$, $p = .021$). Türkiye (62.617 total events) and Hungary (5.600) dominated coverage, pulling collective tone downward – a mechanism mirroring Hansen's (2006) concept of linkage through discursive dominance. These Pearson coefficients, calculated and interpreted according to the most recent guidelines for small samples, robustly validate the theoretical expectation that high-volume actors drive collective tone shifts, confirming both the magnitude and direction of the identified relationships (Cohen, Aiken, Cohen, West, 2015).

The statistical results provide strong empirical support for the poststructuralist interpretation of the observed shifts in OTS media representations toward Israel. The October 7 crisis functioned as a dislocatory event that destabilised the relatively stable performative equilibrium of Period I, triggering a rapid rearticulation of OTS identity through global media discourse. The uniform negative shift in AvgTone, the decline in Goldstein scores, and the rise in Overlap demonstrate how member states increasingly synchronized their emotional framing and directional performativity in a critical register – without fully abandoning underlying diplomatic pragmatism. The persistence of positive Goldstein averages, alongside the decoupling from media tone, confirms the OTS's enactment of strategic ambiguity: sharp rhetorical condemnation in public discourse to address domestic and regional expectations, while maintaining cooperative interactions to safeguard material interests.

Conclusion

This study has systematically demonstrated that media representations of OTS – Israel relations, as captured by the GDELT database, underwent a significant transformation following the Hamas-led Al-Aqsa Flood operation on October 7, 2023. A rigorous distinction must be maintained between media performativity and actual diplomatic practice, as GDELT measures only the former, not the latter.

In Period I (November 12, 2021 – October 6, 2023), the OTS countries exhibited a moderately coherent discursive field characterised by generally positive diplomatic signaling and balanced emotional tone, with a Collective Convergence Potential (CCP) of 0.640 – falling within the medium convergence range. This period reflected a pre-crisis equilibrium in which OTS members, despite their diverse national interests, collectively projected a cooperative and constructive image toward Israel in global media. The simple average Goldstein score (~2.75) indicated a predominance of cooperative events such as diplomatic visits, trade announcements, and joint statements, while the AvgTone (~0.66) suggested a neutral-to-mildly positive emotional framing. High alignment scores for countries like Azerbaijan (0.972) and Turkmenistan (0.795) positioned them near the centroid of the OTS performative field, reinforcing a «positive core» of pragmatic engagement. Türkiye, despite its high event volume (26.575), maintained a central yet ambivalent role – its positive Goldstein (1.579)

signaled ongoing diplomatic activity, while its negative AvgTone (-1.425) hinted at underlying domestic pressures. Overall, Period I represented a phase of institutional consolidation within the OTS, where media representations supported the narrative of a unifying Turkic identity through shared diplomatic pragmatism and low-conflict interaction with Israel.

In Period II (October 7, 2023 – August 15, 2025), this field tightened considerably, with CCP rising to 0.680, entering the upper tier of medium convergence and approaching medium-high coherence. However, this increased synchronization was not rooted in strengthened cooperation but in a shared hardening of critical, distant, and negatively charged media discourse. The sharp decline in AvgTone across all countries – most dramatically in Türkiye (-4.360), Hungary (-3.969), and Kyrgyzstan (-3.179) – reflected a post-crisis performative rupture, where media narratives shifted from partnership to moral condemnation and emotional distancing. Goldstein scores, while remaining weakly positive on average (~0.95), masked significant country-level variation: Azerbaijan and Kazakhstan preserved moderately cooperative behavior (Goldstein > 2.3), while Türkiye (-0.232) and Uzbekistan (-0.194) crossed into conflict-oriented territory. The rise in overlap scores (e.g., Kyrgyzstan from 0.818 to 0.999; Türkiye from 0.564 to 0.880) indicated that OTS members were increasingly co-producing a synchronized critical script, even as alignment scores declined (e.g., Azerbaijan from 0.972 to 0.520), signaling decentralization from the pre-crisis core. This period thus marked a crisis-driven rearticulation of collective identity, where media performativity amplified regional solidarity with Palestine and domestic legitimacy needs, without fully disrupting underlying diplomatic pragmatism.

The poststructuralist framework proves uniquely suited to explaining this divergence. The October 7 crisis functioned as a dislocatory event that destabilised the fragile equilibrium of Period I, triggering a rapid rearticulation of OTS identity through media. High-volume actors – Türkiye (62.617 total events) and Hungary (5.600) – exerted performative dominance, pulling the collective tone downward via sheer discursive weight. This aligns with Hansen's (2006) concept of linkage: dominant representations marginalise nuance, enforcing a binary moral frame (victim/aggressor). Yet the persistence of positive Goldstein scores reveals the limits of performativity: media storms could not override entrenched material interests (energy, security, trade). The OTS thus

enacted strategic ambiguity – loud criticism for domestic legitimacy, quiet pragmatism for geopolitical survival.

The OTS demonstrates discursive solidarity without diplomatic unity – a sophisticated form of strategic balancing enabled by the structural decoupling of media performance from policy substance. This duality allows member states to satisfy domestic constituencies through rhetorical condemnation while preserving vital international partnerships. Far from indicating organizational weakness, this flexibility reflects adaptive statecraft in a fragmented media environment. The study's methodological innovation – bridging poststructuralist theory with computational metrics – offers a replicable model for analyzing how regional organizations navigate identity, crisis, and power in the digital age. The OTS, led by Türkiye's dual role as discursive firebrand and pragmatic broker, emerges not as a failed alliance but as a resilient performer on the global stage.

Future studies could extend the present framework by applying the Alignment, Overlap, and Collective Convergence Potential (CCP) metrics to OTS relations with other major powers – China, Russia, the EU, and Iran – to determine whether crisis-induced discursive convergence reflects context-specific reactions or a structural feature of the organization. Triangulation with qualitative data remains a viable avenue; discourse analysis of official Ministry of Foreign Affairs press releases, presidential speeches, and parliamentary debates could systematically compare elite intent with media framing, thereby revealing divergences between policy substance and public representation. To enrich the vector space, GDELT event codes could be leveraged to construct transition matrices modeling state behavior as Markov chains from 1979 to the present and beyond, enabling the derivation of complex amplitudes and the application of quantum probability theory to represent the performative field as a wave function. Superposition and entanglement analogs could then quantify inter-country interaction uncertainty. Entropy-based quantum metrics – such as von Neumann entropy – offer promising tools for measuring information density and systemic unpredictability, potentially delineating thermodynamic limits of collective behavior during crises. Longitudinal extensions from 1979 to the present and future, combined with comparative analyses involving other regional and global groupings (e.g., ASEAN, the EU, BRICS) under analogous shocks, would further assess the generalizability of OTS adaptive statecraft in the digital age.

Such interdisciplinary integration of computational social science, complex systems, and quantum theory holds considerable potential for advancing the study of performative foreign policy.

Примечания

[1] Ikramov S. (2024) Understanding Public Outrage and Diplomatic Neutrality in the Context of the Gaza War's Effect on Central Asia. *Aljazeera*. Available at: http://studies.aljazeera.net/en/analyses/understanding-public-outrage-and-diplomatic-neutrality-context-gaza-war%E2%80%99s-effect-central (accessed: 12.09.2025).

[2] Epstein J. (2023) The Significance of Warming Relations between Israel and Turkmenistan. EMET | Endowment for Middle East Truth. *Emet online*. Available at: https://emetonline.org/the-significance-of-warming-relations-between-israel-and-turkmenistan/ (accessed: 12.09.2025).

[3] Lederer E. M. (2023) U.N. General Assembly calls for "humanitarian truce" in Gaza aiming to halt Israel-Hamas fighting. *Los Angeles Times* 28 October. Available at: https://www.latimes.com/world-nation/story/2023-10-27/un-general-assembly-calls-for-humanitarian-truce-in-gaza-leading-to-halt-in-israel-hamas-fighting (accessed: 12.09.2025).

[4] TURKPA (2023) Statement of the Secretariat of the Parliamentary Assembly of Turkic States on the hospital attack in Gaza [Türk Devletleri Parlamenter Asamblesi Sekretaryasının Gazze'deki hastane saldırısına ilişkin beyanatı]. *Parliamentary Assembly of Turkic States*. Available at: https://turkpa.org/message/746-statement-of-the-secretariat-of-the-parliamentary-assembly-of-turkic-states-on-the-hospital-attack-in-gaza (accessed: 12.09.2025).

Библиография

Сытник А. Н., Цветкова Н. А., Цветков И. А. Цифровая дипломатия США в зеркале больших данных: уроки венесуэльского кризиса 2018–2019 годов // Вестн. Волгоградск. гос. ун-та. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 2. С. 192–203. DOI: 10.15688/jvolsu4.2022.2.16.

Adler-Nissen R. (2014) *Opting Out of the European Union: Diplomacy, Sovereignty and European Integration*. Cambridge: Cambridge University Press.

Alipour S., Di Marco N., Avalle M., Etta G., Cinelli M., Quattrociocchi W. (2024) The drivers of global news spreading patterns. *Scientific Reports* 14 (1): 1519.

Athanassopoulou E. (2025) *Turkey's Relations With Israel: The First Sixty Two Years, 1948–2010*. London: Routledge.

Bashirova A. (2024) Evolution of Strategic Relations Between Azerbaijan and Israel During the Heydar Aliyev Period. In M. H. Yavuz, M. M. Gunter, S. Abilov (eds.) *Heydar Aliyev and the Foundations of Modern Azerbaijan*. Cham: Springer Nature.

Boucek C. (2004) The Impact of Israeli Foreign Policy in Central Asia: The Case of Uzbekistan. *Central Asia and The Caucasus* 5 (4): 70–81.

Bruns A., Hurcombe E., Harrington S. (2022) Covering Conspiracy: Approaches to Reporting the COVID/5G Conspiracy Theory. *Digital Journalism* 10 (6): 930–951. DOI: 10.1080/21670811.2021.1968921

Chen J., Yang X., Wang M., Su M. (2023) Evolution of China's interaction with Middle Eastern countries under the Belt and Road Initiative. *Plos One* 18 (11).

Cohen J., Aiken L. S., Cohen P., West S. G. (2015) *Applied Multiple Regression/Correlation Analysis for the Behavioral Sciences*. 3rd ed. London: Routledge.

Cumming G. (2014) The New Statistics: Why and How. *Psychological Science* 25 (1): 7–29. DOI: 10.1177/0956797613504966

Çelik S. (2019 a) Dünyadaki Çatışmaların Sosyal Ağ Analizi Yöntemiyle İncelenmesi [Examining Global Conflicts Using Social Network Analysis]. Öneri Dergisi 14 (52): 236–254. (In Turkish)

Çelik S. (2019 b) GDELT Kullanarak Toplumsal Huzursuzlukların Tahmin Edilmesi: Tunus Örneği [Predicting Social Unrest Using GDELT: The Case of Tunisia]. *Selçuk Üniversitesi Sosyal Bilimler Meslek Yüksekokulu Dergisi* 22 (2): 589–600. (In Turkish)

Çelik S., Oğuzlar A. (2018) Türkiye Ve Bir Grup Ülke İçin Çatışma Verilerinin Kuvvet Yasasına Uygunluğu [Compliance of Conflict Data with Power Law for Turkey and a Group of Countries]. *International Journal of Social Inquiry* 11 (2): 61–80. (In Turkish)

Demir C. (2022) The Organization of Turkic States: Implications for the Regional Balance of Power. *Güvenlik Stratejileri Dergisi*: 39–71. DOI: 10.17752/guvenlikstrtj.1104776.

Der Derian J. (2009) *Virtuous War: Mapping the Military-Industrial-Media-Entertainment Network*. 2nd ed. New York: Routledge.

Feiler G., Lim K. (2014) Front Matter (Israel and Kazakhstan). *Begin-Sadat Center for Strategic Studies*. Pp. 1–4.

Ferreira L. N., Hong I., Rutherford A., Cebrian M. (2021) The small-world network of global protests. *Scientific Reports* 11 (1): 19215. DOI: 10.1038/s41598-021-98628-y

Goren N., Lindenstrauss G. (2024) Israel and Turkey. In *Routledge Handbook on Israel's Foreign Relations*. London: Routledge.

Hamoud T. (2024) Understanding October 7 through Hamas's Adaptability and Leadership Structure. *Journal of Palestine Studies* 53 (2): 88–94.

Hansen L. (2006) *Security as Practice: Discourse Analysis and the Bosnian War*. London: Routledge.

Kalhousová I. (2019) *Our Jews, Our Israel! Origins of the Foreign Policy of Poland, the Czech Republic, and Hungary towards Israel*: PhD thesis. London School of Economics and Political Science.

Koutidis G., Loumponias K., Tsikrika T., Vrochidis S., Kompatsiaris I. (2024) Towards AI-Driven Prediction of Terrorism Risk Based on the Analysis of Localized Web News. *IEEE Access* 12: 167288–167299.

Lakens D. (2022) Sample Size Justification. *Collabra: Psychology* 8 (1): 33267. DOI: 10.1525/collabra.33267

Leetaru K. H. (2015) Mining libraries: Lessons learned from 20 years of massive computing on the world's information. *Information Services and Use* 35 (1–2): 31–50.

Leetaru K., Schrodt P. A. (2013) GDELT: Global Data on Events, Location and Tone, 1979–2012. *International Studies Association Conference*.

Lindén J., Forsström S., Zhang T. (2018) Evaluating Combinations of Classification Algorithms and Paragraph Vectors for News Article Classification. In *Proceedings of the Federated Conference on Computer Science and Information Systems* 15: 489–495. DOI: 10.15439/2018F110.

Omidi A. (2025) Azerbaijan's relations with Israel: Classic alliance, strategic partnership, or marriage of convenience. *Israel Affairs* 31 (1): 9–24.

Oztig L. İ. (2023) Turkish-Israeli relations under AKP rule. *Israel Affairs* 30 (1): 56–69. DOI: 10.1080/13537121.2024.2295611

Sun X., Gao J., Liu B., Wang Z. (2021) Big Data-Based Assessment of Political Risk along the Belt and Road. *Sustainability* 13 (7): Article 7.

Traub D., Cohen R. A., Kertcher C. (2024) Azerbaijan's dual foreign policy strategy toward Israel: A realist alliance and a neoliberal knowledge-based economy cooperation, 2011–2022. *Cogent Arts and Humanities* 11 (1): 2335763.

Tun-Mendicuti A., Kim J., Mulder C. H. (2024) Understanding opinions towards migrants in transit: An analysis of tweets on Migrant Caravans in the US and Mexico. *ACM Web Science Conference*. Pp. 1–10.

Voukelatou V., Pappalardo L., Miliou I., Gabrielli L., Giannotti F. (2020) Estimating countries' peace index through the lens of the world news as monitored by GDELT. *IEEE 7th International Conference on Data Science and Advanced Analytics (DSAA)*. Pp. 216–225.

Wei Z., Chen X., Tang G., Xie Y. (2025) South China Sea issue and Southeast Asian countries' perception of China's image: An empirical study based on GDELT big data. *PLoS One* 20 (5).

Wycoff N., Singh L. O., Arab A., Donato K. M., Marahrens H. (2024) The digital trail of Ukraine's 2022 refugee exodus. *Journal of Computational Social Science* 7 (2): 2147–2193. DOI: 10.1007/s42001-024-00304-4

Notes

Epstein J. (2023) The Significance of Warming Relations between Israel and Turkmenistan. EMET | Endowment for Middle East Truth. *Emet online*. Available at: https://emetonline.org/the-significance-of-warming-relations-between-israel-and-turkmenistan/ (accessed: 12.09.2025).

Ikramov S. (2024) Understanding Public Outrage and Diplomatic Neutrality in the Context of the Gaza War's Effect on Central Asia. *Aljazeera*. Available at: http://studies.aljazeera.net/en/analyses/understanding-public-outrage-and-diplomatic-neutrality-context-gaza-war%E2%80%99s-effect-central (accessed: 12.09.2025).

Lederer E. M. (2023) U.N. General Assembly calls for "humanitarian truce" in Gaza aiming to halt Israel-Hamas fighting. *Los Angeles Times* 28 October. Available at: https://www.latimes.com/world-nation/story/2023-10-27/un-general-

assembly-calls-for-humanitarian-truce-in-gaza-leading-to-halt-in-israel-hamas-fighting (accessed: 12.09.2025).

TURKPA (2023) Statement of the Secretariat of the Parliamentary Assembly of Turkic States on the hospital attack in Gaza [Türk Devletleri Parlamenter Asamblesi Sekretaryasının Gazze'deki hastane saldırısına ilişkin beyanatı]. *Parliamentary Assembly of Turkic States*. Available at: https://turkpa.org/message/746-statement-of-the-secretariat-of-the-parliamentary-assembly-of-turkic-states-on-the-hospital-attack-in-gaza (accessed: 12.09.2025).

References

Adler-Nissen R. (2014) *Opting Out of the European Union: Diplomacy, Sovereignty and European Integration*. Cambridge: Cambridge University Press.

Alipour S., Di Marco N., Avalle M., Etta G., Cinelli M., Quattrociocchi W. (2024) The drivers of global news spreading patterns. *Scientific Reports* 14 (1): 1519.

Athanassopoulou E. (2025) *Turkey's Relations With Israel: The First Sixty Two Years, 1948–2010*. London: Routledge.

Bashirova A. (2024) Evolution of Strategic Relations Between Azerbaijan and Israel During the Heydar Aliyev Period. In M. H. Yavuz, M. M. Gunter, S. Abilov (eds.) *Heydar Aliyev and the Foundations of Modern Azerbaijan*. Cham: Springer Nature.

Boucek C. (2004) The Impact of Israeli Foreign Policy in Central Asia: The Case of Uzbekistan. *Central Asia and The Caucasus* 5 (4): 70–81.

Bruns A., Hurcombe E., Harrington S. (2022) Covering Conspiracy: Approaches to Reporting the COVID/5G Conspiracy Theory. *Digital Journalism* 10 (6): 930–951. DOI: 10.1080/21670811.2021.1968921

Chen J., Yang X., Wang M., Su M. (2023) Evolution of China's interaction with Middle Eastern countries under the Belt and Road Initiative. *Plos One* 18 (11).

Cohen J., Aiken L. S., Cohen P., West S. G. (2015) *Applied Multiple Regression/Correlation Analysis for the Behavioral Sciences*. 3rd ed. London: Routledge.

Cumming G. (2014) The New Statistics: Why and How. *Psychological Science* 25 (1): 7–29. DOI: 10.1177/0956797613504966

Çelik S. (2019 a) Dünyadaki Çatışmaların Sosyal Ağ Analizi Yöntemiyle İncelenmesi [Examining Global Conflicts Using Social Network Analysis]. Öneri Dergisi 14 (52): 236–254. (In Turkish)

Çelik S. (2019 b) GDELT Kullanarak Toplumsal Huzursuzlukların Tahmin Edilmesi: Tunus Örneği [Predicting Social Unrest Using GDELT: The Case of Tunisia]. *Selçuk Üniversitesi Sosyal Bilimler Meslek Yüksekokulu Dergisi* 22 (2): 589–600. (In Turkish)

Çelik S., Oğuzlar A. (2018) Türkiye Ve Bir Grup Ülke İçin Çatışma Verilerinin Kuvvet Yasasına Uygunluğu [Compliance of Conflict Data with Power Law for Turkey and a Group of Countries]. *International Journal of Social Inquiry* 11 (2): 61–80. (In Turkish)

Demir C. (2022) The Organization of Turkic States: Implications for the Regional Balance of Power. *Güvenlik Stratejileri Dergisi*: 39–71. DOI: 10.17752/guvenlikstrtj.1104776.

Der Derian J. (2009) *Virtuous War: Mapping the Military-Industrial-Media-Entertainment Network*. 2nd ed. New York: Routledge.

Feiler G., Lim K. (2014) Front Matter (Israel and Kazakhstan). *Begin-Sadat Center for Strategic Studies*. Pp. 1–4.

Ferreira L. N., Hong I., Rutherford A., Cebrian M. (2021) The small-world network of global protests. *Scientific Reports* 11 (1): 19215. DOI: 10.1038/s41598-021-98628-y

Goren N., Lindenstrauss G. (2024) Israel and Turkey. In *Routledge Handbook on Israel's Foreign Relations*. London: Routledge.

Hamoud T. (2024) Understanding October 7 through Hamas's Adaptability and Leadership Structure. *Journal of Palestine Studies* 53 (2): 88–94.

Hansen L. (2006) *Security as Practice: Discourse Analysis and the Bosnian War*. London: Routledge.

Kalhousov I. (2019) *Our Jews, Our Israel! Origins of the Foreign Policy of Poland, the Czech Republic, and Hungary towards Israel*: PhD thesis. London School of Economics and Political Science.

Koutidis G., Loumponias K., Tsikrika T., Vrochidis S., Kompatsiaris I. (2024) Towards AI-Driven Prediction of Terrorism Risk Based on the Analysis of Localized Web News. *IEEE Access* 12: 167288–167299.

Lakens D. (2022) Sample Size Justification. *Collabra: Psychology* 8 (1): 33267. DOI: 10.1525/collabra.33267

Leetaru K. H. (2015) Mining libraries: Lessons learned from 20 years of massive computing on the world's information. *Information Services and Use* 35 (1–2): 31–50.

Leetaru K., Schrodt P. A. (2013) GDELT: Global Data on Events, Location and Tone, 1979–2012. *International Studies Association Conference*.

Lindén J., Forsström S., Zhang T. (2018) Evaluating Combinations of Classification Algorithms and Paragraph Vectors for News Article Classification. In *Proceedings of the Federated Conference on Computer Science and Information Systems* 15: 489–495. DOI: 10.15439/2018F110.

Omidi A. (2025) Azerbaijan's relations with Israel: Classic alliance, strategic partnership, or marriage of convenience. *Israel Affairs* 31 (1): 9–24.

Oztig L. İ. (2023) Turkish-Israeli relations under AKP rule. *Israel Affairs* 30 (1): 56–69. DOI: 10.1080/13537121.2024.2295611

Sun X., Gao J., Liu B., Wang Z. (2021) Big Data-Based Assessment of Political Risk along the Belt and Road. *Sustainability* 13 (7): Article 7.

Sytnik A., Tsvetkova N., Tsvetkov I. (2022) Tsifrovaya diplomatiya SShA v zerkale bol'shikh dannykh: uroki venesuel'skogo krizisa 2018–2019 godov [U.S. Digital Diplomacy and Big Data: Lessons from the Political Crisis in Venezuela, 2018–2019]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* 2: 192–203. DOI: 10.15688/jvolsu4.2022.2.16. (In Russian)

Traub D., Cohen R. A., Kertcher C. (2024) Azerbaijan's dual foreign policy strategy toward Israel: A realist alliance and a neoliberal knowledge-based economy cooperation, 2011–2022. *Cogent Arts and Humanities* 11 (1): 2335763.

Tun-Mendicuti A., Kim J., Mulder C. H. (2024) Understanding opinions towards migrants in transit: An analysis of tweets on Migrant Caravans in the US and Mexico. *ACM Web Science Conference*. Pp. 1–10.

Voukelatou V., Pappalardo L., Miliou I., Gabrielli L., Giannotti F. (2020) Estimating countries' peace index through the lens of the world news as monitored by GDELT. *IEEE 7th International Conference on Data Science and Advanced Analytics (DSAA)*. Pp. 216–225.

Wei Z., Chen X., Tang G., Xie Y. (2025) South China Sea issue and Southeast Asian countries' perception of China's image: An empirical study based on GDELT big data. *PLoS One* 20 (5).

Wycoff N., Singh L. O., Arab A., Donato K. M., Marahrens H. (2024) The digital trail of Ukraine's 2022 refugee exodus. *Journal of Computational Social Science* 7 (2): 2147–2193. DOI: 10.1007/s42001-024-00304-4

Поступила в редакцию
15.09.2025

ЯЗЫК СМИ

Прокофьева Наталья Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: n.prokofieva@spbu.ru, ORCID 0000-0003-3105-4530

Щеглова Екатерина Александровна, кандидат филологических наук, доцент Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: e.scheglova@spbu.ru, ORCID 0000-0003-1778-2021

Выровцева Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: e.vyrovtseva@spbu.ru, ORCID 0000-0002-6882-2479

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ КОЛЛОКАЦИИ «ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ» В МЕДИАДИСКУРСЕ[1]

Актуальность исследования обусловлена самим временем и характером исторических процессов, очевидцами которых мы являемся. Ключевые слова текущего момента (КСТМ) – это лексические единицы, появление которых в медиадискурсе связано с конкретным значимым событием общественно-политической повестки. Особый коммуникативный статус таких лексических единиц определяет их центральное положение в дискурсе. Коллокация «традиционные ценности», безусловно, относится к наиболее востребованным ключевым словам текущего момента в медиа. Ее широкая употребляемость задана авторитетом главы государства, его публичными выступлениями и соответствующим документом – Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Однако семантизация этого КСТМ не завершена. Нередко его употребление происходит без понимания внутреннего содержания, как дань сложившемуся в профессиональной речи этикету. В настоящей статье приводятся результаты семантического и стилистического (в аспекте речевого воздействия) анализа употребления этой коллокации, доказывается историческая обусловленность ее неоднозначности. Выявлены следующие механизмы реализации суггестивного (и отчасти манипулятивного) потенциала: пропозициональность, включение в систему закрепленных концептов, скрытые команды, конструирование оппозиции «свой-чужой», опора на русский риторический идеал.

***Ключевые слова**: ключевое слово текущего момента, традиционные ценности, семантизация, суггестия, воздействующий потенциал, медиадискурс.*

Как цитировать: *Прокофьева Н. А., Щеглова Е. А., Выровцева Е. В.* Семантика и прагматика употребления коллокации «традиционные ценности» в медиадискурсе // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2026. № 1. С. 73–102. DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.1.2026.73102

Natalya A. Prokofeva, PhD in Philology, Associate Professor, Institute "High School of Journalism and Mass Communications", Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; e-mail: n.prokofieva@spbu.ru, ORCID 0000-0003-3105-4530

Ekaterina A. Scheglova, PhD in Philology, Associate Professor, Institute "High School of Journalism and Mass Communications", Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; e-mail: e.scheglova@spbu.ru, ORCID 0000-0003-1778-2021

Ekaterina V. Vyrovtseva, PhD in Philology, Associate Professor, Institute "High School of Journalism and Mass Communications", Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; e-mail: e.vyrovtseva@spbu.ru, ORCID 0000-0002-6882-2479

SEMANTICS AND PRAGMATICS OF THE COLLOCATION "TRADITIONAL VALUES" IN MEDIA DISCOURSE

The historical processes that we are witnessing determine the relevance of this study. The authors focus on the current key words. These are lexical units that appear in media discourse in connection with specific significant events on the socio-political agenda. Such words have a special communicative status. In terms of meaning, the current key words are comparable to a whole sentence. The communicative status of such lexical units determines their central position in the semantic network of discourse. In the current media space, one of the most popular keywords is "traditional values". The breadth of its widespread use is set by the president's authority: public speeches and the corresponding Decree. However, the semanticization of this keyword is not complete. It is common for this collocation to be used without understanding its internal content. This use of the phrase "traditional values" is a tribute to the etiquette that has developed in professional speech. This study provides a semantic and stylistic (in terms of speech influence) analysis of the use of current keyword "traditional values" and proves the historical conditioning of its ambiguous use in media discourse. The following mechanisms of realization of suggestive (and partly manipulative) potential have been revealed: propositionality; inclusion in the system of fixed concepts; hidden commands; construction of the opposition "friend-foe"; reliance on the Russian rhetorical ideal.

***Key words**: current keyword, traditional values, semanticization, suggestion, suggestive influence, impact potential, media discourse.*

To cite this article: Prokofeva N. A., Shcheglova E. A., Vyrovtseva E. V. (2026) Semantika i pragmatika upotrebleniya kollokatsii “traditsionnye tsennosti” v mediadiskurse [Semantics and pragmatics of the collocation “traditional values” in media discourse]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* 1: 73–102. DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.1.2026.73102

DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.1.2026.73102

Постановка проблемы

История человечества в целом и отдельного народа в частности отражается в языке – фиксируется в ключевых словах текущего момента. Это особые лексические единицы, вызванные к жизни наиболее значимыми событиями в мировой и национальной повестке дня. Активно обсуждаемые события неизбежно становятся спусковым крючком для волны словообразования (как это было, например, с *COVID-19* (Приемышева (ред.), 2021)), будь то формирование новых лексических единиц или семантическое обновление старых. Болевые точки общества и вызовы времени оказываются в центре общественного внимания – во многом благодаря медиа, – и, как следствие, вокруг них формируется целый пул лексических единиц, называющих саму ситуацию, этапы ее развития, ассоциативно связанные с ней последствия. Ключевым словом текущего момента становятся знаковые лексические единицы, сделавшиеся метонимической заменой целой ситуации, что придает слову особый коммуникативный статус и делает его предметом рефлексии общества. А это влечет за собой существенный всплеск частотности употребления, упоминание в сильных позициях текста, расширение парадигматики и синтагматики слова или словосочетания. Термин «КСТМ» фиксирует лингвистический феномен закрепления как в отдельной лексеме, так и в коллокации (устойчивом сочетании) общественно значимых событий.

Обычно прирост ключевых слов относительно ежегодного пополнения лексики невысок – от одного до трех–пяти в год, но в последние годы в связи с динамично изменяющейся мировой и национальной повесткой дня, с развитием цифровых технологий

(Вартанова, Вырковский, Загидуллина, 2024) ситуация изменилась. Множественность знаковых событий в мире неизбежно влечет расширение пула ключевой лексики. Смена информационной повестки приводит к ротации ключевых слов: одни существуют как ключевые непродолжительное время (мятеж, квадробер, кошка Муся и др.), другие – остаются надолго, прирастая новыми коннотациями, стремительно обновляясь семантически (санкции, импортозамещение, ЕГЭ и проч.).

Таким образом, современная политическая обстановка становится источником пополнения рядов слов, обладающих ключевым статусом, все время подпитывающим словообразовательные модели современного языка. В некоторых случаях удается даже зафиксировать точную дату вхождения ключевого слова в узус, что позволяет рассматривать механизм возникновения и формирования ключевого слова как под микроскопом.

Одним из событий, вызвавших к жизни целый ряд ключевых слов, стало подписание президентом РФ В. В. Путиным 9 ноября 2022 г. указа «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»[2]. Тематическое и лексико-семантическое поле (Радбиль, 2024) словосочетания «традиционные ценности» довольно широко по смыслу, поэтому требует уточнения и семантизации лексического значения входящих в его состав слов с лингвистической точки зрения и в аспекте теории ключевых слов. Семантизация в преподавании иностранного языка трактуется как этап освоения обучающимися новой лексики (напр.: Шихшалилов, Абдусаламов, 2021) таким образом, чтобы она стала полноценным средством общения. Однако, на наш взгляд, термин применим и для определения узуализации ключевой лексики посредством массмедиа, поскольку оказываются задействованы те же механизмы взаимодействия с семантикой слова, а конечным итогом становится возможность применения его в профессиональной речевой деятельности.

История вопроса

Обращение к лексическим единицам, обладающим особой функциональностью, семантической многослойностью тексто- и смыслообразующими возможностями, происходит в науке систе-

матически. В литературоведении под ключевыми понимаются «слова, словосочетания, иногда – целые фразы, которые выражают главную идею целого художественного текста или намекают на нее» (Сковородников, 2014: 214); «Они семантически многомерны, отсюда их образно-символическое значение» (Петровский, 1977: 57). В рамках когнитивной поэтики ключевые слова рассматриваются как текстовые операторы, обеспечивающие связь между фактуальным и концептуальным уровнями текста (Тарасова, 2020).

На материале художественного текста изучение ключевых слов происходило в двух аспектах: как композиционных элементов и как семантически нагруженных лексических единиц. Первое направление исследований восходит к работам В. В. Виноградова и к его концепции о словесных рядах, пронизывающих художественный текст, организующих его словесную композицию (1959). Его развитие представлено во многих работах, как напрямую опирающихся на учение В. В. Виноградова (Горшков, 2015; Щеглова, 2019), так и давших ему иное теоретическое обоснование (Кайда, 2011). Второе направление рассматривает ключевое слово в художественном тексте как концептуальную единицу, характеризующуюся семантической многослойностью (Батурина, 2005). Отсюда очевидный вывод о связи таких единиц с ментальностью (Погребняк, 2010), что напрямую приводит нас к еще одному толкованию ключевых слов, выходящему за пределы анализа художественного текста, – как единиц национальной ментальной идентификации (Сковородников, 1993; Колесов, 2007 и др.).

В медиалингвистике ключевые слова осмысляются как средство реализации информационно-воздействующей функции. В этих условиях слово выступает не просто средством референции действительности, но инструментом достижения быстрого эффекта при взаимодействии с адресатом. С этим связано исследовательское внимание к ключевому слову как идеологически обусловленной единице (Сковородников, 2014).

Впервые термин был введен Т. В. Шмелевой, которая понимала под КСТМ слова и выражения, характеризующие общество на коротком временном промежутке (1993). В статье были определены основные их признаки: часто используется в СМИ (в том числе в заголовочном комплексе – сильной позиции текста);

является объектом активной и массовой лингвокогнитивной рефлексии; имеет потенциал метафорического употребления и обладает деривационным потенциалом. В дальнейшем Т. В. Шмелева продолжила разработку темы, рассмотрев в качестве КСТМ лексемы «кризис» (2009) и «гламур» (Каминская, Шмелева, 2009). В аспекте языковой моды – как явление актуальной языковой действительности – рассматривал ключевые слова текущего момента В. Г. Костомаров (2014). Изучение КСТМ продолжилось в работах других исследователей (Попова, 2021; Сперанская, 2021; И Лицюнь, 2022 и др.).

Принципиальные уточнения теория ключевых слов текущего момента получила в работах Санкт-Петербургской школы медиалингвистики (Прокофьева, Щеглова, 2020; Щеглова, Прокофьева, 2024 и др.).

Во-первых, логичным представляется введение в качестве основного признака КСТМ принадлежности к конкретному событию.

Во-вторых, слово рассматривается не в отдельно взятом тексте или совокупности контекстов его употребления, а в динамике развертывания гипермедиатекста (совокупности текстов одного топика (Дускаева, 2019)).

В-третьих, особое внимание уделяется коммуникативному статусу слова. Связь с событием превращает его в единицу, способную отразить целый фрагмент действительности, что в грамматике традиционно считается свойством предложения.

Таким образом, под ключевым словом текущего момента авторы исследования понимают лексическую единицу с особым коммуникативным статусом, появляющуюся в медиадискурсе в тесной связи с каким-либо значимым событием и отражающую его в гипермедиатексте.

Все сказанное позволяет говорить о КСТМ как о дискурсивной единице, способной к выполнению следующих функций: а) организация интертекстового взаимодействия; б) формирование его узловых мест; в) отражение модели мышления участников дискурса. Таким образом, можно утверждать, что ключевое слово текущего момента может быть речевым отражением когнитивной модели, определяющей взаимодействие между дискурсом, коммуникативной ситуацией и общественными процессами (Van Dijk, 2008).

Цель исследования – выявить особенности существования коллокации «традиционные ценности» в современном медиадискурсе, установить его суггестивный потенциал.

Методика исследования базируется на следующем алгоритме: 1) рассмотрение количественно-качественных показателей существования ключевого слова; 2) лексико-семантический анализ контекстов употребления; 3) анализ динамики существования слова в соответствующем сегменте медиадискурса; 4) установление на основе полученных данных суггестивного потенциала КСТМ.

Последнему пункту уделено особое внимание. Воздействие как способ отношений между субъектами и/или социальными группами нацелено на реализацию конкретной коммуникативной цели: побуждение к действию (Дзялошинский, 2012: 14), утверждение или трансформация представлений, норм поведения, системы ценностей (Балл, Бургин, 1994; Доценко, 1997; Ковалев, 1991). Императивность воздействия обусловлена субъектно-объектными отношениями (Душкина, 2025: 42) и является важной социальной практикой, реализуемой при помощи разных коммуникативных опций с целью достижения конкретного результата (Кондратьев, Ильин, 2007: 78). Таким образом, воздействие представляет собой полифункциональный процесс, основанный на использовании различных средств – суггестивных и манипулятивных (Дзялошинский, 2005; 2012; Доценко, 1997), тесно взаимосвязаных и трудно дифференцируемых. Особенно это свойственно политическому дискурсу (Гуреева, Куреева, 2022), важнейшей коммуникативной задачей которого является формирование, закрепление и трансформация мировоззренческих установок, частью которых и являются традиционные ценности.

Опираясь на идею И. М. Дзялошинского о том, что «акты воздействия обусловлены речевой деятельностью человека» (2012: 5), можно утверждать, что ключевые слова текущего момента, формируя ценностные представления, являются мощным идеологическим инструментом, способным управлять мыслительными действиями, генерировать и распространять идеи (Postman, 2011: 123), определять общественное (массовое) сознание.

Д. И. Остапенко вводит понятие «метакоммуникация» (2013: 32) для определения особого типа межличностных отношений, основанного на стремлении добиться суггестивного воздействия

за счет интерпретации фактов и их экспрессивной оценки (Borchers, 2013: 104). В связи с этим медиатекст может рассматриваться как наиболее эффективное средство речевого воздействия (Вартанова, Вырковский, Загидуллина, 2024; Выровцева, 2024; Добросклонская, 2020; Желтухина, 2007 и др.), при условии профессиональной реализации «риторической модальности» (Анненкова, 2012: 11) – речевых стратегий и тактик, основанных на представлении, утверждении, трансформации традиционных ценностей, которые определяют содержание мнений и свойство эмоций (Heath, Bryant, 2000). Особую роль играет массовость коммуникации, обеспечивающая масштаб воздействующего эффекта.

Выделенные Е. В. Шелестюк (2014) способы воздействия – убеждение и внушение (суггестия), к которым целесообразно добавить манипуляцию, – позволяют добиться иллокутивного эффекта, то есть решить политически и идеологически значимые задачи, требующие когнитивных усилий, целенаправленных речевых стратегий, тактик, действий. Предложенная Е. В. Шелестюк (2014) типология факторов речевого воздействия, включающая информационно-текстовые, личностные и психические, ситуативные, позволяет говорить о КСТМ «традиционные ценности» как о многофункциональном, полисемантическом и полиадресном образовании. С точки зрения информационно-текстовых характеристик «традиционные ценности» чаще всего играют роль доминанты в содержании и оформлении высказывания. Как средство акцентирования внимания на личностных и психических/психологических характеристиках адресата и/или адресанта, «традиционные ценности» определяют принципы взаимоотношения с другими членами сообщества, нормы поведения – индивидуального и социального, а также речевого. Любая реальная коммуникативная ситуация позволяет субъективировать или объективировать семантико-стилистическое наполнение коллокации «традиционные ценности», делая ее одновременно универсальной и индивидуальной.

«Традиционные ценности» выполняют функцию коммуникативного сигнала (Стернин, 2001: 53), который не только определяет тему речевого акта, но и детерминирует принципы взаимодействия автора/адресанта и реципиента/адресата, предлагая участникам коммуникации сформировать определенное отноше-

ние к предмету сообщения. Важнейшее значение приобретает способ предъявления семиотической системы, когда «предметная коммуникация» (Larson, 2010: 264) становится мировоззренчески значимой, то есть факты реальной действительности приобретают эмоциональную оценку, всегда основанную на личностно-субъективном отношении к факту каждого участника коммуникации.

Ключевое слово текущего момента «традиционные ценности» в актуальном языке эпохи

История возникновения самого сочетания «традиционные ценности» – это – позволим себе такую метафору – классическое слово-перевертыш. Все началось в 1983 г., когда президент США Рональд Рейган в речи перед Национальной ассоциацией евангелистов во Флориде назвал СССР империей зла, при этом СССР противопоставлялась Америка как носитель и хранитель традиционных ценностей. Вся речь условно делилась на две части – внутриполитическую и внешнеполитическую, в которых были обозначены понятия, остро звучащие и сегодня: гонка вооружений, территориальные претензии, империя зла, свобода, запрет абортов по желанию и проч.

Фрагмент речи, посвященный внутриполитической ситуации, касался защиты традиционных ценностей, к которым были отнесены религия, крепкие семейные узы, справедливость и добродетель, свобода, запрет абортов по желанию. Прошло 40 лет, и эти ценности забыты: пропагандируются меньшинства, свободные отношения, формируется культура чайлдфри, религия перестает занимать значимое место в общественной жизни. В риторической традиции президента России – обращаться к прецедентным ситуациям мировой истории и переосмыслять их в применении к текущим событиям (Стулов, 2023) – поэтому «империя зла» была обращена против идеологического противника. Позиция России выстраивается на последовательном противопоставлении ценностям, пропагандируемым западным сообществом, подчеркивается традиционный подход к пониманию ценностных смыслов.

Повышение количественно-качественных показателей, то есть возвращение КСТМ «традиционные ценности», обусловлено прежде всего изменением политической повестки, а именно

декларацией необходимости защищать суверенитет страны в условиях противостояния с «коллективным Западом», который обвинил в 2014 г. Россию в аннексии Крыма: «Если для ряда европейских стран национальная гордость – давно забытое понятие, а суверенитет – слишком большая роскошь, то для России реальный государственный суверенитет – абсолютно необходимое условие ее существования. Прежде всего это должно быть очевидно для нас самих. Хочу подчеркнуть: или мы будем суверенными – или растворимся, потеряемся в мире. И это, конечно, должны понять другие державы. Все участники международной жизни должны это понять <...> И в завершение этой части послания еще раз скажу: здоровая семья и здоровая нация, переданные нам предками традиционные ценности в сочетании с устремленностью в будущее, стабильность как условие развития и прогресса, уважение к другим народам и государствам при гарантированном обеспечении безопасности России и отстаивание ее законных интересов – вот наши приоритеты»[3]. Это обращение президента В. В. Путина можно назвать началом активного обсуждения традиционных ценностей и обоснованием содержания этого КСТМ.

Другой не менее важный показатель закрепления КСТМ в языке конкретного исторического периода обусловлен тем, что Россия оказалась не единственной страной, заявившей о необходимости осознания и сохранения традиционных ценностей. Например, в 2019 г. выходит исследование Е. С. Бурмистровой о традиционных ценностях в либеральной повестке США и Канады, где определяется концепт «традиционные ценности», под которым автор понимает «поддержку гетеросексуальных отношений, институт брака и семьи, признание ценности материнства, защиту детства, признание ведущей роли религии в обществе и отрицательное отношение к миграционным процессам» (Бурмистрова, 2019: 88). Правовым закреплением системы традиционных ценностей стал упомянутый выше Указ президента России В. В. Путина.

В то же время О. В. Тимофеева рассматривает противоречия в румынской и польской политической повестке с точки зрения традиционных ценностей и западного влияния (2019). Исследователь говорит об актуальности общественных дискуссий о ценностях в России и других странах в связи с «распространением (зача-

стую под нажимом западных стран) западных ценностей» и «цивилизационным конфликтом между традиционными ценностями и так называемыми западными ценностями», который «политизируется и наделяется символическим смыслом» (Тимофеева, 2019: 259–260). Политизированность и символичность представляются важнейшими характеристиками КСТМ «традиционные ценности», что обуславливает и обеспечивает их суггестивность и воздействующий потенциал.

Анализ текстов массмедиа показал, что очень часто коллокация «традиционные ценности» используется в заголовках («У стран БРИКС появится свой список традиционных ценностей»[4]; «Детей разделяющих традиционные ценности иностранцев освободили от теста по русскому»[5]; «Укрепляя традиционные ценности»[6]; «Кравцов призвал написать соответствующие традиционным ценностям песни для детей»[7]; «Нейро и семьи: в Петербурге обсудили ИИ и традиционные ценности»[8]), что указывает на осознание КСТМ как эффективного средства воздействия.

Тематическое поле «традиционные ценности»

Тем не менее само сочетание «традиционные ценности» представляется семантически неопределенным и требует толкования, чему способствуют в первую очередь законодательно закрепленные формулировки, а затем и СМИ, вводящие сочетание в узус.

Осмысление слова «традиционные» невозможно вне парадигматических связей в языке, поэтому основным противопоставлением становится «традиционный – нетрадиционный». При этом первый компонент антонимической парадигмы в контексте приобретает положительную коннотацию – «правильный, здоровый».

Слово «ценности» семантически менее конкретно, оно имеет положительно-оценочную окраску, но требует обязательного уточнения в зависимости от сферы применения. «Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникаль-

ное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»[9]. В определении понятия акцент сделан на нравственном компоненте, который является частью общего представления о русской ментальности (Колесов, 2007).

Конкретизация понятия происходит на законодательном уровне – через перечисление того, что в него входит: «К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России»[10]. В Указ вынесены традиционные ценности как основа цивилизованного общества. Все перечисленные понятия являются частью повседневного дискурса, в том числе в медиапространстве. Каждое слово потенциально может быть воспринято как ключевое по своему статусу, каждое организует вокруг себя гипермедиатекст.

Некоторые из перечисленных слов в свете текущей повестки дня требуют переосмысления. В частности, это патриотизм, об утрате которого много говорится и для восстановления которого предпринимаются усилия на разных этапах получения образования. Медиадискурс откликается публикациями о великих победах и полководцах, преобразованиях и реформаторах, открытиях и ученых России.

Проблема сохранения исторической памяти в свете обострения конфликта между Россией и Западом звучит особенно остро: это и само развитие противостояния, и сохранение памяти о подвиге советского народа во время Великой Отечественной войны, и географическая цельность государства. Как замечают исследователи (Колесов, 2007: 65–118), в характере русского человека безоглядное отрицание идеалов и достижений прежних эпох, преклонение перед чуждыми ценностями. Этим и вызвана необходимость говорить о духовно-нравственных ценностях на государственном уровне и претворять в жизнь представление об этих ценностях.

В расширении общественного обсуждения заданных концептов основную роль играет медиадискурс. В гипермедиатексте, колло-

кация «традиционные ценности» приобретает статус ключевого слова, семантизируется и получает актуальное для текущего момента значение, формирующее воздействующий потенциал слова. Обретая дополнительные смыслы – коннотации, актуальные в условиях современной повестки дня, КСТМ становится метонимической заменой целой ситуации и вызывает у носителя языка необходимые (управляемые) ассоциации.

Мы являемся свидетелями семантизации КСТМ «традиционные ценности». Каждый год объявляется годом, посвященным какой-либо ценности: 2023 – год педагога и наставника, 2024 – год семьи, 2025 – год защитника Отечества и т. д., что обеспечивает высокий уровень общественного интереса к ключевым словам тематического поля «традиционные ценности» и рост их воздействующего потенциала. Это подтверждают результаты социологических опросов[11].

Суггестивный потенциал ключевого слова текущего момента

Исследование контента трех разных по типологическим характеристикам отечественных массмедиа с точки зрения включения в этот контент КСТМ «традиционные ценности» позволило определить основные средства реализации его воздействующего потенциала. По ключевому слову «традиционные ценности» были отобраны публикации с 2018 по 2025 г. крупнейшего государственного информационного агентства «РИА Новости»[12] (7049 публикаций), общественно-политического/делового издания «КоммерсантЪ»[13] (733 публикации), массового популярного издания «Комсомольская правда»[14] (6128 публикаций). Анализ публикаций позволил выделить специфику стратегий, тактик и средств речевого воздействия коллокации «традиционные ценности», то есть способы включения ее в медиатекст с определенной коммуникативной целью.

Пропозициональность (+аксиомные утверждения) основана на понимании традиционных ценностей как абсолюта, который не может критически оцениваться с точки зрения истинности/ложности. Суггестивный потенциал КСТМ реализуется за счет констатирующей модальности, апелляции к авторитетному мнению, генерализации (обобщения), логических умозаключений, повторений:

«Мы убедились сами и показали другим, что большая и лучшая половина человечества разделяет наши традиционные ценности, уважает независимый курс нашего президента, готова сотрудничать с Россией для формирования справедливого и многополярного мира – губернатор Беглов» (Большая половина человечества разделяет ценности России, заявил Беглов[15]); «Если у нас будет разъяснено, что традиционные ценности – это уважение к старшим, это уважение к детям, уважение мужа к жене, это, так сказать, патриотизм, любовь к Родине... Ну, давайте пропишем это. Исходя из указа президента, давайте сделаем это нормой закона» (В ГД предложили законодательно разъяснить понятие традиционных ценностей[16]); «Тот консерватизм с догматами традиционных нравственных ценностей, которые являются серьезным основанием для построения федеральных законов, указов, распоряжений, основ политики, это временное актуальное решение проблем, в будущем будут рождаться новые идеологические смыслы» (Анатолий Гайда и Вадим Дубичев презентовали книгу о государственной идеологии[17]); «Забота о старшем поколении является традиционной ценностью нашего общества» («Возраст без границ» – К пожилым гражданам ДНР помощь приедет на дом[18]).

Включение в систему абсолютных и непререкаемых, ментально закрепленных концептов, когда в медиапубликациях традиционные ценности становятся контекстуальными синонимами укорененных в массовом сознании ценностей, включая религию, веру. Суггестивный эффект усиливается синтаксическими конструкциями, в которых коллокация «традиционные ценности» встраивается в гиперсинонимический ряд с другими концептами – устойчивыми единицами коллективного сознания:

«Большинство россиян назвали крепкую семью главной ценностью, показал опрос» (Большинство россиян назвали крепкую семью главной ценностью, показал опрос[19]); «Среди целей Всероссийского парада семьи – формирование убеждений о важности и роли семьи в жизни человека, привитие подрастающему поколению чувства любви и уважения к родителям, гордости за свою семью, укрепление традиционных ценностей» (В Москве прошел парад семьи[20]); «В рамках программы учениц знакомят с традиционными ценностями – правилами поведения, “законами нравственности”, культурным наследием Родникового края, –

а также обучают основам домашнего хозяйства, искусства и моды, флористике и мозаике» (Учениц глазовской школы обучат основам духовности и истории великих женщин РФ[21]); «И хотел бы отметить, что, без всякого преувеличения, в основе победы над нацистской Германией и в основе того, что поддерживало духовно, морально поддерживало наш народ, лежали наши традиционные ценности и вера в Отечество. А эта вера закладывалась по разным каналам: и через школу, и через церковь, через наши традиционные религии» (К Владимиру Путину вошла история[22]); «Муфтий заверил, что мусульмане и впредь "намерены прилагать все усилия для укрепления межнационального и межрелигиозного мира в нашем дорогом Отечестве на основе традиционных ценностей и любви к Родине"» (Мусульмане поблагодарили патриарха за его слова в защиту межрелигиозного мира[23]); «Проект объединит 47 кинолент из России и зарубежья – от полнометражных драм до короткометражных анимаций и документальных репортажей, отобранных за их верность традиционным ценностям, идеям гуманизма и преемственности поколений» (Фестиваль Правильного кино[24]).

Скрытые команды как обязательный элемент включения традиционных ценностей в императивные конструкции, предполагающие управление действиями адресата. Прежде всего они связаны с семантикой необходимости ответа на угрозы, нередко это становится инструментом запугивания:

«Все фильмы для любого возраста должны нести ценность, человек формирует себя на протяжении всей жизни, и нельзя ему разрешать и показывать эти вещи» (Чем больше ценность, тем больше ответственность[25]); «В первую очередь на традиционные ценности должны оглядываться в образовании, работе с молодежью, культуре, науке, межнациональных отношениях, СМИ и в международном сотрудничестве» (Владимир Путин впервые утвердил в России 17 традиционных ценностей. Что в них входит[26]).

Хорошо апробированная в политическом медиадискурсе *конструкция «свой – чужой»*, которую некоторые исследователи называют манипулятивной (Кишина, 2011), на семантико-синтаксическом уровне включает «традиционные ценности» в противительные, в том числе развернутые и метафорические конструкции, что позволяет не только создать убедительный образ врага,

покушающегося на традиционные ценности, но и определить их содержание, их границы:

«Я просто исходил из того, что если мы не будем опираться на наши традиционные ценности, то нас просто не будет. Просто Россия утратит свою идентичность», – сказал Путин, отвечая на вопрос о том, почему он заявил о защите традиционных ценностей в противовес «западному мейнстриму» (Путин рассказал о важности традиционных ценностей для России[27]); «Тех, кто лишает граждан России традиционных ценностей, следует наказывать так же, как и похитителей материального имущества <...> Это показывает, как глубоко россияне увязли “в шлейфе чужих трендов”, – посетовал Андрей Кондрашов, но сразу обнадежил: осталось и то, что нас объединяет “без лабубу” и прочих насажденных модных штучек. Мы в России это и называем традиционными ценностями» (Чем больше ценность, тем больше ответственность[28]); «”Клюквенный щербет” еще в самом начале столкнулся с критикой и угрозой отмены – сторонники традиционных семей обвинили создателей в дискредитации семейных ценностей» (Семь критикуемых сериалов Турции: Могло быть и лучше[29]).

Опора на *русский риторический идеал* – непререкаемый авторитет (президент) как главный источник информации о традиционных ценностях; акцентуация внимания на вопросах этики и эстетики, на оценках традиционных ценностей с этической и эстетической точек зрения; обращение к истории и культуре.

Очень часто новостные сообщения, комментарии, обзоры построены на цитатах президента о традиционных ценностях, в которых используются, как правило, и другие, указанные выше средства речевого воздействия. Особую роль при этом играет стилистически и коннотативно окрашенная лексика:

«”У нас очень много людей, которые разделяют наши позиции, и в Западной Европе много таких, и в Америке, в том числе в Северной Америке. Так оно и получилось. Я надеюсь на то, что наша открытая, честная и ясная позиция по этим вопросам, она все же поддержала тех людей, которые думали так же, как мы”, – отметил Путин» (Многие разделяют позицию России по традиционным ценностям, заявил Путин[30]); «”Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, которые закладывались нашими предками в течение столетий, они в основе нашей цивилизации и

идентичности, служат опорой в жизни человека и семьи, формируют культуру, суверенное мировоззрение, устойчивое к попыткам навязать нам чужую волю. Такие ценности, определяющие для нас, – это единство народов России, приверженность к правде и справедливости, милосердие и гуманизм, крепкая семья и любовь к детям. Это взаимопомощь и стремление добиваться не только личного благополучия, а успеха всей страны, и, конечно, это патриотизм – преданность родине", – сказал Путин на совещании с постоянными членами Совбеза РФ» (Традиционные ценности формируют суверенное мировоззрение, заявил Путин[31]); «Этот замечательный праздник дарит людям радость и надежду, объединяет их вокруг непреходящих духовных, нравственных ценностей, традиций милосердия и благотворительности. С ним связаны народные и семейные обычаи, передающиеся из поколения в поколение, искренняя вера в добрые перемены и исполнение самых заветных желаний» (Владимир Путин поздравил россиян с Рождеством[32]).

Как показывают приведенные цитаты, выделенные суггестивные средства в медиаречи используются в комплексе, что нацелено на усиление воздействующего потенциала КСТМ «традиционные ценности».

Заключение

Исследование ключевых слов текущего момента является необходимой частью изучения языка медиа, поскольку они представляют собой идеологические узлы медиадискурса. Ключевое слово «традиционные ценности» ворвалось в медиапространство после речи В. В. Путина. Апелляция к традиционным ценностям практически стала хорошим тоном в медиа разной тематической направленности. Однако формирование понятие нельзя назвать содержательно завершенным, семантизация коллокации продолжается, несмотря даже на сформированный список ценностей, утвержденный в Указе президента. Журналистская речевая практика демонстрирует употребление сочетания как означающего без достаточного понимания означаемого.

С нашей точки зрения, это объясняется причинами как экстралингвистического, так и лингвистического характера: исторически обусловленной амбивалентностью восприятия ключевого сло-

ва (изначальное употребление как средства идеологической борьбы с политическим оппонентом); семантической неопределенностью лексических единиц, составляющих коллокацию с точки зрения лингвистического единства, именно так воспринимаемого массовой аудиторией.

Между тем сочетание «традиционные ценности» как ключевое слово текущего момента имеет потенциально мощный суггестивный потенциал, обусловленный его способностью выступать в качестве коммуникативного сигнала и встраиваться в смысловое ядро высказывания. В рамках данного исследования описаны основные механизмы реализации суггестивных практик в современной медиакоммуникации: пропозициональность, нередко в сочетании с аксиомным характером высказывания (разговор о традиционных ценностях как о чем-то, что само собой разумеется); включение данного КСТМ в систему абсолютных и непререкаемых, ментально закрепленных в массовом сознании концептов; скрытые команды как обязательный элемент включения традиционных ценностей в императивные конструкции; конструирование оппозиции «свой-чужой»; опора на русский риторический идеал с апелляцией к авторитету политического лидера (В. В. Путина).

Продолжением представленного исследования может быть подробный семантический анализ КСТМ «традиционные ценности» в контексте других слов, входящих в его тематическое поле, а также предложение лингвистических механизмов семантизации этой коллокации в национальном языковом сознании и реализации его суггестивного потенциала.

Примечания

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 25-28-01575 «Традиционные ценности в ключевых словах текущего момента: реализованные и потенциальные возможности медиадискурса».

[2] Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 02.02.2025).

[3] Послание Президента Федеральному Собранию, 4 декабря 2014 г. Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/47173 (дата обращения: 12.03.2025).

[4] У стран БРИКС появится свой список традиционных ценностей // Газета.Ru. 2025. Сент., 2. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/news/2025/09/02/26634200.shtml (дата обращения: 11.07.2025).

[5] Детей, разделяющих традиционные ценности иностранцев, освободили от теста по русскому // КоммерсантЪ. 2024. Окт., 27. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/search/results?places=&categories=&datestart=2024-10-27 (дата обращения: 11.07.2025).

[6] Укрепляя традиционные ценности // Литературная газета. Режим доступа: https://lgz.ru/article/ukreplyaya-traditsionnye-tsennosti/ (дата обращения: 11.07.2025).

[7] Кравцов призвал написать соответствующие традиционным ценностям песни для детей // Портал «Культура». Режим доступа: https://portal-kultura.ru/search/index.php (дата обращения: 11.07.2025).

[8] *Туманов А.* Нейро и семьи: в Петербурге обсудили ИИ и традиционные ценности // Известия. 2025. Режим доступа: https://iz.ru/1953299/andrei-tumanov/nejro-i-semi-v-peterburge-obsudili-ii-i-tradicionnye-cennosti (дата обращения: 11.07.2025).

[9] Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 02.02.2025).

[10] Там же.

[11] Традиции в эпоху перемен // ВЦИОМ. Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen (дата обращения: 11.07.2025); Традиционные ценности: ожидание и реальность // ВЦИОМ. Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost (дата обращения: 11.07.2025); Ценности // ФОМ. Режим доступа: https://fom.ru/TSennosti/15068 (дата обращения: 11.07.2025).

[12] РИА Новости. Режим доступа: https://ria.ru

[13] КоммерсантЪ. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/

[14] Комсомольская правда. Режим доступа: https://www.kp.ru/

[15] Большая половина человечества разделяет ценности России, заявил Беглов // РИА Новости. 2025. Июнь, 23. Режим доступа: https://ria.ru/20250623/rossiya-2024932116.html (дата обращения: 11.07.2025).

[16] В ГД предложили законодательно разъяснить понятие традиционных ценностей // РИА Новости. 2024. Июль, 18. Режим доступа: https://ria.ru/20240718/gosduma-1960456442.html (дата обращения: 11.07.2025).

[17] Анатолий Гайда и Вадим Дубичев презентовали книгу о государственной идеологии // КоммерсантЪ. 2024. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/6862328 (дата обращения: 11.07.2025).

[18] «Возраст без границ» – К пожилым гражданам ДНР помощь приедет на дом // Комсомольская правда. Режим доступа: https://www.donetsk.kp.ru/daily/26786/3820923/ (дата обращения: 11.07.2025).

[19] Большинство россиян назвали крепкую семью главной ценностью, показал опрос // РИА Новости. 2025. Июль, 8. Режим доступа: https://ria.ru/20250708/semya-2027849832.html (дата обращения: 11.07.2025).

[20] В Москве прошел парад семьи // РИА Новости. 2025. Июль, 8. Режим доступа: https://ria.ru/20250708/parad-2028027155.html (дата обращения: 11.07.2025).

[21] Учениц глазовской школы обучат основам духовности и истории великих женщин РФ // КоммерсантЪ. 2025. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/7835360 (дата обращения: 11.07.2025).

[22] К Владимиру Путину вошла история // КоммерсантЪ. 2025. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/7832009 (дата обращения: 11.07.2025).

[23] Мусульмане поблагодарили патриарха за его слова в защиту межрелигиозного мира // КоммерсантЪ. 2025. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/7799719 (дата обращения: 11.07.2025).

[24] Фестиваль Правильного кино // Комсомольская правда. 2025. Режим доступа: https://www.kp.ru/afisha/msk/festivali/majskij-festival-pravilnogo-kino-v-moskve/ (дата обращения: 11.07.2025).

[25] Чем больше ценность, тем больше ответственность // КоммерсантЪ. 2025. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/7808149 (дата обращения: 11.07.2025).

[26] Владимир Путин впервые утвердил в России 17 традиционных ценностей. Что в них входит // Комсомольская правда. 2022. Режим доступа: https://www.kp.ru/daily/27469/4675139/ (дата обращения: 11.07.2025).

[27] Путин рассказал о важности традиционных ценностей для России // РИА Новости. 2025. Май, 4. Режим доступа: https://ria.ru/20250504/rossija-2014865903.html (дата обращения: 11.07.2025).

[28] Чем больше ценность, тем больше ответственность // КоммерсантЪ. 2025. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/7808149 (дата обращения: 11.07.2025).

[29] Семь критикуемых сериалов Турции: могло быть и лучше // Комсомольская правда. Режим доступа: https://www.kp.ru/putevoditel/serialy/novosti-turetskikh-serialov/7-kritikuemyh-serialov-turtsii/ (дата обращения: 11.07.2025).

[30] Многие разделяют позицию России по традиционным ценностям, заявил Путин // РИА Новости. 2025. Июнь, 15. Режим доступа: https://ria.ru/20250615/putin-2022951799.html (дата обращения: 11.07.2025).

[31] Традиционные ценности формируют суверенное мировоззрение, заявил Путин // РИА Новости. 2025. Июнь, 10. Режим доступа: https://ria.ru/20250610/putin-2022059337.html (дата обращения: 11.07.2025).

[32] Владимир Путин поздравил россиян с Рождеством // Комсомольская правда. 2018. Янв., 7. Режим доступа: https://www.kp.ru/online/news/3347590/ (дата обращения: 11.07.2025).

Библиография

Анненкова И. В. Медиариторика: основные направления исследований // Меди@льманах. 2012. № 1 (48). С. 6–13.

Арутюнова Н. Д. Диалогическая цитация // Вопросы языкознания. 1986. № 1. С. 50–64.

Балл Г. А., Бургин М. С. Анализ психологических воздействий и его педагогическое значение // Вопросы психологии. 1994. № 4. С. 56–66.

Батурина Е. Н. Роль ключевых слов в семантической структуре художественного текста: на материале текста романа «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2005.

Бурмистрова Е. С. Традиционные ценности в повестке либеральных сил в начале XXI века: США и Канада // Вестн. Прикамск. соц. ин-та. 2019. № 3(84). С. 87–92.

Вартанова Е. Л., Вырковский А. В., Загидуллина М. В. Медиатекст в эпоху цифровых платформ: возможности и угрозы // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2024. № 3. С. 3–13. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2024.

Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959.

Выровцева Е. В. Суггестивный потенциал визуальных средств воздействия в публикациях просветительских telegram-каналов // Эволюция визуального образа в массмедийной коммуникации: моногр. / под ред. *С. А. Панюковой, И. В. Топчего*. Челябинск: Изд-во Челябинск. гос. ун-та, 2024. С. 252–268.

Горшков А. И. Русский язык в русской словесности. М.: Литературный институт имени А. М. Горького, 2015.

Гуреева А. Н., Куреева Н. А. Формирование медиаобраза государства в контексте медиатизации политической коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2022. № 6. С. 28–56. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2022.2856

Дзялошинский И. М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии: моногр. М.: НИУ ВШЭ, 2012.

Дзялошинский И. М. Манипулятивные технологии в массмедиа // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. № 1. С. 29–54.

Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиаречи: моногр. М.: Едиториал УРСС, 2020.

Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, Изд-во Моск. ун-та, 1997.

Дускаева Л. Р. Стилистический анализ в медиалингвистике: моногр. М.: Флинта, 2019..

Душкина М. Р. Психология влияния в социальных коммуникациях: психологическое воздействие – методы и технологии: моногр. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2025.

Желтухина М. Р. Суггестивное воздействие в русской, английской и немецкой лингвокультурах // Коммуникативные технологии в образовании, бизнесе, политике и праве XXI века: Человек и его дискурс. 2007. № 3. С. 201–213.

И Лицюнь «Слова года» как единицы языка и дискурса (на фоне китайского языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 2022.

Кайда Л. Г. Композиционная поэтика текста. М.: Флинта, 2011.

Каминская Т. Л., Шмелева Т. В. Гламур и кризис // Вестн. Новгородск. гос. ун-та. 2009. № 52. С. 43–45.

Кишина Е. В. Семантическая оппозиция «свой – чужой» как реализация идеолого-манипулятивного потенциала политических дискурсов // Вестн. Кемеровск. гос. ун-та. 2011. № 4. С. 174–179.

Ковалев Г. А. Психологическое воздействие: теория, методология, практика: дис. ... докт. психол. наук. М., 1991.

Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: ИД «Петербургское Востоковедение», 2006.

Кондратьев М. Ю., Ильин В. А. Азбука социального психолога-практика: справочно-энциклопедическое издание. М.: Per Se, 2007.

Костомаров В. Г. Язык текущего момента: понятие правильности. СПб.: Златоуст, 2014.

Остапенко Д. И. К трактовке понятия «метакоммуникация» // Вестн. Воронежск. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 32–35.

Петровский В. В. О ключевых словах в художественной прозе // Русская речь. 1977. № 5. С. 54–58.

Погребняк А. К. Ключевое слово «Бог» в семантике русских паремий: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2010.

Попова Л. А. Ключевые слова современности как лингвистический феномен: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2021.

Прокофьева Н. А., Щеглова Е. А. Слова текущего момента в медиа как объект лингвостилистического анализа // Медиа в современном мире. 59-е Петербургские чтения. Т. 1. СПб.: Медиапапир, 2020. С. 207–209.

Радбиль Т. Б. Выражение «не по-русски» как языковое воплощение национальных ценностей в медиаречи (по данным газетных корпусов) // Медиалингвистика. 2024. № 11 (4). С. 487–498. DOI: 10.21638/spbu22.2024.405

Русский язык коронавирусной эпохи: моногр. / под ред. *М. Н. Приемышевой*. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021.

Сковородников А. П. Ключевые слова // Эффективное речевое общение (базовые компетенции). Словарь-справочник. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 214–215.

Сковородников А. П. О ключевых словах русского менталитета // Светлица. 1993. № 1. С. 214–215.

Сперанская А. Н. «Слово года» и «ключевая ситуация»: о пополнении актуального лексикона // Коммуникативные исследования. 2021. № 1. С. 102–114.

Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Истоки, 2001.

Стулов И. А. Эволюция средств речевого суггестивного воздействия в публикациях Владимира Путина // Современная медиасреда: традиции, актуальные практики и тенденции. Взгляд молодых исследователей. Вып. 23. СПб.: Медиапапир, 2023. С. 265–272.

Тарасова И. А. Ключевые слова как инструмент интерпретации художественного текста // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер.: Филоло-

гия. Журналистика. 2020. № 4. С. 370–374. DOI: 10.18500/1817-7115-2020-20-4-370-374

Тимофеева О. В. Традиционные ценности и западное влияние: противоречия в румынской и польской современной политической повестке // Вестн. Удмурт. ун-та. 2019. Т. 3. Вып. 4. С. 259–267. DOI: 10.35634/2587-9030-2019-3-4-459-467

Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: моногр. / 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2014.

Шихшалилов М. П., Абдусаламов М. М. Средства и способы семантизации лексики иностранного языка и принципы их использования // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 3 (88). С. 265–267.

Шмелева Т. В. Ключевые слова текущего момента // Collegium. 1993. № 1. С. 33–41.

Шмелева Т. В. Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. 2009. № 28. С. 63–67.

Щеглова Е. А. Лексическое своеобразие художественного произведения: к вопросу о методике анализа (на примере очерков путешествия И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”») // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2019. № 442. С. 61–68. DOI: 10.17223/15617793/442/7

Щеглова Е. А., Прокофьева Н. А. «Медиасловарь ключевых слов текущего момента» как лексикографический источник нового типа // Вопросы лексикографии. 2024. № 33. С. 52–70. DOI: 10.17223/22274200/33/3

Borchers T. (2013) *Persuasion in the Media Age*. 3rd ed. Long Grove: Waveland Press.

Heath R., Bryant J.(2000) *Human Communication Theory and Research*. 2nd ed. New York: Routledge.

Larson C. (2010) *Persuasion: Reception and Responsibility*. 12th ed. Boston: Wadsworth Cengage Learning.

Postman N. (2011) *Technopoly: The Surrender of Culture to Technology*. New York: Knopf Doubleday Publishing Group.

Van Dijk T. (2008) *Discourse and Context. A Sociocognitive Approach*. New York: Cambridge University Press.

Notes

Anatolij Gajda i Vadim Dubichev prezentovali knigu o gosudarstvennoj ideologii [Anatoly Gaida and Vadim Dubichev Presented a Book on State Ideology]. *Kommersant*. 2024. Available at: https://www.kommersant.ru/doc/6862328 (accessed: 11.07.2025).

Bol’shaya polovina chelovechestva razdelyaet tsennosti Rossii, zayavil Beglov [The Majority of Humanity Shares Russia’s Values, Beglov Said]. *RIA Novosti*. 2025. June, 23. Available at: https://ria.ru/20250623/rossiya-2024932116.html (accessed: 11.07.2025).

Bol'shinstvo rossiyan nazvali krepkuyu sem'yu glavnoj tsennost'yu, pokazal opros [The Majority of Russians Named a Strong Family as the Main Value, a Survey Showed]. *RIA Novosti*. 2025. July, 8. Available at: https://ria.ru/20250708/semya-2027849832.html (accessed: 11.07.2025).

Chem bol'she tsennost', tem bol'she otvetstvennost' [The Greater the Value, the Greater the Responsibility]. *Kommersant*. 2025. Available at: https://www.kommersant.ru/doc/7808149 (accessed: 11.07.2025).

Detej, razdelyayushchikh traditsionnye tsennosti inostrantsev, osvobodili ot testa po russkomu [Children of Foreigners Who Share Traditional Values Were Exempted from Russian Language Test]. *Kommersant*. 2024. October, 27. Available at: https://www.kommersant.ru/search/results?places=&categories=&datestart=2024-10-27 (accessed: 11.07.2025).

Festival' Pravil'nogo kino [Festival of the Right Cinema]. *Komsomol'skaya pravda*. 2025. Available at: https://www.kp.ru/afisha/msk/festivali/majskij-festival-pravilnogo-kino-v-moskve/ (accessed: 11.07.2025).

K Vladimiru Putinu voshla istoriya [History Came to Vladimir Putin]. Kommersant. 2025. Available at: https://www.kommersant.ru/doc/7832009 (accessed: 11.07.2025).

Kravtsov prizval napisat' sootvetstvuyushchie traditsionnym tsennostyam pesni dlya detej [Kravtsov Called for Writing Songs for Children in Line with Traditional Values]. *Portal Kul'tura*. Available at: https://portal-kultura.ru/search/index.php (accessed: 11.07.2025).

Mnogie razdelyayut pozitsiyu Rossii po traditsionnym tsennostyam, zayavil Putin [Many Share Russia's Position on Traditional Values, Putin Said]. *RIA Novosti*. 2025. June, 15. Available at: https://ria.ru/20250615/putin-2022951799.html (accessed: 11.07.2025).

Musul'mane poblagodarili patriarkha za ego slova v zashchitu mezhreligioznogo mira [Muslims Thanked the Patriarch for His Words in Defense of Interreligious Peace]. *Kommersant*. 2025. Available at: https://www.kommersant.ru/doc/7799719 (accessed: 11.07.2025).

Nejro i sem'i: v Peterburge obsudili II i traditsionnye tsennosti [Neuro and Families: AI and Traditional Values Were Discussed in St. Petersburg]. *Izvestiya*. 2025. Available at: https://iz.ru/1953299/andrei-tumanov/nejro-i-semi-v-peterburge-obsudili-ii-i-tradicionnye-cennosti (accessed: 11.07.2025).

Poslanie Federal'nomu sobraniju 4 dekabrya 2014 g. [Address to the Federal Assembly, December 4, 2014]. *Kremlin.ru*. Available at: http://kremlin.ru/events/president/news/47173 (accessed: 12.03.2025).

Putin rasskazal o vazhnosti traditsionnykh tsennostej dlya Rossii [Putin Spoke About the Importance of Traditional Values for Russia]. *RIA Novosti*. 2025. May, 4. Available at: https://ria.ru/20250504/rossija-2014865903.html (accessed: 11.07.2025).

Sem' kritikuemykh serialov Turtsii: Moglo byt' i luchshe [Seven Criticized Turkish TV Series: Could Have Been Better]. *Komsomol'skaya pravda*. Available at: https://www.kp.ru/putevoditel/serialy/novosti-turetskikh-serialov/7-kritikuemyh-serialov-turtsii/ (accessed: 11.07.2025).

Traditsii v epokhu peremen [Traditions in an Era of Change]. *VTsIOM*. Available at: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen (accessed: 11.07.2025).

Traditsionnye tsennosti formiruyut suverennoe mirovozzrenie, zayavil Putin [Traditional Values Shape a Sovereign Worldview, Putin Said]. *RIA Novosti*. 2025. June, 10. Available at: https://ria.ru/20250610/putin-2022059337.html (accessed: 11.07.2025).

Traditsionnye tsennosti: ozhidanie i real'nost' [Traditional Values: Expectation and Reality]. *VTsIOM*. Available at: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost (accessed: 11.07.2025).

Tsennosti [Values]. *FOM*. Available at: https://fom.ru/TSennosti/15068 (accessed: 11.07.2025).

U stran BRIKS poyavitsya svoj spisok traditsionnykh tsennostej [BRICS Countries Will Have Their Own List of Traditional Values]. *Gazeta.Ru*. 2025. September, 2. Available at: https://www.gazeta.ru/politics/news/2025/09/02/26634200.shtml (accessed: 11.07.2025).

Uchenits glazovskoj shkoly obuchat osnovam dukhovnosti i istorii velikikh zhenshchin RF [Students of Glazov School Will Be Taught the Basics of Spirituality and the History of Great Women of Russia]. *Kommersant*. 2025. Available at: https://www.kommersant.ru/doc/7835360 (accessed: 11.07.2025).

Ukaz Prezidenta RF ot 9 noyabrya 2022 g. No. 809 "Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossijskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostej" [Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values"]. *Kremlin.ru*. Available at: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (accessed: 02.02.2025).

Ukreplyaya traditsionnye tsennosti [Strengthening Traditional Values]. *Literaturnaya gazeta*. Available at: https://lgz.ru/article/ukreplyaya-traditsionnye-tsennosti/ (accessed: 11.07.2025).

V GD predlozhili zakonodatel'no raz"yasnit' ponyatie traditsionnykh tsennostej [The State Duma Proposed to Legally Clarify the Concept of Traditional Values]. *RIA Novosti*. 2024. July, 18. Available at: https://ria.ru/20240718/gosduma-1960456442.html (accessed: 11.07.2025).

V Moskve proshel parad sem'i [A Family Parade Was Held in Moscow]. *RIA Novosti*. 2025. July, 8. Available at: https://ria.ru/20250708/parad-2028027155.html (accessed: 11.07.2025).

Vladimir Putin pozdravil rossiyan s Rozhdestvom [Vladimir Putin Congratulated Russians on Christmas]. *Komsomol'skaya pravda*. 2018. January, 7. Available at: https://www.kp.ru/online/news/3347590/ (accessed: 11.07.2025).

Vladimir Putin vpervye utverdil v Rossii 17 traditsionnykh tsennostej. Chto v nikh vkhodit [Vladimir Putin Approved 17 Traditional Values in Russia for the

First Time. What They Include]. *Komsomol'skaya pravda*. 2022. Available at: https://www.kp.ru/daily/27469/4675139/ (accessed: 11.07.2025).

"Vozrast bez granits" – K pozhilym grazhdanam DNR pomoshch' priedet na dom ["Age Without Borders" – Assistance Will Come to Elderly Citizens of DPR at Home]. *Komsomol'skaya pravda*. Available at: https://www.donetsk.kp.ru/daily/26786/3820923/ (accessed: 11.07.2025).

References

Annenkova I. V. (2012) Mediaritorika: osnovnyye napravleniya issledovaniy [Media rhetoric: main directions of research]. *Medi@l'manakh* 1 (48): 6–13. (In Russian)

Arutyunova N. D. (1986) Dialogicheskaya tsitatsiya [Dialogical citation]. *Voprosy yazykoznaniya* 1: 50–64. (In Russian)

Ball G. A., Burgin M. S. (1994) Analiz psikhologicheskikh vozdeystviy i yego pedagogicheskoye znacheniye [Analysis of psychological influences and its pedagogical significance]. *Voprosy psikhologii* 4: 56–66. (In Russian)

Baturina E. N. (2005) *Rol' klyuchevykh slov v semanticheskoy strukture khudozhestvennogo teksta: Na materiale teksta romana "Prestupleniye i nakazaniye" F. M. Dostoyevskogo*: diss. ... k. filol. n. [The role of keywords in the semantic structure of a fiction text: Based on the text of the novel "Crime and Punishment" by F. M. Dostoevsky: PhD thesis]. Vladivostok. (In Russian)

Borchers T. (2013) *Persuasion in the Media Age*. 3rd ed. Long Grove: Waveland Press.

Burmistrova E. S. (2019) Traditsionnyye tsennosti v povestke liberal'nykh sil v nachale XXI veka: SShA i Kanada [Traditional Values in the Agenda of Liberal Forces at the Beginning of the 21st Century: USA and Canada]. *Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo instituta* 3 (84): 87–92. (In Russian)

Dobrosklonskaya T. G. (2020) *Voprosy izucheniya mediatekstov: Opyt issledovaniya sovremennoy angliyskoy mediarechi* [Issues of studying media texts: Experience of studying modern English media speech]. Moscow: Editorial URSS Publ. (In Russian)

Dotsenko E. L. (1997) *Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita* [Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and defense]. Moscow: CheRo, Moscow St. Univ. Publ. (In Russian)

Dushkina M. R. (2025) *Psikhologiya vliyaniya v sotsial'nykh kommunikatsiyakh: psikhologicheskoye vozdeystviye – metody i tekhnologii* [Psychology of influence in social communications: psychological impact – methods and technologies]. 2nd ed. Moscow: Yurayt Publ. (In Russian)

Duskayeva L. R. (2019) *Stilisticheskiy analiz v medialingvistike* [Stylistic analysis in media linguistics]. Moscow: Flinta Publ. (In Russian)

Dzyaloshinskiy I. M. (2005) Manipulyativnyye tekhnologii v massmedia [Manipulative technologies in mass media]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika 1*: 29–54. (In Russian)

Dzyaloshinskiy I. M. (2012) *Kommunikativnoye vozdeystviye: misheni, strategii, tekhnologii* [Communicative influence: targets, strategies, technologies]. Moscow: NIU VShE Publ. (In Russian)

Gorshkov A. I. (2015) *Russkiy yazyk v russkoy slovesnosti* [Russian language in Russian literature]. Moscow: Lit. in-t im. A. M. Gor'kogo Publ. (In Russian)

Gureyeva A. N., Kureyeva N. A. (2022) Formirovaniye mediaobraza gosudarstva v kontekste mediatizatsii politicheskoy kommunikatsii [Formation of the media image of the state in the context of mediatization of political communication]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* 6: 28–56. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2022.2856. (In Russian)

Heath R., Bryant J. (2000) *Human Communication Theory and Research*. 2nd ed. New York: Routledge.

I Litsyun' (2022) *Slova goda kak yedinitsy yazyka i diskursa (na fone kitayskogo yazyka*): diss. ... k. filol. n. ["Words of the Year" as units of language and discourse (against the background of the Chinese language): PhD thesis]. Moscow. (In Russian)

Kaminskaya T. L., Shmelyova T. V. (2009) Glamur i krizis [Glamour and crisis]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* 52: 43–45. (In Russian)

Kayda L. G. (2011) *Kompozitsionnaya poetika teksta* [Compositional poetics of the text]. Moscow: Flinta Publ. (In Russian)

Kishina E. V. (2011) Semanticheskaya oppozitsiya svoy – chuzhoy kak realizatsiya ideologo-manipulyativnogo potentsiala politicheskikh diskursov [The semantic opposition "own – alien" as the realization of ideological manipulative potential of political discourses]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* 4: 174–179. (In Russian)

Kolesov V. V. (2007) *Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste* [Russian mentality in language and text]. St. Petersburg: Peterburg. Vostokovedeniye Publ. (In Russian)

Kondrat'yev M. Yu., Il'in V. A. (2007) *Azbuka sotsial'nogo psikhologa-praktika* [ABC of a social psychologist-practitioner]. Moscow: Per Se Publ. (In Russian)

Kostomarov V. G. (2014) *Yazyk tekushchego momenta: ponyatiye pravil'nosti* [Language of the current moment: the concept of correctness]. St. Petersburg: Zlatoust Publ. (In Russian)

Kovalev G. A. (1991) *Psikhologicheskoye vozdeystviye: teoriya, metodologiya, praktika* [Psychological influence: theory, methodology, practice]: dis. ... d. psikhol. n. Moscow. (In Russian)

Larson C. (2010) *Persuasion: Reception and Responsibility*. 12th ed. Boston: Wadsworth Cengage Learning.

Ostapenko D. I. (2013) K traktovke ponyatiya metakommunikatsiya [On the interpretation of the concept of "metacommunication"]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* 1: 32–35. (In Russian)

Petrovskiy V. V. (1977) O klyuchevykh slovakh v khudozhestvennoy proze [On key words in fiction]. *Russkaya rech'* 5: 54–58. (In Russian)

Pogrebnyak A. K. (2010) *Klyuchevoye slovo Bog v semantike russkikh paremiy*: diss. ... k. filol. n. [The key word "God" in the semantics of Russian paremias: PhD thesis]. Krasnoyarsk. (In Russian)

Popova L. A. (2021) *Klyuchevyye slova sovremennosti kak lingvisticheskiy fenomen*: diss. ... k. filol. n. [Key words of modernity as a linguistic phenomenon: PhD thesis]. Ufa. (In Russian)

Postman N. (2011) Technopoly*: The Surrender of Culture to Technology*. New York: Knopf Doubleday Publishing Group.

Priyomysheva M. N. (ed.) (2021) *Russkiy yazyk koronavirusnoy epokhi* [Russian language in the coronavirus era]. St. Petersburg: Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN Publ. (In Russian)

Prokof'yeva N. A., Shcheglova E. A. (2020) Slova tekushchego momenta v media kak ob"yekt lingvostilisticheskogo analiza [Words of the current moment in the media as an object of linguostylistic analysis]. In *Media v sovremennom mire. 59-ye Peterburgskiye chteniya* [Media in the modern world. 59th St. Petersburg readings]. Vol. 1. St. Petersburg: Mediapapir Publ. Pp. 207–209. (In Russian)

Radbil' T. B. (2024) Vyrazheniye ne po-russki kak yazykovoye voploshcheniye natsional'nykh tsennostey v mediarechi (po dannym gazetnykh korpusov) [The expression "not in Russian" as a linguistic embodiment of national values in media speech (according to newspaper corpora)]. *Medialingvistika* 11 (4): 487–498. DOI: 10.21638/spbu22.2024.405 (In Russian)

Shcheglova E. A. (2019) Leksicheskoye svoyeobraziye khudozhestvennogo proizvedeniya: k voprosu o metodike analiza (na primere ocherkov puteshestviya I. A. Goncharova Fregat Pallada) [Lexical originality of a work of art: on the issue of the methodology of analysis (on the example of I. A. Goncharov's travel essays "Frigate 'Pallada'")]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* 442: 61–68. DOI: 10.17223/15617793/442/7 (In Russian)

Shcheglova E. A., Prokof'yeva N. A. (2024) Mediaslovar' klyuchevykh slov tekushchego momenta kak leksikograficheskiy istochnik novogo tipa ["Media dictionary of keywords of the current moment" as a lexicographic source of a new type]. *Voprosy leksikografii* 33: 52–70. DOI: 10.17223/22274200/33/3 (In Russian)

Shelestyuk E. V. (2014) *Rechevoye vozdeystviye: ontologiya i metodologiya issledovaniya* [Speech impact: ontology and research methodology]. 2nd ed. Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ. (In Russian)

Shikhshalilov M. P., Abdusalamov M. M. (2021) Sredstva i sposoby semantizatsii leksiki inostrannogo yazyka i printsipy ikh ispol'zovaniya [Ways and means of the foreign language vocabulary presentation and principles of its usage]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* 3 (88): 265–267. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-388-265-267 (In Russian)

Shmelyova T. V. (1993) Klyuchevyye slova tekushchego momenta [Key words of the current moment]. *Collegium* 1: 33–41. (In Russian)

Shmelyova T. V. (2009) Krizis kak klyuchevoye slovo tekushchego momenta [Crisis as a key word of the current moment]. *Politicheskaya lingvistika* 28: 63–67. (In Russian)

Skovorodnikov A. P. (1993) O klyuchevykh slovakh russkogo mentaliteta [On the key words of the Russian mentality]. *Svetlitsa* 1: 214–215. (In Russian)

Skovorodnikov A. P. (2014) Klyuchevyye slova [Key words]. In *Effektivnoye rechevoye obshcheniye (bazovyye kompetentsii). Slovar'-spravochnik* [Effective speech communication (basic competencies). Dictionary-reference book]. Krasnoyarsk: Sibirskiy federal'nyy universitet Publ. Pp. 214–215. (In Russian)

Speranskaya A. N. (2021) Slovo goda i klyuchevaya situatsiya: o popolnenii aktual'nogo leksikona ["Word of the Year" and "Key Situation": On Replenishing the Current Lexicon]. *Kommunikativnyye issledovaniya* 1: 102–114. (In Russian)

Sternin I. A. (2001) *Vvedeniye v rechevoye vozdeystviye* [Introduction to speech influence]. Voronezh: Istoki Publ. (In Russian)

Stulov I. A. (2023) Evolyutsiya sredstv rechevogo suggestivnogo vozdeystviya v publikatsiyakh Vladimira Putina [Evolution of means of speech suggestive impact in Vladimir Putin's publications]. In *Sovremennaya mediasreda: traditsii, aktual'nyye praktiki i tendentsii. Vzglyad molodykh issledovateley* [Modern media environment: traditions, current practices and trends. A view of young researchers]. Iss. 23. St. Petersburg: Mediapapir Publ. Pp. 265–272. (In Russian)

Tarasova I. A. (2020) Klyuchevyye slova kak instrument interpretatsii khudozhestvennogo teksta [Keywords as a tool for interpreting a literary text]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* 4: 370–374. DOI: 10.18500/1817-7115-2020-20-4-370-374. (In Russian)

Timofeyeva O. V. (2019) Traditsionnyye tsennosti i zapadnoye vliyaniye: protivorechiya v rumynskoy i pol'skoy sovremennoy politicheskoy povestke [Traditional Values and Western Influence: Contradictions in the Romanian and Polish Contemporary Political Affairs]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* 3, 4: 259–267. DOI: 10.35634/2587-9030-2019-3-4-459-467. (In Russian)

Van Dijk T. A. (2008) *Discourse and Context. A Sociocognitive Approach*. New York: Cambridge University Press.

Vartanova E. L., Vyrkovskiy A. V., Zagidullina M. V. (2024) Mediatekst v epokhu tsifrovykh platform: vozmozhnosti i ugrozy [Media text in the era of digital platforms: opportunities and threats]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* 3: 3–13. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2024 (In Russian)

Vinogradov V. V. (1959) *O yazyke khudozhestvennoy literatury* [On the language of fiction]. Moscow: Goslitizdat Publ. (In Russian)

Vyrovtseva E. V. (2024) Suggestivnyy potentsial vizual'nykh sredstv vozdeystviya v publikatsiyakh prosvetitel'skikh telegram-kanalov [Suggestive potential of visual means of influence in publications of educational telegram channels]. In S. A. Panyukova, I. V. Topchiy (eds.) *Evolyutsiya vizual'nogo obraza v massmediynoy kommunikatsii* [Evolution of the visual image in mass media communication]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Univ. Publ. Pp. 252–268. (In Russian)

Zheltukhina M. R. (2007) Suggestivnoye vozdeystviye v russkoy, angliyskoy i nemetskoy lingvokul'turakh [Suggestive influence in Russian, English and German linguistic cultures]. *Kommunikativnyye tekhnologii v obrazovanii, biznese, politike i prave XXI veka: Chelovek i yego diskurs* 3: 201–213. (In Russian)

Поступила в редакцию
11.07.2025

ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

Ромакина Мария Александровна, старший преподаватель, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; e-mail: romakina@mail.ru, ORCID 0009-0009-3695-3878

РАБОТА РЕГИОНАЛЬНОЙ СЕТИ ФОТОКОРРЕСПОНДЕНТОВ «ПРЕСС-КЛИШЕ» ТАСС В РСФСР (1926–1931 гг.)

Бюро литературно-иллюстрационного обслуживания печати «Пресс-клише» ТАСС положило начало деятельности современной редакции фотоинформации «ИТАР-ТАСС» – старейшего в нашей стране фотографического подразделения информационного агентства. «Пресс-клише» приступило к работе 100 лет назад, 1 февраля 1926 г. Уже в первые годы его работы начала функционировать сеть фотокорреспондентов, что дало возможность советским и зарубежным изданиям оперативно получать актуальную фотоинформацию. В статье систематизированы сведения о том, каким образом была организована работа с авторами: каковы были условия сотрудничества, как формировали тематический план съемок, как консультировали по техническим, художественным и литературным вопросам, тем самым обучая снимавших, а также на каких условиях снабжали фотоаппаратурой и фотоматериалами в случае необходимости. В исследовании проанализирован корпус документов из фондов ГАРФ (Ф. Р-391, Ф. Р-4459), не изучавшийся ранее подробно.

***Ключевые слова**: «Пресс-клише» ТАСС, «Союзфото», фотокорреспондент, фотоагентство, фотожурналистика, фотообразование, РСФСР.*

Как цитировать: *Ромакина М. А.* Работа региональной сети фотокорреспондентов «Пресс-клише» ТАСС в РСФСР // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2026. № 1. С. 103–129. DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.1.2026.103129

Maria A. Romakina, Senior Lecturer, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: romakina@mail.ru, ORCID 0009-0009-3695-3878

THE WORK OF THE REGIONAL TASS "PRESS-CLICHÉ" NETWORK OF PHOTO CORRESPONDENTS IN THE RUSSIAN SOVIET REPUBLIC (1926–1931)

The year 2026 marks the 100th anniversary of the founding of Bureau of Literary and Illustration Services for the Press "Press-cliché" TASS, the organization that launched the oldest photo agency operating in Russia today, Photo ITAR-TASS (also – TASS Photo Agency). Since its early years Press-cliché established a network of photo

correspondents from across the young Russian Republic, enabling domestic and international periodicals to obtain locally relevant photo information promptly. The article reconstructs and analyzes the regime of cooperation with regional photographers: the terms of collaboration, the process of developing the thematic plan and providing instruction on technical and artistic issues, as well as the conditions of supplying photographic equipment and materials. The activities of Press-cliché's photo correspondent network were investigated based on a corpus of documents from the collections of the State Archives of the Russian Federation (F. R-391, F. R-4459).

***Key words**: TASS Press-cliché, Soyuzfoto, photo correspondent, photo agency, photojournalism, photographic education, RSFSR.*

To cite this article: Romakina M. A. (2026) Rabota regional'noy seti fotokorrespondentov "Press-klishe" TASS v RSFSR (1926–1931 gg.) [The Work of the Regional Tass "Press-Cliché" Network of Photo Correspondents in the Russian Soviet Republic (1926–1931)]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* 1: 103–129. DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.1.2026.103129

DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.1.2026.103129

Введение

Вторую половину 1920-х гг. принято считать преддверием «золотого века» фотожурналистики. В СССР постепенно складывались нормативные представления о характере фотожурналистской работы, которые в среде специалистов оформились в своего рода свод рекомендаций и правил, регламентирующих процесс производства фотоинформации. От пресс-фотографии ожидали «высокой информационности (актуальности), исключительной правдивости, легкой читки (локаничности) и хорошей запоминаемости»[1]. Вместе с тем от нее требовалось удерживать внимание аудитории: «Скучный, пресный снимок не нужен читателю. Фотография должна быть содержательна, должна иметь настроение и передавать его зрителю, должна заинтересовывать»[2]. При этом от журналистского произведения ждали, что оно будет отличаться от художественной фотографии с ее особыми световыми эффектами и мягкой оптикой[3]. Именно в это продуктивное для фотожурналистики время и было основано Бюро литературно-иллюстрационного обслуживания печати «Пресс-клише», которое способствовало формированию профессиональных стандартов. «Пресс-клише» было создано «на правах отдела» в начале февраля 1926 г. в структуре Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС) – центральной всесоюзной информационной организации, учрежденной Постановлением Президиума Центрального исполнительного комитета СССР и Совета Народных Комиссаров СССР

10 июля 1925 г. Отдел занимался созданием и распространением фотоинформации, изготовлением и дистрибуцией клише (по подписке и индивидуальным заказам), выпуском информационных бюллетеней. Фотосъемку проводили как в столице, так и в регионах в основном силами местных фотографов, которые сотрудничали с Бюро как внештатные авторы, получали гонорары. Развитие фотокорреспондентской сети было одной из приоритетных задач как на момент организации «Пресс-клише», так и в 1931 г., когда его расформировали в целях создания «Союзфото» – единого фотоагентства СССР[4]. Большинство снимающих в регионах были сотрудниками местных газет, иногда – местных фотоорганизаций. Возможности обучать людей без опыта съемки и проявки работники «Пресс-клише» поначалу не имели, поэтому налаживали связи с авторами, уже знакомыми с фотожурналистской работой.

Упоминания о корреспондентах «Пресс-клише» встречаются в очерках о развитии советской фотографии, которые Г. М. Болтянский опубликовал в 1939 г. Он указывал на очевидную связь между появлением нового отдела ТАСС и популяризацией профессии фоторепортера, а также развитием журналистской фотографии в СССР в середине 1920-х гг.: «Возникновение фотоагентств способствует дальнейшему росту советского фоторепортажа, выявлению и привлечению фоторепортеров (собственных корреспондентов агентств) на периферии, так как агентства нуждаются прежде всего в разветвленной корреспондентской сети» (1939: 113). Каких-либо конкретных сведений в «Очерках», к сожалению, не содержится. Более чем через семьдесят лет после этой публикации К. Столарски в диссертации о советской фотографии первой трети XX в. упоминает об экономических аспектах взаимодействия редакции с фотокорреспондентами «Пресс-клише»: сотрудники «Пресс-клише» оказывали материальную поддержку снимавшим, «включая камеры, объективы и фотобумагу, а также субсидировали расходы на проявку пленки» (Stolarski, 2013: 252). Столарски выделяет Л. П. Межеричера как ключевую фигуру в коммуникации с региональными фотокорреспондентами, также называет Г. Д. Саломоновича, однако в действительности людей, вовлеченных в построение корреспондентской сети, было больше, что становится понятно при внимательном изучении архивных документов. Важным для нас является упоминание того факта, что редакция предпринимала попытки обучать снимавших удаленно – отправляла им подробные инструкции по темам и визуальному подходу к их раскрытию. Чуть более подробная, чем у Болтянского,

характеристика корреспондентской сети все еще остается слишком краткой, лишенной географической конкретизации, не позволяет составить представление о режиме работы фотографов, алгоритме их сотрудничества с редакцией и т. д.

Помимо двух упомянутых исследований мы опирались на тексты, затрагивающие различные аспекты развития теории фотографии в ранние советские годы, а также вопросы реализации информационной и культурной политики в СССР. К первой группе следует отнести прежде всего работу М. Тупицыной, которая прослеживает эволюцию советской фотографии и фотомонтажа в контексте идеологической поддержки первых пятилеток. Вслед за теоретиком авангарда П. Бюргером она считает, что фотография тяготеет к реалистичному, «картинному» отображению мира как «конкретной и непрерывной сущности» (Tupitsyn, 1996: 67). Также значимой представляется работа Д. Стейлы, рассматривающей модель фотографической фиксации мира как одну из магистральных советских марксистских теорий знания (Steila, 2021). Вторая группа является более обширной, здесь наибольшую значимость для нас имели исследования Д. Бранденбергера (2017), Г. Г. Дадамяна (2021), Т. Ю. Дашковой (2007), Г. В. Жиркова (2021), П. Кенеза (1985), которые в совокупности позволяют составить представление о визуальных медиа в период «обытовления революции» (Дадамян, 2021: 295), когда фотография выступала как инструмент социального моделирования, а подписи могли быть значимее самих снимков: в них «...латентно закладывается оценка репрезентируемого события или человека» (Дашкова, 2007: 447).

Источники исследования

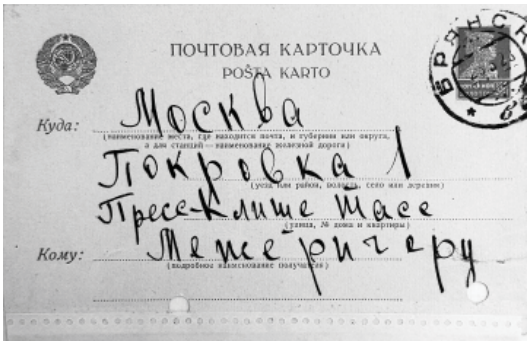
Источниками исследования явились материалы из двух фондов ГАРФ (Ф. Р-391 «Российское телеграфное агентство (РОСТА) при Совете народных комиссаров РСФСР»; Ф. Р-4459 «Телеграфное агентство Советского Союза при Совете министров СССР (ТАСС)»). Это подборки различных документов: копии писем сотрудников «Пресс-клише» и оригиналы писем и телеграмм фотокорреспондентов, оригиналы и копии клейншмидтограмм[5], копии удостоверений, анкеты, отчеты о выплатах гонораров, справки о выдаче фотоматериалов, списки принятых в работу фотоснимков и др. Коллекция документов хаотична и неполна: фрагментарны финансовая отчетность и сведения о принятых отпечатках и негативах,

наличествуют копии удостоверений лишь части фотографов, не удалось обнаружить ответы на многие письма и т. д. В связи с этим представляется маловероятным изучить хоть сколько-нибудь подробно некоторые промежутки времени, например 1930-й г. Часть документов была, увы, утрачена при реорганизации архивных фондов. Тем не менее сохранившийся корпус материалов позволяет реконструировать процесс работы сети фотокорреспондентов на территории РСФСР довольно подробно.

Документы удобочитаемы, сложности возникают лишь с рукописными текстами, авторы которых имели не очень разборчивый почерк. Весьма полезны для реконструкции производственного процесса рабочие комментарии сотрудников «Пресс-клише», начертанные поверх документов карандашом или чернилами. Они представляют собой указания, кому следует выполнить то или иное задание, комментарии к тексту (в том числе номерные) и т. д. Некоторые документы подготовлены на фирменных бланках «Пресс-клише» (общий бланк Бюро, личные бланки руководящего состава), а также региональных газет – «Северной правды» (Кострома), «Красного знамени» (Краснодар). Исходящую корреспонденцию печатали на машинке, дату проставляли карандашом – вероятно, набор текста могли вести заблаговременно. Бóльшая часть исходящих корреспонденций не содержит подписей авторов, что закономерно: оригиналы отправляли адресатам, производственной необходимости подписывать копии не было. Исходящую корреспонденцию готовил узкий круг сотрудников: ответственный редактор И. П. Флеровский и его заместитель Л. П. Межеричер, служившие в разное время в Фотобюро[6] тт. Веллер, Мучник, М. Нэмени, т. Штейн, заведующий конторой Г. Д. Саломонович и его помощник В. Варман, бухгалтер А. Тер-Минасянц. Строгого разделения обязанностей при подготовке документов различного характера не было – лишь финансовые документы всегда ассоциированы с должностью бухгалтера. В марте 1928 г. Л. П. Межеричер уволился из «Пресс-клише», после чего основную переписку вели И. П. Флеровский и Г. Д. Саломонович. Сохранившиеся материалы датируются, главным образом, 1926–1928 гг. Трудно сказать, продолжалось ли эпистолярное общение столь же интенсивно далее.

Входящая корреспонденция во многих случаях представляет собой рукописные тексты на почтовых карточках (см. рис. 1) или листах писчей бумаги. Оригинал конверта с пятью сургучными печатями свидетельствует об особом режиме пересылки ценных

финансовых документов (в нем был отправлен вексель)[7]. Фотокорреспонденты завершали письма личной росписью, даже если их тексты печатали на машинке. Исключение составляет корреспонденция В. А. Соловьева, который при каждом рукописном письме проставлял личную печать: «В.А. Соловьев. Новороссийск. Толстовская ул. № 13».

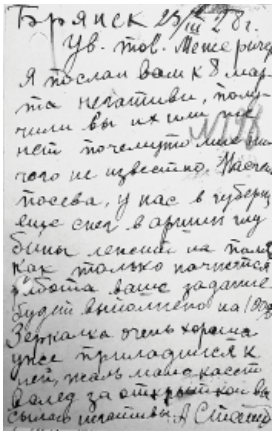

Рисунок 1. Почтовая карточка, отправленная в «Пресс-клише» ТАСС брянским фотокорреспондентом А. А. Статуевым 23 марта 1928 г.

Анализ содержания корреспонденции позволяет утверждать, что обсуждались четыре основных вопроса, касавшихся организации процесса работы: условия сотрудничества, тематические планы съемок, качество присланных кадров и текстовых сопровождений, возможность снабжения фотоаппаратурой и фотоматериалами.

Текст писем имеет деловой характер, однако заканчиваются они разговорным «Пока» или новомодным советским «С товарищеским приветом». Тон писем доброжелательный в традициях корреспонденции того времени. Многие документы содержат опечатки и ошибки, допущенные, вероятно, машинистками. Примечательно, что отсутствует даже унифицированное написание названия организации: на официальных бланках – «Пресс-Клише», в рукописных документах по-разному: «Пресс Клише», «Пресс-клише», «Прессклише»[8].

Оригиналы обсуждаемых в письмах фотоснимков (негативы и отпечатки) с большой вероятностью были утрачены: в ТАСС хранятся материалы, начиная с 1942 г., в государственных архивах обнаружить их также пока не удалось. В опубликованном виде часть из них можно встретить на страницах союзных и даже зарубеж-

ных журналов и газет, однако поиск затрудняет отсутствие указаний авторства, что, к сожалению, было массовой практикой того времени.

Методика работы с архивными материалами для подобного рода исследований включает несколько этапов: выявление документов, их систематизацию, внешнюю и внутреннюю критику источников, систематизацию и сопоставительный анализ обнаруженных данных, реконструкцию событий на основе выявленных сведений с опорой на дополнительные источники (книжные, газетные и журнальные публикации 1920-х гг.) и с учетом исторического контекста.

Состав корреспондентской сети

Точных статистических сведений о количестве авторов, сотрудничавших с «Пресс-клише» в 1926–1931 гг., к настоящему моменту не было обнаружено. В документах октября 1927 г. мимоходом встречается упоминание «до 100 фото-корров в СССР»[9]. Гонорарные ведомости того же года позволяют утверждать, что выплаты за фотоотпечатки и негативы с разной степенью регулярности получало действительно около 100 человек. Из них примерно 70–80 снимали на территории РСФСР, в том числе некоторые из руководящих сотрудников «Пресс-клише» (Л. П. Межеричер и др.). На момент перехода в структуру «Союзфото» в 1931 г. упоминается уже пятьсот корреспондентов. Однако списки или какие-либо сведения об их постоянной активности отсутствуют. «Унионфото[10] и Прессклише при своей ликвидации и передаче дел Союзфото, утверждали, что каждое из них имеет “примерно” по 500 фотокоров. На деле эта цифра оказалась “липовой” <...> Союзфото сразу же и остро ощутило недостаток негативного материала, почти полное отсутствие его с периферии. Тысячная (якобы) фотокоровская армия Прессклише и Унионфото не проявляла никаких признаков жизни <...> Почти все числившиеся в этой сети оказались “мертвыми душами”. На объявленую Союзфото перерегистрацию откликнулось не более 50 человек, а работоспособных среди них не оказалось и половины»[11]. Прирост сети, который произошел, судя по косвенным сведениям, к концу 1920-х, вероятно, был следствием государственной программы развития фотолюбительского движения, основной целью которой было привлечение к сотрудничеству с прессой специалистов с фабрик, заводов, из совхо-

зов и колхозов[12]. Однако по различным причинам к началу 1930-х гг. их активность спала.

География расселения корреспондентов весьма обширна: Астрахань, Архангельск, Брянск, Владивосток, Воронеж, Казань, Краснодар, Ленинград[13], Новороссийск, Петрозаводск, Севастополь, Свердловск, Тверь, Тула, Тюмень, Хабаровск, Ялта и другие города и населенные пункты. Многие были сотрудниками местных газет: Ю. Амурский работал в костромской газете «Северная правда», А. К. Бигнер и М. Поляновский – в «Тихоокеанской звезде» Хабаровска, В. Л. Лаптев – в «Красной Татарии» (Казань), Н. Немчик – в «Красном Крыму» (Симферополь), С. А. Рябиков – в астраханском «Коммунисте». Контакты со многими перешли к ТАСС от РОСТА[14]. Постепенно снимавших ориентировали на прямую коммуникацию с «Пресс-клише», стремясь к максимально возможной оперативности: «Из снимков, переданных нам из РОСТА, приняли 5. Остальные <...> возвращаем. Почему прислали не непосредственно нам. Ведь всякая передача задерживает материал»[15], – отрывок из письма благовещенскому фотокору П. И. Спицыну от 14 марта 1928 г.[16]

Среди фотокорреспондентов были как известные в истории фотожурналистики авторы (например, Н. М. Капелюш, который на тот момент был совсем юным, начав сотрудничать с местной прессой еще школьником-старшеклассником, Л. М. Сурин и др.), так и те, память о которых «большая» история фотографии не сохранила. Нами был проведен дополнительный поиск информации о каждом из фотокорреспондентов, что позволило реконструировать имена отдельных авторов: Константина Васильевича Михнюка[17], Сергея Александровича Рябикова[18] (в переписке к ним в духе времени обращаются «товарищ»). Удалось установить и место работы некоторых: газета «Молодая рать» у Н. М. Капелюша[19], «Фотомастерская Пролеткульта» у Н. Н. Киселева (Мозгова, Цейтлин, 2025). Возможно, более тщательное изучение местной и союзной прессы того периода позволит заполнить оставшиеся лакуны, однако в 1920-е гг. было не принято указывать имена авторов снимков при публикации, что значительно осложняет поиски. Лишь в 1930-е гг. профессиональное сообщество начало активно бороться против анонимной публикации снимков, и проблема постепенно решалась (Ромакина, 2023).

Корреспонденты, которые хорошо зарекомендовали себя, снимали не только по месту жительства, но и выезжая в другие регионы: например, Л. М. Сурин жил в Кыштыме, а работал в Свердловске, в редакции «Уральского рабочего». Командировок в его творческой биографии только в 1928 г. было две: в Северо-Кавказский край[20] и Центрально-земледельческий район[21], а также в Москву. В командировку в Донецкий бассейн «для фотографических с'емок промышленности, жизни и быта рабочих и других тем, представляющих интерес для советской и заграничной прессы» был отправлен брянский фотокорреспондент А. А. Статуев[22].

Некоторые фотокоры выступали также в роли уполномоченных – контактировали с другими фотографами в своем регионе, отбирая наиболее интересные снимки и направляя в «Пресс-клише» сборные посылки с работами нескольких авторов. В частности, весьма активен в этом отношении был А. А. Суетин – сотрудник архангельской газеты «Волна». Услуги уполномоченного оплачивались дополнительно. В других регионах (например, в Благовещенске, Краснодаре) процесс коммуникации с местными авторами выстраивался труднее: «В Краснодаре фото-репортерских сил нет; специально-иллюстрированных изданий тоже нет; в местной газете иногда помещаются иллюстрации, но носят случайный характер»[23], – писал Н. Т. Арсенов 10 августа 1926 г.

Регламент сотрудничества

Формирование корреспондентской сети – длительный процесс. Переговоры с каждым потенциальным автором вели индивидуально: после одобрения первых присланных снимков или негативов фотограф получал съемочное задание общего характера (его именовали циркуляром, или циркулярным обращением). Предполагалось, что посылки от каждого корреспондента будут регулярными. Степень регулярности разнилась от региона к региону, прежде всего, зависела от активности каждого снимавшего, его заинтересованности в сотрудничестве с «Пресс-клише». Информация по гонорарам, которые редакция начислила в 1927 г. за фотоотпечатки, негативы и сопровождавшие их статьи, систематизирована в таблице 1[24]. Именно гонорарные ведомости позволяют сделать вывод о том, насколько активными были Л. М. Сурин из Свердловской области и А. А. Статуев из Брянска, тогда как корреспонденты более близких к Москве регионов присылали лишь единичные снимки.

Таблица 1

Сведения о начислении гонораров фотокорреспондентам и составе принятых от них материалов в феврале – декабре 1927 г.

Населенный пункт	Фамилия И.О. фотокор-респондента	Гонорар, руб. Количество фотоотпечатков/негативов/статей										
		Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
Астрахань	Рябиков С.А.	21 7/0/0	-	49,50 24/0/1	30 15/0/0	63 22/3/0	29 4/5/2	22 5/4/0	-	36 12/0/0	21 7/0/0	15 5/0/0
Благовещенск	Спицын П.И.	3 0/1/0	11 3/1/1	40,5 9/5/4	32,50 13/0/3	-	-	-	-	-	-	-
Брянск	Статуев А.А.	-	-	-	-	33 13/0/0	18 2/4/0	91,5 0/30/1	28 0/7/0	120 0/30/0	36 0/4/0	60 0/15/0
Владивосток	Факторов И.М.	-	-	-	18 9/0/0	26 11/0/2	41 18/0/1	6 2/0/0	-	-	-	-
Елец	Сокольский И.И.	-	-	13 5/0/1	11,50 4/0/2	15,50 6/0/2	13,50 6/0/1	34 10/0/4	6 2/0/0	-	-	-
Казань	Лаптев В.Л.	-	-	8 4/0/0	27 0/9/0	-	-	-	-	-	3 1/0/0	-

Окончание таблицы 1

Краснодар	Арсенов Н.Т.	8 3/0/1	3 1/0/1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Петров А.В.	-	-	-	-	-	-	-	7 2/0/1	15 5/0/0	9 3/0/0	-
Матвеев Курган	Цымбалов Н.М.	22 11/0/0	-	-	6 3/0/0	12 4/0/0	39,50 16/0/1	-	42 14/0/0	20 6/0/1	12 4/0/0	9 3/0/0
Новороссийск	Соловьев В.А.	-	-	-	4 1/0/1	15,50 4/0/2	43,50 14/3/5	73 17/6/4	47 13/2/0	-	9 3/0/0	38,5 11/3/0
Свердловск	Сурин Л.М.	-	-	141 47/0/0	-	177 н/д	242 н/д	150 0/50/0	6 0/2/0	220 0/55/0	-	128,50 0/32/3
Тамбов	Старобинская Р.	8 5/0/0	-	-	-	4 н/д	4 2/0/0	-	-	-	-	-
Тула	Мельников В.П.	-	-	-	-	-	-	3 1/0/0	32 10/0/0	6 2/0/0	3 1/0/0	3 1/0/0
Тюмень	Вишняков А.Д.	-	-	-	18 5/0/1	16,50 5/0/1	21 0/7/0	17,50 5/0/1	30 9/0/1	18 6/0/0	12 4/0/0	-
Хабаровск	Бигнер А.К.	2 1/0/0	-	4 2/0/0	-	4 2/0/0	-	-	-	6 2/0/0	-	-
	Поляновский М.	-	10 5/0/0	-	-	6 2/0/1	-	-	20 4/0/0	-	-	-

Кадры, направляемые в «Пресс-клише», было разрешено публиковать также в региональной прессе: «...мы не возражаем против использования снимков, посылаемых нам и в местной печати <...> материал, который нас интересует, газетного характера и как местный должен быть еще более интересен местным газетам»[25]. При этом отправка их в какие-либо центральные издания была строго запрещена – действовало монопольное соглашение на центральную прессу: «Те снимки, которые посылаются нам, никому больше в Москву посланы быть не могут»[26]. В случае нарушений провинившийся поначалу получал лишь мягкое увещевание: «До нас дошли слухи, что Вы помимо нас шлете снимки и редакции “Бедноты”. Правда ли это? Ведь Вы прекрасно знаете условия работы с нами. Ждем от Вас непременного ответа по этому поводу, так как выяснять это здесь нам до получения Вашего ответа не хотелось бы» (из письма Н. М. Цымбалову из поселка Матвеев Курган от 28 марта 1928 г.)[27].

Снимки можно было присылать в виде отпечатков (размером не менее 9х12 см) или негативов. В обоих случаях кадры репродуцировали – негативы для этой цели подходили лучше. Тарифы оплаты были стандартизированы: принятые отпечатки оплачивали по 3 руб., приобретаемые негативы – по 4 руб., возвратные негативы – по 3 руб. (их после репродуцирования возвращали авторам). Негативы позволяли множить кадры на технически более высоком уровне, увеличивать их и, кроме того, гарантировали эксклюзивность. Выплаты поначалу проводились один–два раза в месяц, а с апреля 1927 г. – еженедельно. Почтовые расходы на пересылку фотографий редакция «принимала на свой счет». Фиксированный размер гонорара не радовал активно снимавших – они просили премирования или перерасчета выплат за сложные съемки. Их усилия не пропали даром: в начале 1930-х гг. денежное и материальное поощрение фотокоров активно практиковалось в «Союзфото» (Ромакина, 2023). Впрочем, гонорарные ведомости «Пресс-клише» свидетельствуют о множественных отклонениях от стандартной оплаты как в бóльшую, так и в меньшую сторону. По меньшей цене покупали большие партии изображений, а повышали цену, вероятно, в случаях особой сюжетной ценности. По состоянию на май 1927 г., по заявлению Л. П. Межеричера, редакция принимала до 75% присылаемого материала[28]. Категорически не подходили ретушированные кадры (они могли быть

опубликованы ранее), а также напечатанные на шершавой бумаге (изображение в печати выглядело «размазанным»).

Снимки необходимо было сопровождать текстовками, которые точно и полно поясняли их содержание (дополнительно их не оплачивали). Отсутствие таковых могло стать причиной возврата фотографий: «Из присланных Вами 3 снимков, мы не использовали ни одного, так как к ним нет нужных сведений. Если их пришлете, то один снимок/помеченный крестиком/ пойдет»[29], – писал 29 февраля 1928 г. Л. П. Межеричер С. А. Рябикову, сделавшему фотографии расширения Астраханской электростанции. В письме от 17 марта 1928 г. корреспондент исправил ситуацию – детально описал присылаемый материал: «Две фотографии общего вида Астраханской электростанции, одну фотографию работ по набойке свая и еще одну фотографию вида берега р Катунь»[30]. При публикации в печати сопровождающие тексты иногда искажались: «...На днях в Астрахани получен последний № фотогазеты, и там на последней полосе имеется моя фотография с подписью “отряд Осоавиахима”»[31], – сетовал все тот же Рябиков, снимавший в действительности стрелковый кружок Союза пищевиков. Более объемные тексты в переписке назывались очерками. Необходимость в них возникала в тех случаях, когда автор отправлял серию снимков на какую-либо тему. Их оплачивали отдельно: до 5 руб. за текст.

Тематические планы съемок

Фотокорреспонденты получали съемочные задания от редакции «Пресс-клише» на регулярной основе. Они могли быть срочными – в случае необходимости откликнуться на внезапные происшествия. Однако чаще это были рутинные задания общего характера, конкретизацию которых оставляли за авторами. Их выдавали сначала при установке первичной связи, а затем расширяли, уточняли. Примером может служить письмо, адресованное К. В. Михнюку из Воронежа: «Очень рады, что Вы приняли наше предложение о фото-корреспондировании. До сих пор Воронежская губ. в снимках была чрезвычайно слабо представлена. Центрально-Черноземная область, как восстанавливаемый край, находится в центре внимания правительства. Нам очень важно иметь иллюстрацию экономического восстановления области. (Коллективизация с. х. машинизация, колхозы, совхозы, комму-

ны, артели, и т. д.)»[32]. Фотографа просили зафиксировать, каким образом экономическое развитие влияло на быт и культуру: как происходила радиофикация и кинофикация региона, как строились и оснащались школы, как велась агропросветительская деятельность. Похожую задачу поставили и перед т. Песиным из Смоленска (газета «Рабочий путь»): «Ваша задача на первых порах отобразить промышленную жизнь города, строительство новых фабрик, местное, жилищное и др. строительство. По деревне, если придется выезжать, главным образом, давайте темы по коллективизации и машинизации»[33]. В отдельных случаях более детально оговаривали локальную тематическую специфику, как, например, с Б. Р. Ренцем из Омска: «Очень рады Вашему предложению присылать нам фото-корреспонденцию из Западн. Сибири (г.Тара, Омск, Петропавловск, Павлодар, и т. д.) <...> Освещая текущие хроникерские новости, как наприм. Омские наводнения, и т. д., обратите свое внимание и на отдельные отрасли жизни и быта городских промышлен. центров. В деревне – поинтересуйтесь ростками новой советской общественности и культуры (артели, общества кред. взаимопомощи, самообложение, радиофикация, машинизация, и т. д.). Не забудьте показать и переселенцев»[34].

Рассылаемые тематические планы были сезонно ориентированы и увязаны с календарем: когда наступала весна, запрашивали материал по посевной кампании, ко Дню кооперации – «кооперацию во всех ее видах» и т. д. Такой подход во второй половине 1920-х гг. постепенно становился профессиональной нормой в области фотожурналистики: в конце 1926 г. в «Журналисте» был опубликован развернутый тематический план для съемок в деревне: «...Крестьянские комитеты взаимопомощи, общественная запашка, тракторные работы <...> красные чайные <...> Школы, больницы, ясли <...> Дома крестьянина, избы-читальни <...> Землеустройство, мелиорация и т. д.»[35]. В учебном пособии ОДСК[36] в 1930 г. размещена таблица с универсальным планом сезонных съемок (Межеричер, Яштолд-Говорко, 1930), в «Советском фото» в 1930 г. печатали месячные планы-рекомендации[37]. Когда календарно востребованные снимки редакция не получала вовремя, корреспондентам указывали на это. Причины в отдельных случаях были весьма весомые: «Насчет посева, у нас в губернии еще снег в аршин глубины лежит на полях. Как только начнется работа ваше задание будет выполнено на 100%»[38], – сообщал А. А. Статуев

23 марта 1928 г. с Брянщины. «...Вы меня журите что мало даю материала, но что же делать если из-за погоды совершенно нельзя работать. В такую погоду хороший хозяин и собаку не погонит на двор. Вот сегодня например порывы ветра достигают до 15 баллов т. е. прямо ураганной силы, – писал В. А. Соловьев из Новороссийска 19 марта 1928 г. и тут же обещался снимать, несмотря на ненастье. – Заснятые повреждения в городе и в порту незамедлю Вам выслать, хотя работать на таком ветру весьма трудно»[39]. «Посылаю Вам шесть негативов на весенние темы. Путина (рыбная ловля) хотя и началась, но в городе и поблизости еще этого не заметно», – уточнял С. А. Рябиков из Астрахани в середине апреля 1928 г.[40]

Задания могли иметь локально ориентированный характер: «Пришлите серию жизнь и быт Астрахани, работу порта, холодильника, консервного завода и т. д. Словом полней отобразите Астрахань, как центр рыбной пром. Дайте и быт полней... Заснимите жизнь и быт калмыков», – писали тому же Рябикову[41]. Когда Л. М. Сурин прислал из командировки на Кубань немецкую колонию – снимки приняли. Отсутствие же уникальности региона в остальных его кадрах вызвало возражения: «Договорились о получении от Вас отражения нашей работы на культурном фронте во всех ее видах и в последнюю очередь – типаж. Под типажем мы разумели отнюдь не то, что Вы нам прислали, такого и в Москве и под Москвой хватит. Мы имели ввиду, что Вы нам дадите казачество, а не девушек, шьющих платье, чистящих зубы, играющих на скрипке <...> Вы себе изменили»[42].

Съемки общественных деятелей не так часто дискутируются в переписке, однако по отдельным комментариям можно понять, что знаменитостей снимали (например, А. В. Луначарского). Сразу два корреспондента фотографировали приезд писателя Панаита Истрати[43] в СССР: В. А. Соловьев из Новороссийска (см. рис. 2) и С. А. Рябиков из Астрахани.

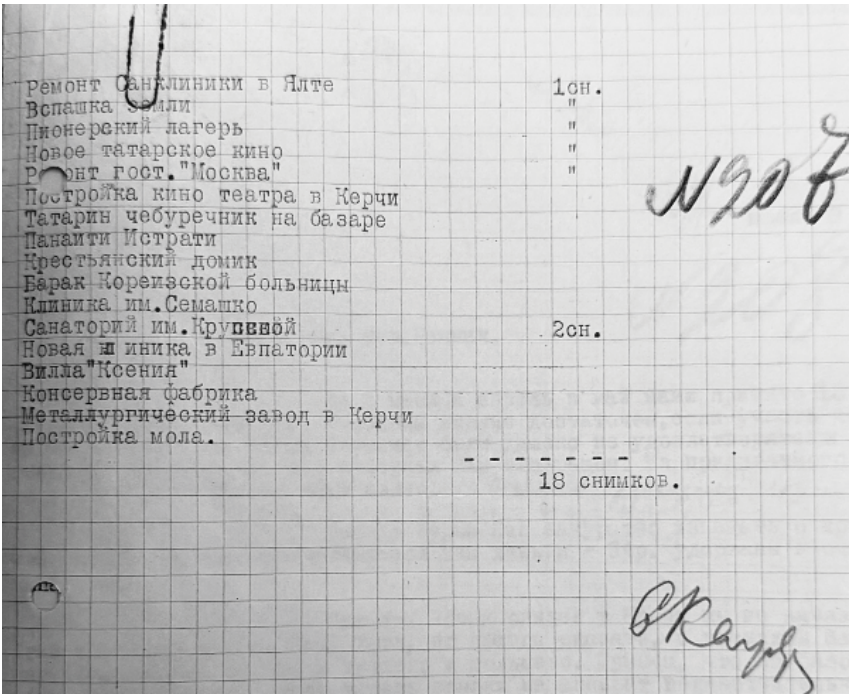

Ремонт Санклиники в Ялте 1сн.
Вспашка земли "
Пионерский лагерь "
Новое татарское кино "
Ремонт гост."Москва" "
Постройка кино театра в Керчи
Татарин чебуречник на базаре
Панаити Истрати
Крестьянский домик
Барак Кореизской больницы
Клиника им.Семашко
Санаторий им.Крупской 2сн.
Новая клиника в Евпатории
Вилла"Ксения"
Консервная фабрика
Металлургический завод в Керчи
Постройка мола.
- - - - - - -
18 снимков.

Рисунок 2. Текстовое пояснение В. А. Соловьева из Новороссийска к посылке с фотоснимками (июнь 1928 г.)

Запрашивая оперативную хронику, отправляли телеграммы: «Срочно общий вид детдиспансера кирпичного и хлебозавода»[44] (А. А. Статуеву от 23 июля 1927 г.); «Шлите процесс Ибрагимова[45]» (Н. Немчику от 24 марта 1928 г.)[46]; «...судостроение Сормове готовые шхуны» (Н. М. Капелюшу от 5 мая 1928 г.)[47]; «...снимки Малыгина Персея все относящееся экспедиции» (А. А. Суетину от 13 июня 1928 г.)[48]. Когда же спешки не было, хроникальные сюжеты запрашивали письмами, иногда даже с указанием желаемого количество кадров. «Нам известно о Ваших “новостях”, – писали в Нижний Новгород 22 мая 1928 г. – У Вас механизируют погрузочно-разгрузочные работы <...> (присылайте негативов 5) <...> Приступают к постройке первого на Волге берегового холодильника Госрыбсиндиката (негативов 5). Из Баку в Нижний “придет” канонерка “Крас.Азербайджан”, совершающая рейс с пропагандистской целью <...> (негативов – 4) <...> Пловучий дом отдыха “Жемчужина” (негатива 2)»[49]. Все это считалось интересным мате-

риалом, характерным для Нижегородской губернии. Дальний Восток имел иную сюжетную специфику. «Просим прислать нам фотографии охоты на тигров и медведей. Нас интересуют также фотографии пушных промыслов на севере, золотых приисков»[50], – корреспондировал Л. П. Межеричер Н. К. Янкову из «Амурской правды» 5 августа 1926 г. В Краснодаре большое внимание уделяли сельскому хозяйству: «В данный момент нам нужны снимки о кенафе. Уборка кенафа на полях, его обработка итд»[51], – из письма Н. Т. Арсенову от 21 августа 1926 г.

Сами фотокорреспонденты могли предлагать темы, сообразуясь с их потенциальной востребованностью в советской и заграничной печати. «Оба Ваших снимка об изобретении т Качалова приняли, – сообщали Ю. Амурскому 16 февраля 1928 г. – Эта тема представляет для нас значительный интерес и материал об изобретательстве, при хорошем техническом качестве выполнения, имеет все данные быть принятым нами»[52]. Впрочем, ответ на подобные инициативы не всегда был положительным. Так, А. А. Статуеву из Брянска казалось интересным показать работу и быт местного врача судебной медицины, который поселился с семьей в закрытой церкви, половину ее выделив под профессиональную практику. Однако редакция «Пресс-клише» посчитала, что тема востребована не будет и не рекомендовала проводить съемки.

Инструктаж по качеству исполнения фотографий

В переписке сотрудников «Пресс-клише» с фотокорреспондентами активно обсуждается качество присылаемых фотографий и сопровождающих их текстовых сообщений. Именно техническими недочетами обычно мотивировали возврат снимков: «...Не приняли <...> „Ремонт корпуса судна“ – технически очень слаб. “Ремонт на буксирном пароходе” – тема по содержан. незначительна, технические же скучнов. и блед.»[53]; «жаль, что крестьянская школа вышла не в фокусе, она была бы нам очень нужна»[54]; «снимок Яхтклуба на переднем плане весь смазан – получились двойные контуры»[55]. По мнению редакции, многие технические вопросы, возникавшие при репродуцировании снимков, можно было решить отправкой негативов вместо отпечатков: «Старайтесь присылать нам негативы; это и для нас и для Вас гораздо лучше. Вы избавляетесь от посиков[56] бумаги, печатания и получаете за негатив дороже–4р. и большую гарантию приёма»[57]. Просили упако-

вывать их получше, чтобы не покололись, поскольку бывали случаи, когда негативы доходили поврежденными. Наиболее уязвимы были стеклянные пластины, однако случались и повреждения пленок: «Негатив вы наверно послали нам еще сырой, – писали А. А. Статуеву 31 мая 1927 г., – он склеился со снимков и после того, как мы его отмочили и старались отчистить он все же никуда не годился»[58].

Выбор сюжетов также не всегда был удачным с точки зрения сотрудников «Пресс-клише». Так, ошибкой при съемке коммуны посчитали фиксацию индивидуального процесса труда (косаря или сгребающей сено девушки): в этих сценах отсутствовала массовость. Неверным также считался выбор статичных сцен, когда можно было снять жизнь в динамике: «..сюжетно материал плох. К примеру, Вы дали посевную кампанию: большая часть негативов на эту тему изображает курсы колхозников. Сама по себе тема неплоха, но не так ее следовало дать. Надо было сделать все 2–3 снимка, показывающих практическую работу курсантов по ремонту тракторов, изучению част ей сельскохозяйственных машин и тп.д. Вы же дали группы сидящих и смотрящих в аппарат ничего не делающих людей <...> такого рода снимки для прессы непригодны, не тратьте труда на зас'емку подобных вещей» (т. Ворожцову[59] от 19 апреля 1928 г.)[60]. Фотографирование статичных групп в те годы подвергали критике не только в ТАСС, но и, например, в «Советском фото» и «Огоньке», фокусируя внимание на съемках движения: «Фотография должна быть динамична – передавать движение и, по возможности, давать сюжет и участвующих лиц в действии»[61]. Такие кадры надлежало снимать репортажным методом, жизнеподобно. «Избегайте позирующих поз. Это сильно портит Ваши снимки», – писал И. П. Флеровский А. А. Суетину.[62] Фоторепортаж стал основой фотожурналистики 1920-х гг., умение снимать динамичные сюжеты свидетельствовало о высоком уровне мастерства и умении видеть «по-газетному».

Комментарии «по сюжетной неудовлетворительности» имели рабочий характер, не служили поводом прервать сотрудничество, а лишь помогали фотографу тренировать взгляд. Обсуждался не только выбор сюжетов, но и композиционные особенности кадров: их компоновка, крупность плана. «Есть грешки по части композиции, – например "в сапожной мастерской" с этой стороны весьма слабовато (ребята застывшие какие-то). Общий вид дома слишком уж мелковат. Пришлось увеличивать. Присылайте

крупным планом»,[63] – писали т. Ворожцову в Курск. При этом не забывали и похвалить: отмечали, что темы схватывает хорошо.

Расцвет фотоочерка и фотосерии в СССР принято относить к 1930-м гг., однако корреспонденция позволяет утверждать, что уже во второй половине 1920-х зарождается традиция мыслить серийно не только при съемке фоторепортажа. Так, К. В. Михнюка просили снять «серийку» о Воронеже, штрихами, в общих чертах, намечая ее наполнение: «общий вид города (панораму), местную промышл., крупные культурн. и технич. центры, отд. достопримечательн., и т.д.»[64]. Снимки рекомендовали сопроводить небольшим очерком «строк на 40». Н. Т. Арсенову заказали серию из 58 хорошо исполненных и сюжетно интересных фотографий шелководства на Кубани: «отдельные моменты шелководческого производства, а также коллективную работу, организованного в Краснодаре общества шелководов, заложившего большую плантацию»[65].

Иногда в переписке затрагивалось качество текстового сопровождения к снимкам: «В общем темы интересные, но негативы без достаточных данных оказались мало ценными. Негативы Новорэса присланы без данных: какова мощность станции, на каком топливе, район обслуживания, и т. д. Все эти сведения крайне <...> необходимы, без них снимок не интересен. А Вы ограничились парой лирических строк – возобновлены работы и на постройке занято 150 человек. Точно также и холодильник – нет конкретных полных текстовок, об'ясняющих снимки» (из письма к В. А. Соловьеву в июне 1928 г.)[66].

Снабженческая помощь

Основные модели камер, которые использовали пресс-фотографы 1920 – начала 1930-х гг., – клапп-камеры[67], зеркалки и дальномеры (Бианки, 1927). Последние только-только появились, в СССР были доступны единицам, поначалу их заказывали в Европе. В целом уровень оснащенности фотоаппаратурой и фотоматериалами в те годы оставлял желать лучшего не только в регионах, но и в столице. Поэтому в ответ на претензии сотрудников «Пресс-клише» по техническому качеству снимков или негативов фотокорреспонденты часто сетовали на слабое качество оптики, неподходящие модели камер, отсутствие расходных фотоматериалов. Ответы были разные: в одних случаях им оказывали помощь с приобретением аппаратуры, обещали высылать фотоматериалы

на регулярной основе, в других – отказывали. Фотоаппарат помогли приобрести Н. Немчику, так как район Крыма, где он работал, представлял для агентства «значительный интерес». Редакция «Пресс-клише» была готова дать аванс на покупку (фотограф сообщал, что больная дочь нуждается в санаторном лечении). Немчик прислал расписку, после чего аппарат отправили, но удерживали затем несколько месяцев суммы из его гонораров в счет погашения задолженности.

Т. Ворожцову с покупкой зеркальной фотокамеры по запрашиваемым параметрам помочь не удалось, хотя помощь оказать пробовали: «Узнавали относительно зеркалки для Вас, но порадовать Вас, к сожалению, нечем. За 200р. зеркалку не найти, на это дело надо ассигновать не менее 400–450р., разумеется, речь идет о поддержанной зеркалке – новых, вообще, в продаже нет»[68]. Указанная сумма скорее позволяла купить модель семейства клапп-камер. Именно такую помогли приобрести В. А. Соловьеву из Новороссийска за 270 руб. в счет гонорара, под залог векселем. После получения нового аппарата процент принимаемых от него кадров значительно повысился, что редакция незамедлительно отметила: «Из Вашей последней присылки мы приняли 10 негатив и 2 заметки к ним, оцененные в 2 р. 50 к. С удовлетворением констатируем хорошее качество негативов, показывающих, что посланный Вам аппарат удачен»[69]. В случае же Н. Немчика незамедлительных улучшений в регулярности отправок не последовало, и это тоже было отмечено: «По правде сказать, с посылкой Вам аппарата мы ждали от Вас и лучшего и большего. Думаем, Вы разовьете темп своей работы, ведь теперь ссылки на аппарат недействительны, а пластинками всегда поможем»[70]. О готовности помогать пластинами писали и С. А. Рябикову. А когда у него пришла «в абсолютную ветхость» штора в аппарате, а многочисленные запросы на госпредприятия и к частным лицам результата не дали, ему прислали шторный материал: «Сейчас в Москве почти невозможно найти что либо лучшее, и мы были вынуждены купить штору, бывшую в употреблении. По своей величине эта штора даст Вам возможность выкроить нужный Вам размер»[71].

Регулярными были отправки бумаги и пластинок, что было одним из стимулов к сотрудничеству с «Пресс-клише» для многих региональных корреспондентов[72]. Бумагу отправляли отечественного производства (преимущественно бромистую, по гос. ценам), заграничную сложно было достать и в самой Москве.

Заключение

Процесс формирования сети фотокорреспондентов «Пресс-клише» ТАСС сочетал в себе стратегическую продуманность и спонтанность: проработанный алгоритм выбора тем съемки в каждом регионе обретал индивидуальное воплощение, обусловленное степенью инициативности снимавших, их технологическими и административными возможностями.

По мере удаления от столицы ожидания на получение оперативной хроники снижались, уступая место запросу на показ этнографической и иной самобытности территории.

Индустриальные и сельскохозяйственные темы интересовали редакцию «Пресс-клише» больше, нежели политическая повестка: развитие молодого советского государства планировали показывать, демонстрируя строительство новых промышленных сооружений, внедрение коллективных методов работы на селе, возведение социально значимых и культурных объектов. «Политическая чуткость» проявлялась, главным образом, в отклике на громкие процессы (Шахтинское дело, Дело Ибрагимова). В совокупности тематические планы демонстрируют, что журналистскую фотографию мыслили как идеологический инструмент, способный показать гражданам страны и миру прогрессивные и уникальные грани жизни молодого советского государства. Эстетический канон при этом не выходил за рамки реалистической модели отображения мира (Steila, 2021; Tupitsyn, 1996).

Деловая переписка с фотокорреспондентами может рассматриваться как форма производственного обучения: «практические замечания» по выбору сюжетов, техническому исполнению и композиционному построению кадров, а также структуре сопровождавших их текстовых сообщений помогали формировать особое фотожурналистское видение, оттачивать навык съемки «по-газетному». Комментарии редакции по поводу каждого конкретного набора негативов или фотоотпечатков могут быть обобщены до универсальных методических рекомендаций.

Примечания

[1] *Г. П.* Фотографирование для журналов и газет // Советское фото. 1929. № 1. С. 5–7 (Прим. автора: здесь и далее при цитировании сохранены орфография и пунктуация оригинала).

[2] *Микулин В.* Как фотографировать для «Огонька» // Огонек. 1925. № 28. С. 15.

[3] *Г. П.* Фотографирование для журналов и газет // Советское фото. 1929. № 1. С. 5–7.

[4] ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 11. Д. 448. Л. 21.

[5] Клейншмидтограмма – корреспонденция, переданная при помощи буквопечатающего аппарата, который получил название в честь своего изобретателя, инженера Эдварда Клейншмидта (1876–1977). В отличие от телеграфа, такой аппарат передает сообщение на расстояние не символическим способом при помощи точек и тире, а буквенным. По внешнему виду он похож на пишущую машинку: клавиатура здесь также предназначена для набора текстового сообщения. Передаваемые сообщения коротки, длиной всего в несколько слов. Как и в телеграммах, при наборе избегают знаков препинания. Редакции активно использовали такие аппараты в СССР во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг.

[6] Внутреннее подразделение «Пресс-клише», в обязанности которого входила работа по производству фотоинформации.

[7] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 144. Л. 117.

[8] По согласованию с сотрудниками «ИТАР-ТАСС» автором было принято решение о написании названия в соответствии с нормами современного русского языка: «Пресс-клише».

[9] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 5. Д. 34. Л. 36.

[10] АО «Унион-фото» – советское фотоагентство, которое было ориентировано прежде всего на зарубежный рынок. В 1931 г., как и «Пресс-клише», было расформировано, став базой для организации единого союзного агентства АО «Союзфото».

[11] *Румянцев И.* Работу массового отдела на обсуждение фотокоров // Фотокор. 1932. № 24 (34). С. 2.

[12] Резолюция 4-го Всесоюзного Совещания рабселькоров о фото-работе // Советское фото. 1929. № 1. С. 3–4.

[13] Работа ленинградских фотокорреспондентов в настоящей статье подробно не рассмотрена и является темой отдельной публикации автора: в Ленинграде функционировало представительство «Пресс-клише», единственное на территории РСФСР, формат его работы отличался от формата работы индивидуальных корреспондентов и уполномоченных.

[14] Российское телеграфное агентство (РОСТА) организовано Постановлением Президиума ВЦИК от 7 сентября 1918 г. на базе Петроградского телеграфного агентства (ПТА) и Бюро Печати при СНК. В конце 1920 г. было передано из ведения ВЦИК в Главполитпросвет Наркомпроса РСФСР. С 1925 г. функционировало как агентство РСФСР «под руководством ТАСС», наряду с агентствами других республик, которые прежде находились в подчинении РОСТА. Расформировано в 1935 г.

[15] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 144. Л. 189.

[16] В переписке встречается как сокращенное наименование Благовещенск, так и полное – Благовещенск на Амуре (в те годы писали без дефисов).

[17] С лейкой и с блокнотом... // Коммуна. 2019. Авг., 31. Режим доступа: https://communa.ru/redakcia/istoriya-gazety/o-chyem-pisala-kommuna/240291/ (дата обращения: 28.09.2025).

[18] Марк // «Мне бесконечно жаль»: архивный веб-сайт о семьях И. Д. Шмелева и В. А. Макарова, 16.09.2022. Режим доступа: https://semya-shmelyovyh.ru/mark/ (дата обращения: 4.11.2025).

[19] Капелюш Нисон Моисеевич // Нижегородская биографическая энциклопедия, без даты. Режим доступа: https://www.names52.ru/k/tpost/dg5zylxek1-kapelyush-nison-moiseevich (дата обращения: 28.09.2025).

[20] Северо-Кавказский край – административно-территориальная единица на территории РСФСР, существовавшая с 16 октября 1924 по 13 марта 1937 г. Вклю-

чал 10 округов (Аравийский, Кубанский, Сальский, Черноморский, Шахтинско-Донецкий и др.), города Ростов-на-Дону и Владикавказ на правах округов (первый был центром края) и шесть автономных областей – Адыгейскую, Ингушскую, Кабардино-Балкарскую, Карачаевскую, Северно-Осетинскую, Черкесскую, Чеченскую (Административно-территориальное деление Союза ССР и список важнейших населенных пунктов с хронологическим перечнем постановлений об изменении границ губерний, областей и республик с 1917 до 1929 г. Изд. 8-е. М.: Изд-во народного комиссариата внутренних дел, 1929. С. 68–71).

[21] Центрально-земледельческим районом здесь, вероятно, именуется Центрально-Черноземная область, центром которой в тот момент был г. Воронеж. Включала 11 округов – Белгородский, Борисоглебский, Воронежский, Орловский, Россошанский, Тамбовский и др. (Административно-территориальное деление Союза ССР и список важнейших населенных пунктов с хронологическим перечнем постановлений об изменении границ губерний, областей и республик с 1917 до 1929 г. Изд. 8-е. М.: Изд-во народного комиссариата внутренних дел, 1929. С. 82–85).

[22] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 144. Л. 191.

[23] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 5. Д. 36. Л. 45.

[24] В таблице представлены сведения о начисленных гонорарах и не включены данные об удержаниях за фотоматериалы и фотооборудование, а также компенсации за почтовые расходы. Информация об опечатках при указании инициалов фотокорреспондентов (в ведомости № 323 от 6 мая 1927 г. И. М. Факторов обозначен как А. М. Факторов, в ведомостях № 487 от 26 августа 1927 г. и № 506 от 2 сентября 1927 г. ошибочно указаны инициалы А. А. Статуева и др.) в публикуемую версию таблицы также не были включены. Январь 1927 г. исключен из таблицы, т. к. сведений о начислениях в этом месяце перечисленным фотокорреспондентам не обнаружено.

[25] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 5. Д. 34. Л. 62.

[26] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 5. Д. 34. Л. 58.

[27] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 144. Л. 242.

[28] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 5. Д. 34. Л. 58.

[29] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 144. Л. 18.

[30] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 144. Л. 15.

[31] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 144. Л. 17.

[32] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 144. Л. 303.

[33] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 144. Л. 213.

[34] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 144. Л. 240.

[35] З. Б. О деревенском фото-корреспонденте // Журналист. 1926. № 11. С. 58–59. С. 59.

[36] Общество друзей советского кино (ОДСК) – добровольная общественная организация, нацеленная на помощь в кинофикации и фотофикации страны. Создана в 1925 г. по инициативе Ассоциации революционной кинематографии (АРК) и Главполитпросвета Наркомпроса РСФСР. В 1928 г. на Курсах ОДСК было открыто фотографическое отделение. Обучение было заочным, слушателям высылали тематические пособия.

[37] Что снимать? // Советское фото. 1930. № 4. С. 126; Что снимать в апреле // Советское фото. 1930. № 7. С. 197.

[38] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 144. Л. 198.

[39] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 144. Л. 118.

[40] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 144. Л. 22.

[41] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 144. Л. 20.

[42] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 144. Л. 5.

[43] Панаит Истрати (1884–1935) – писатель греко-румынского происхождения, писал на французском языке. Р. Роллан сравнивал его с Максимом Горьким («бал-

канский Горький», «французский Горький»), А. Брауде позиционировал как писателя-романтика (1928). Истрати приезжал в СССР в 1927 г., к десятилетию Октябрьской революции, и повторно в 1928–1929 гг. Корреспондировал для журнала «Огонек», подготовил трилогию «К другому пламени: после шестнадцати месяцев в СССР». Критическая позиция автора по отношению к молодой Стране Советов спровоцировала всплеск резких комментариев в советской прессе, и уже в 1929 г. его отношения с Советским Союзом ухудшились.

[44] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 5. Д. 34. Л. 50.

[45] Вели Ибрагимов (Ибраимов) (1888–1928) – большевик, Председатель КрымЦИКа, Председатель Крымского общества помощи переселенцам и расселенцам. Осужден за «политический бандитизм» в 1928 г., реабилитирован прокуратурой Крымской области в 1990 г.

[46] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 144. Л. 205.

[47] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 144. Л. 212.

[48] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 144. Л. 214.

[49] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 144. Л. 211.

[50] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 5. Д. 33. Л. 78.

[51] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 5. Д. 36. Л. 46.

[52] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 144. Л. 281.

[53] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 144. Л. 20.

[54] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 5. Д. 34. Л. 36.

[55] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 5. Д. 32. Л. 119.

[56] Следует читать: поисков.

[57] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 144. Л. 189.

[58] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 5. Д. 34. Л. 55.

[59] Предположительно – М. Ворожцов. Адресация – Курск, Военный Трибунал Корпуса.

[60] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 144. Л. 290.

[61] Микулин В. Как фотографировать для «Огонька» // Огонек. 1925. № 28. С. 15.

[62] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 5. Д. 32. Л. 1.

[63] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 144. Л. 289.

[64] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 144. Л. 303.

[65] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 5. Д. 36. Л. 44.

[66] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 144. Л. 109.

[67] Клапп-камера – разновидность фотоаппарата, в котором объективная доска выдвигается вперёд системой металлических распорок. Фокусировку объектива производят, вращая его червячную опору.

[68] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 144. Л. 290.

[69] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 144. Л. 121.

[70] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 144. Л. 206.

[71] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 144. Л. 21.

[72] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 5. Д. 32. Л. 120 об.

Библиография

Бианки А. В. Фотографическая съемка (Библиотека журнала «Советское фото». Кн. 6). М.: Акционерное издательское общество «Огонек», 1927.

Болтянский Г. Очерки по истории фотографии в СССР. М.: Госкиноиздат, 1939.

Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР (1927–1941). М.: Политическая энциклопедия, 2017.

Брауде А. Творчество Панаита Истрати // Печать и революция. 1928. Кн. 5. С. 120–126.

Дадамян Г. Г. Атлантида советского искусства. 1917–1991. Ч. 1. 1917–1932. М.: РОСА, 2021.

Дашкова Т. Идеология в лицах. Формирование визуального канона в советских журналах 1920-х–1930-х годов // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность / под ред. *Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова, В. Л. Круткина*. Саратов: Научная книга, 2007. С. 436–466.

Жирков Г. В. Журналистика периода великого эксперимента: НЭП (1921–1927). М.: Флинта, 2021.

Межеричер Л. П., Яштолд-Говорко В. А. Фотография в прессе, науке, технике и хозяйстве. М.: Теакинопечать, 1930.

Мозгова Г. Г., Цейтлин С. И. Фотомастерская Иваново-Вознесенского пролеткульта // На пути к гражданскому обществу. 2025. № 2. С. 55–62.

Ромакина М. А. Условия сотрудничества фотокорреспондентов с «Союзфото» (по материалам газеты «Фотокор» 1931–1933 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2023. № 3. С. 92–116. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2023.92116

Kenez P. (1985) *The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929*. Cambridge: Cambridge University Press.

Steila D. (2021) Knowledge as Film vs. Knowledge as Photo: Alternative Models in Early Soviet Thought. *Cultural science* 1 (13): 211–222.

Stolarski Ch. (2013) *The Rise of Photojournalism in Russia and the Soviet Union, 1900–1931. PhD Thesis*. Baltimore: Maryland.

Tupitsyn M. (1996) *The Soviet Photograph, 1924–1937*. New Haven; Connecticut: Yale University Press.

Notes

Chto snimat' v aprele [What to Shoot in April]. *Sovetskoe foto*. 1930. No. 7: 197.

Chto snimat'? [What to Shoot?]. *Sovetskoe foto*. 1930. No. 4: 126.

G. P. (1929) Fotografirovanie dlya zhurnalov i gazet [Photographing for Magazines and Newspapers]. *Sovetskoe foto* 1: 5–7.

GARF. F. R-391. Op. 1. D. 144 [State Archive of the Russian Federation. F. R-391. Inv. 1. File 144].

GARF. F. R-391. Op. 5. D. 32 [State Archive of the Russian Federation. F. R-391. Inv. 5. File 32].

GARF. F. R-391. Op. 5. D. 33 [State Archive of the Russian Federation. F. R-391. Inv. 5. File 33].

GARF. F. R-391. Op. 5. D. 34 [State Archive of the Russian Federation. F. R-391. Inv. 5. File 34].

GARF. F. R-391. Op. 5. D. 36 [State Archive of the Russian Federation. F. R-391. Inv. 5. File 36].

GARF. F. R-4459. Op. 11. D. 448 [State Archive of the Russian Federation. F. R-4459. Inv. 11. File 448].

Kapelyush Nison Moiseevich. *Nizhegorodskaya biograficheskaya entsiklopediya* [Nizhny Novgorod Biographical Encyclopedia]. Available at: https://www.names52.ru/k/tpost/dg5zylxek1-kapelyush-nison-moiseevich (accessed: 28.09.2025).

Mark [Mark]. *«Mne beskonechno zhal'»: arkhivnyy veb-sayt o sem'yakh I. D. Shmeleva i V. A. Makarova* ["I Am Infinitely Sorry": An Archival Website about the Families of I.D. Shmelev and V.A. Makarov], 16.09.2022. Available at: https://semya-shmelyovyh.ru/mark/ (accessed: 4.11.2025).

Mikulin V. (1925) Kak fotografirovat' dlya «Ogon'ka» [How to Photograph for "Ogonyok"]. *Ogonek* 28: 15.

Rezolyutsiya 4-go Vsesoyuznogo Soveshchaniya rabsel'korov o foto-rabote [Resolution of the 4th All-Union Conference of Workers' and Rural Correspondents on Photography]. *Sovetskoe foto*. 1929. No. 1: 3–4.

Rumyantsev I. (1932) Rabotu massovogo otdela na obsuzhdenie fotokorov [The Work of the Mass Department for Discussion by Photo Correspondents]. *Fotokor* 24 (34): 2.

S leykoy i s bloknotom... [With a Leica and a Notebook...]. *Kommuna,* 31.08.2019. Available at: https://communa.ru/redakcia/istoriya-gazety/o-chyem-pisala-kommuna/240291/ (accessed: 28.09.2025).

Z.B. (1926) O derevenskom foto-korrespondente [About the Rural Photo Correspondent]. *Zhurnalist* 11: 58–59.

References

Bianki A.V. (1927) *Fotograficheskaya s'emka (Biblioteka zhurnala «Sovetskoe foto». Kn. 6)* [Photographic Shooting (Library of the Magazine "Soviet Photo". Book 6)]. Moscow: Ogonek Publ. (In Russian)

Boltyanskiy G. (1939) *Ocherki po istorii fotografii v SSSR* [Essays on the History of Photography in the USSR]. Moscow: Goskinoizdat Publ. (In Russian)

Brandenberger D. (2017) *Krizis stalinskogo agitpropa: Propaganda, politprosveshcheniye i terror v SSSR (1927–1941)* [The Crisis of Stalin's Agitprop: Propaganda, Political Education, and Terror in the USSR (1927–1941)]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ. (In Russian)

Braude A. (1928) Tvorchestvo Panaita Istrati [Oeuvre of Panait Istrati]. *Pechat' i revolyutsiya* 5: 120–126. (In Russian)

Dadamyan G. G. (2021) *Atlantida sovetskogo iskusstva. 1917–1991. Ch. 1. 1917–1932.* [Atlantis of Soviet Art. 1917–1991. Part 1. 1917–1932]. Moscow: ROSA Publ. (In Russian)

Dashkova T. (2007) Ideologiya v litsakh. Formirovaniye vizual'nogo kanona v sovetskikh zhurnalakh 1920-kh–1930-kh godov [Ideology in Faces. Formation of the Visual Canon in Soviet Magazines of the 1920s–1930s]. In: *Vizual'naya antropologiya: novyye vzglyady na sotsial'nuyu real'nost'* [Visual Anthropology:

New Views on Social Reality] / Ed. by E.R. Yarskaya-Smirnova, P. V. Romanov, V. L. Krutkin. Saratov: Nauchnaya kniga Publ. Pp. 436–466. (In Russian)

Kenez P. (1985) The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929. Cambridge: Cambridge University Press.

Mezhericher L. P., Yashtold-Govorko V. A. (1930) Fotografiya v presse, nauke, tekhnike i khozyaystve [Photography in the Press, Science, Technology and Business]. Moscow: Teakinopechat' Publ. (In Russian)

Mozgova G.G., Tseytlin S.I. (2025) Fotomasterskaya Ivanovo-Voznesenskogo proletkul'ta [Photo Atelier of the Ivanovo-Voznesensk Proletkult]. *Na puti k grazhdanskomu obshchestvu*. [Towards a Civil Society] 2: 55–62. (In Russian)

Romakina M.A. (2023) Usloviya sotrudnichestva fotokorrespondentov s «Soyuzfoto» (po materialam gazety «Fotokor» 1931–1933 gg.) [Terms of Cooperation of Photojournalists with Soyuzfoto (based on materials from the "Photocor" newspaper, 1931–1933)]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* [Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism] 3: 92–116. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2023.92116 (In Russian)

Steila D. (2021) Knowledge as Film vs. Knowledge as Photo: Alternative Models in Early Soviet Thought. *Cultural science* 1(13): 211–222.

Stolarski Ch. (2013) *The Rise of Photojournalism in Russia and the Soviet Union, 1900–1931. PhD Thesis*. Baltimore: Maryland.

Tupitsyn M. (1996) *The Soviet Photograph, 1924–1937*. New Haven; Connecticut: Yale University Press.

Zhirkov G.V. (2021) *Zhurnalistika perioda velikogo eksperimenta: NEP (1921–1927)* [Journalism during the Great Experiment Period: NEP (1921–1927)]. Moscow: Flinta Publ. (In Russian)

Поступила в редакцию
21.11.2025

Словохотова Вероника Юрьевна, аспирантка кафедры зарубежной журналистики и литературы, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; e-mail: veronika.v.strane.chudes@yandex.ru, ORCID 0000-0003-4807-7798

ЖАНР ОБЗОРА ПРЕССЫ В МУЗЫКАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ БОРИСА ВИАНА: СТРУКТУРНО-КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ИХ РОЛЬ В КОММУНИКАЦИИ С ЧИТАТЕЛЯМИ

Французский писатель Борис Виан почти одиннадцать лет, с 1947 по 1958 г., занимался обзорами прессы в парижском музыкальном журнале «Джаз Хот». Обзоры вобрали в себя редакционную рубрику ответов читателям, в результате чего постепенно коммуникация журнала с аудиторией становилась все более интенсивной и насыщенной. Впервые проведенный анализ полного архива авторских обзоров прессы показал, что Виан с помощью литературно-журналистской игры превратил обзор прессы в особую форму взаимодействия с аудиторией, где каждый структурный элемент работал на то, чтобы создать эффект присутствия и спонтанного разговора с читателями в режиме реального времени. Разговор вел созданный Вианом герой-«депрессообзорщик», который делал рубрику узнаваемой, появляясь из номера в номер и рассказывая не только о новинках джазовой прессы, но и о своей жизни, настроении, тяготах профессии, музыкальных вкусах. Создавая иллюзию близости к обозревателю и эффект живой беседы, Виан провоцировал читателей присылать в редакцию письма и вступать в реальный диалог. Фрагменты журналистских текстов Виана приводятся в русском переводе впервые.

***Ключевые слова**: Борис Виан, Jazz Hot, обзор прессы, аудитория, джаз, музыкальная журналистика.*

Как цитировать: *Словохотова В. Ю.* Жанр обзора прессы в музыкальной журналистике Бориса Виана: структурно-композиционные особенности и их роль в коммуникации с читателями // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2026. № 1. С. 130–151. DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.1.2026.130151

Veronika Yu. Slovokhotova, PhD student, Department of the Foreign Journalism and Literature, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: veronika.v.strane.chudes@yandex.ru, ORCID 0000-0003-4807-7798

THE GENRE OF PRESS REVIEW IN BORIS VIAN'S MUSIC JOURNALISM: STRUCTURAL AND COMPOSITIONAL FEATURES AND ITS ROLE IN COMMUNICATION WITH READERS

French writer Boris Vian spent nearly eleven years, from 1947 to 1958, reviewing press for the Parisian music magazine Jazz Hot. The reviews incorporated an editorial column of responses to readers, after which the magazine's communication with its audience gradually became intense and rich. The first analysis of the complete archive of author press reviews revealed that Vian, through literary and journalistic play, transformed the press review into a special form of interaction with readers, where every structural element worked to create the effect of presence and spontaneous conversation with readers in real time. This conversation was led by a character created by Vian, a "revuedepressiste", who made the column recognizable by appearing from issue to issue of the magazine and telling not only about the latest jazz press but also about his life, mood, the hardships of his profession, and his musical tastes. By creating the illusion of closeness to the reviewer and the effect of a lively conversation, Vian encouraged readers to send letters and enter into a real dialogue. Vian's journalistic texts are published in Russian for the first time.

***Key words**: Boris Vian, Jazz Hot, press review, audience, jazz, music journalism.*

To cite this article: Slovokhotova V. Yu. (2026) Zhanr obzora pressy v muzykal'noy zhurnalistike Borisa Viana: strukturno-kompozitsionnye osobennosti i ikh rol' v kommunikatsii s chitatelyami [The genre of press review in Boris Vian's music journalism: structural and compositional features and its role in communication with readers]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* 1: 130–151. DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.1.2026.130151

DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.1.2026.130151

Постановка проблемы и обзор литературы

Французский писатель Борис Виан с 1946 по 1958 г. сотрудничал с ежемесячником «Джаз Хот» (*Jazz Hot*) – старейшим в мире и одним из самых авторитетных джазовых журналов во Франции середины XX в. (Dingle (ed.), 2019; Perchard, 2015).

Для многих французов, в основном для молодежи, в послевоенный период джаз был символом свободы и сопротивления, однако обыватели, как и в начале века, считали его «музыкой дикарей» (Jordan, 2010; Marchand, 2009: 218). С 1939 по 1959 г. число поклонников джаза во Франции увеличилось примерно в десять раз и достигло 50 000 человек[1], чему активно способствовали СМИ (Tournès, 2001; McGregor, 2016). Лидерами среди печатных специализированных изданий были «Джаз Хот» и «Джаз магазин» (*Jazz Magazine)*. Тиражи этих журналов в середине 1950-х достигали 15 000 экземпляров, тогда как тиражи других джазовых изданий едва превышали 3000–4000 (Perchard, 2015).

В 1947 г. «Джаз Хот» начал общаться с читателями[2] в минирубрике «Джаз Хот вам отвечает» (*Jazz Hot Vous Repond*), где на письма кратко отвечали разные члены редакции (JH, №18, 19, 20, 21, 23). Однако затем рубрика фактически влилась в недавно появившийся обзор французской и зарубежной прессы о джазе (*Revue de Presse)*, который вел Борис Виан, к тому моменту известный как романист и джазмен-любитель. Журнал предпринимал попытки сделать «Почту читателей» (*Courrier des lecteurs*) отдельной рубрикой и отдать ее другим авторам, однако долгое время она появлялась спорадически. Так, в 1949 г. находим ее только в № 39; в 1950 – в №№ 40, 48; в 1951 – в №№ 57 и 59, где она служит дополнением к обзору пластинок (*Courrier, chroniques de disques*); в 1952 г. рубрика появляется в №№ 63, 64, 65*,* 69, в 1953 – в № 78. В эти годы на письма по-прежнему отвечал в основном Борис Виан в обзорах прессы. Даже когда в 1955 г. «Почту читателей» взял на себя джазовый музыкант и сотрудник редакции Мишель де Виллер, читатели все равно продолжали отправлять письма Виану – и он отвечал им вплоть до своего последнего обзора в 1958 г.

Наше исследование функциональных характеристик аудитории журнала (Словохотова, 2025) показало, что читатели «Джаз Хот» присылали Виану статьи о джазе, которые тот не успевал отследить (такие читатели получили прозвище «ищейки»), а также вступали с ним в письменную полемику или, наоборот, присылали письма в знак поддержки, делились своими новостями, идеями, просили совета, шутили и просто беседовали с ним как с давним знакомым. Более того, когда Виан ушел с должности обозревателя и его место занял другой журналист, это вызвало серьезный резонанс: читатели не хотели прощаться с полюбившимся автором.

Однако Виан не просто отвечал на письма внутри обзора прессы – для общения с аудиторией он использовал все пространство обзора целиком. Чтобы выяснить, какие коммуникационные возможности жанра нашел Виан, мы предприняли попытку выделить устойчивые структурные элементы обзоров прессы и журналистские приемы, с помощью которых Виан выстраивал диалог с читателями. Для анализа мы привлекли весь корпус текстов – 107 обзоров, написанных Вианом для «Джаз Хот» с 1947 по 1958 г.

На сегодняшний день в трудах российских исследователей представлена общая история развития французской прессы XIX–XXI вв. (Аникеев, 1999; Шарончикова, 2006). Отдельно рассматривалась еженедельная и региональная пресса (Сухорукова, 1993; Соломонов, 2003), а также массовая французская газета (Захарова, 2013). Специализированная пресса Франции, в частности музыкальные издания XX в., остается малоизученной.

Музыкальная журналистика Бориса Виана не исследована в России как минимум по двум причинам. Во-первых, из-за отсутствия переводов на русский язык, во-вторых, из-за труднодоступности полного собрания сочинений Виана[3] и выпусков «Джаз Хот». Нам удалось ознакомиться с оцифрованным архивом журнала в Национальной библиотеке Франции. И хотя журналистские материалы Виана систематизированы в полном собрании сочинений, мы посчитали важным обратиться к «Джаз Хот», чтобы оценить место обзоров прессы внутри журнала, а также их визуальную составляющую.

Зарубежные авторы неоднократно проявляли интерес к музыкальной журналистике Виана, при этом их интересовала либо эстетическая, либо историческая сторона вопроса. Документальные сведения, связанные с работой Виана-журналиста, зафиксированы в книге *Boris Vian, Le Swing Et Le Verbe* (Bertolt, Roulmann, 2008) и в современных его биографиях (Marchand, 2009; Boggio 2009). Социально-эстетические взгляды Виана-журналиста рассмотрены в диссертациях Кристофера Джонса и Жюли Швейцер (Jones, 1994; Schweitzer, 2005). Также всесторонне изучена история ассимиляции джаза во французской культуре (Jordan, 2010; Lane, 2013; Perchard, 2015; Braggs, 2016; McGregor, 2016; Moore, 2021), что позволяет реконструировать культурно-исторический фон и вписать журналистику Виана в контекст эпохи. Однако чтобы оценить журналистскую технику

Виана и выявить приемы его работы с аудиторией, необходимо обратиться непосредственно к первоисточникам.

Место и оформление обзоров прессы в «Джаз Хот»

Рубрика «Обзор прессы», сразу же заявленная как авторская (*Revue de Presse par Boris Vian)*, располагалась ближе к середине или во второй половине журнала. Первое время, с 1947 по 1950 г., она выходила, как правило, на развороте, причем с двух сторон ее обрамляла реклама, обычно иллюстрированная: рекламировались музыкальные инструменты, проигрыватели, пластинки. Название рубрики печаталось одним и тем же шрифтом, всего два раза в ней появились карикатуры на музыкантов (№№ 35 и 37). Таким образом, «точкой входа» на разворот была именно реклама, которая с помощью иллюстраций и крупного шрифта перетягивала внимание читателей со «слепой» верстки обзора.

С 1950 и до конца сотрудничества Виана с «Джаз Хот» в 1958 г. обзор практически всегда выходил на одной полосе, редкой рекламе отводится «подвал», на первый план выступал виановский текст. С обзором отныне соседствовали статьи других авторов, рубрики «Джаз и радио» (*Jazz et Radio*) и «Книги» (*Les livres*), фото джазовых знаменитостей на всю противоположную полосу. С октября 1954 (№ 92) в оформлении рубрики «Обзор прессы» использовались иллюстрации. Первый вариант – шарж на Бориса Виана[4]: худощавый, с утрированно длинными руками и ногами человек пытается перьевой ручкой писать обзор, будучи зажатым пресс-папье (№№ 92–99, 102). В другом варианте оформления (№№ 101, 103–104) название рубрики печатается буквами разных шрифтов на виньетке в виде россыпи газет и журналов. В № 105 рядом с названием снова помещается шарж на Виана – портрет в профиль. В следующих выпусках вместо шаржа появляется фото глаза как метафора всевидящего ока, наблюдающего за прессой (№№ 106–116, 128–129), а также еще один шарж: на недовольном лице Виана-обозревателя акцентированы густые нависшие брови и острый нос (№№ 118–127, 130). Заметно, что с годами оформление рубрики стало подчеркивать ее авторское начало, а сам обзор начал занимать главенствующее место на полосе.

Структура обзоров

По словам Андре Клерже, одного из редакторов «Джаз Хот», Виан писал обзоры прессы экспромтом и сдавал рукописи в последний момент. Клерже привозил материалы к нему домой на Сите Верон и каждый раз наблюдал одну и ту же сцену: Виан работал сразу над несколькими текстами, отвлекался на свежие газеты и журналы для «Джаз Хот», затем быстро отбирал достойные внимания и принимался за обзор. Примерно через три четверти часа рукопись отправлялась прямо в типографию на площади Жан-Батиста-Клемана. «Поскольку этот текст не был машинописным, у меня всегда возникало некоторое беспокойство, ибо типографы не обязательно люди высококультурные. По счастью, у Бориса был очень разборчивый почерк. На следующий день, когда текст был набран, мне было практически нечего править», – вспоминал Клерже (Marchand, 2009: 218–219).

Импровизационный характер обзоров прессы отразился на их форме. Каждый обзор представлял собой обращенный к читателям спонтанный рассказ о событиях в мире джаза, а композиционные элементы этого рассказа непредсказуемо возникали, исчезали или трансформировались, что придавало каждому обзору новизну и неожиданность.

1. Вступления: автор-«депрессообзорщик»

Обзоры прессы объединяет фигура автора, именно он все годы был главным героем рубрики. Виан писал от первого лица, однако его авторское «я» граничит с журналистско-литературной маской обозревателя-сорванца, который наделен именем и биографическими чертами самого Виана: этот герой иронизирует над репутацией «порнографа», полученной им из-за скандальных романов (№№ 30, 48, 60, 87), играет на музыкальных фестивалях (№ 37), питает слабость к раритетным автомобилям (№ 45) и, конечно, сотрудничает с «Джаз Хот».

В одном из вступлений герой назвал себя *revuedepressiste*[5] (№ 68: 20). Окказионализм образовался присоединением к *revue de presse* («обзор прессы») суффикса. Мы предлагаем в качестве перевода на русский язык вариант «депрессообзорщик» – человек, который в спешке занимается обзором прессы, тонет в количестве газет, журналов и писем, сдает рукопись в последнюю секунду, буквально попадая под печатный пресс (*presse* с фр. «необходимость торопить-

ся, вызванная срочной работой», «печатное устройство», а также «пресса»), и, как следствие, пребывает в подавленном состоянии (*dépression*). Окказионализм явно рифмуется с шаржами и всецело отвечает духу языковой игры, характерной для Виана-писателя (Косиков, 1983; Макарова, 2008; Минасян, 2013).

Во вступлениях «депрессообзорщик» рассказывал читателям о своей жизни, ремесле и настроении, а также о редакционной кухне. Так, в № 27 он сетует на то, что ему совершенно не о чем писать: «Мне не везет, каждый раз, когда я хочу быть злюкой, мне нечем поживиться[6], потому что журналы не приходят в *Jazote*»[7] (№ 27: 20). Из вступления в № 36 читатели узнают, каким путем к герою попадают газеты и журналы, а также получают иронично приукрашенные сведения о его гонорарах[8]: «Мои загорелые пульпике[9], я полагаю, что нынче вы все вернулись из отпусков и готовы снова вооружиться священным факелом джаза против всех злобных поклонников Чарли Блана и Ивонн Кунц[10]. Поэтому без дальнейших церемоний я набрасываюсь на журналы, которые шеф накопил за долгие месяцы бездействия, – он их так и не открыл, ибо для этого здесь я: за это так хорошо платят, что я ни на мгновение не подумал бы уклониться от сей обременительной обязанности ...» (№ 36: 16).

От рассказов о делах редакции «депрессообзорщик» виртуозно переходит к рассказам о своей жизни и увлечениях. Во вступлении к обзору в № 45 он сообщает, что получил от Шарля Делоне, редактора «Джаз Хот», совсем немного прессы, поэтому спешит поведать о своем недавнем приобретении – раритетном автомобиле: «К счастью, Шарль мне почти ничего не дал. Я собираюсь этим воспользоваться. По существу, присочинив, я мог бы сказать, что он мне вообще ничего не дал. Это было бы очередной ложью (превосходно), да и к тому же я был бы посвободнее, чтобы замарать руки в масле[11]. Ибо, должен вам признаться, я только что купил потрясающий *Richard Brasier* 1911[12]...». Расхваливая достоинства покупки, Виан-обозреватель словно забывает о работе, но спохватывается через несколько строк и возвращается «к этому дьявольскому обзору прессы» (№ 45: 21).

Не все читатели разделяли взгляды и музыкальные предпочтения Виана, многих возмущала дерзкая манера письма, и Виан не упускал шанса вместе со своим героем над такими читателями позлорадствовать. Так, в № 52 обзор прессы не появился, и это послужило поводом написать в следующем выпуске: «Читателям

Jazote (примерно одиннадцать тысяч, не считая кларнетистов диксиленда), которые на радостях написали руководству этого журнала, что наконец избавились от моего обзора прессы, привет» (№ 52: 19). Обыгрывая еще один пропуск, во вступлении к обзору для № 63 Виан устами «депрессообзорщика» высказывает свою точку зрения на музыкальную прессу как таковую и доводит мысль до абсурда: «По счастливой, совершенно чудесной для читателей журнала случайности обзор прессы для предыдущего номера, сразу же подготовленный, сбился с пути и канул в воду; из этого можно было сделать впечатляющий вывод: по сути, от прессы нет никакого толку (не спрашивайте меня подробно о способе рассуждения, с помощью которого мы приходим к этому поразительному умозаключению, это чрезвычайно замысловато, в игру вступают Гегель, и Маркс, и множество других, кто предпочитает остаться в тени)» (№ 63: 17).

Рассмотренные фрагменты демонстрируют, что в своей журналистике Виан остается писателем: в обзоры прессы, как и в художественные произведения, он привносит дух патафизики – шутовской науки[13], псевдофилософии, о которой заявил в своих произведениях, в частности в романе «Деяния и суждения доктора Фаустролля, патафизика», Альфред Жарри (Хьюгилл, 2017). Комплекс идей патафизики привнес в литературу XX в. «вызов всему привычному» и привел ее к «освобождению от общепринятых литературных норм, открытости для любых преувеличений, для фантастического и фантазийного, черного юмора, абсурда, обращению к миру игры» (Минасян, 2019: 170).

Занимаясь иностранной прессой, Виан в основном писал о прессе англоязычной, поскольку все статьи переводил сам. Однако в редакцию попадали газеты и журналы на языках, которых Виан не знал вовсе, и это было еще одной темой вступлений: «Наши дорогие привычки обрекают нас (как обычно) следовать им, посему вполне естественно, что я все еще не понимаю по-датски и что *Orkester Journalen*, написанный по-шведски, по-прежнему не раскрывает нам своих тайн» (№ 30: 18).

Во вступлениях находилось место и бытовым жалобам «депрессообзорщика». В № 103 он просит читателей не делиться новостями про отпуск, в то время как он вынужден заниматься обозревательской рутиной: «... в любом случае не стоит приходить и рассказывать мне об этом, мне это не доставит *никакого удовольствия*[14] (подчеркнуто трижды)» (№ 103: 39). С каждым

годом все отчетливее звучала тема усталости героя от своих обязанностей. И если поначалу ему было досадно писать о том, что пишут другие, когда он сам «наделен значительным гением» (№ 65: 21), то в конце он открыто заявил о намерении уйти с должности: «Как и каждый год, но никогда не в одно и то же время, у меня совсем нет желания писать обзор прессы; у меня вообще больше нет желания писать что-либо еще, поэтому я покончу с обзором, но признайтесь, что это ужасно» (№ 129: 41).

Однако подобные вступления не были для Виана неотъемлемой частью композиции, он мог начать обзор непосредственно с разбора прессы – как французской, так и зарубежной. Часто в таких случаях материал открывала «пальма первенства» (*la palme, la palme des palmes*) или «перл» (*la perle, la perle de la saison*): Виан выбирал худшие статьи месяца и высмеивал их, попутно приводя наиболее смехотворные цитаты. Этот прием зарождается уже во втором обзоре, выполненном для «Джаз Хот», однако тогда обзор пришелся на новогодний спецвыпуск (№ [19]: 22): в тот месяц у Виана оказалось всего две статьи из газеты «Фигаро» (*Le Figaro)*. Обе он подверг осмеянию, что позволило начать обзор в следующем номере со слов: «Как обычно, пальма первенства отправляется во Францию в гонке за самой прекрасной глупостью» (№ 20: 21).

К юмористическим «перлам» и «пальме первенства» Виан прибегал на протяжении всех лет существования рубрики, причем нередко эти материалы присылали именно читатели. «Перл сезона» открывает обзор в № 96: «Мой друг Вилли де Корт присылает перл сезона. Бельгийская газета (я полагаю, ежемесячная) под названием *Pourquoi pas?* публикует двухстраничную редакционную статью о Сидни Беше, это, безусловно, самая бессмысленная вещь, которую мы могли прочитать за много месяцев. Я не могу сопротивляться удовольствию процитировать эту безумную литературу» (№ 96: 33). Нередко «пальму первенства» получал главный оппонент Виана критик Хьюг Панасье. Выпады в его сторону Виан совершал до конца своей работы в «Джаз Хот». Например, в № 104 он высмеивает очередную статью Панасье, причем намеренно искажает его фамилию и прямо ссылается на патафизическую доктрину: «Восторг, в который повергают нас некоторые, слишком редкие, статьи Папы Хьюга Пан д'Асье, вовсе не иронического характера. Согласимся с тем, что мы слишком прониклись патафизической доктриной, чтобы хотя бы на мгновение испытать это подлое чувство» (№ 104: 42).

Но «пальма первенства» и «перлы» не были строго закреплены за вступлениями, подчас они уходили и в сам обзор, как в №№ 31, 34, 39, 43, 55, 77, 83, 118, 116.

Если пресса не уделяла внимания джазу, Виан-«депрессообзорщик» во вступлении мог иронизировать над ее молчанием: «Во французской прессе пусто. Впрочем, на джазовом фронте не происходит ничего – кроме выпуска бесчисленных пластинок, анонсов бесчисленных концертов, приезда бесчисленных музыкантов; все это очень печально! Где те времена, когда джаз оставался привилегией гениальной элиты? Увы, времена миновало. Ничего не поделаешь. Именно от этого, между прочим, умер Поль Клодель» (№ 99: 33).

Некоторые обзоры начинались с ответов на письма читателей (Словохотова, 2025). В остальных случаях Виан приступал непосредственно к обзору прессы, начиная либо с конкретного издания, как, например, в № 31, либо с новости, как в № 78, попутно высказывая свое мнение по поводу прочитанного: «Я не могу начать этот обзор прессы, не оплакивая, как все любители джаза и как все, кто знал его еще больше, смерть прекрасного Джанго. Вот статьи, которые я бы очень хотел не читать, уверяю вас, – те статьи, которые сообщают об этом дурацком событии» (№ 78: 22).

По разным вариантам вступлений прослеживается, что в них Виану удалось создать героя, благодаря которому рубрика стала узнаваемой: из номера в номер читатели могли следить за жизнью «депрессообзорщика», интересоваться его мнением, а при желании затевать с ним переписку.

2. Основная часть: комментарии, лирические отступления, переходы

Рассказы об отдельных статьях или целых изданиях, Виан сдабривал своими комментариями, что создавало эффект присутствия – иллюзию, будто «депрессообзорщик» беседует с читателями в режиме реального времени, попутно, например, перебирая вещи на своем столе, читая письма и листая свежие выпуски журналов или газет. Важными инструментами здесь выступали формы глаголов настоящего времени, обращения к читателям, вставные конструкции, междометия, риторические восклицания и вопросы, многоточия: «Хорошо. Посмотрим *Melody Maker*. Проклятье! В номере за 16 октября статья Шарля Делоне. Это сложно читать на французском, а уж на английском,

дети мои! И он говорит о *bordellos* [бордели (исп.). – *В.С.*] Сторивилля; но мы не обязаны знать испанский... В том же *М. М.* (это мило) за 16 октября сообщается о смерти Яна Савитта в Америке (кто это?), и... это все, что достойно упоминания, разве что отметим еще раз критику Эдгара Джексона» (№ 27: 20).

Эффект присутствия усиливается, когда герой описывает окружающую обстановку и бранит редактора: «Мне оставили (видимо, снова этот проклятый Шарль, который не потрудился указать, откуда она) – какой беспорядок, господи, какой беспорядок!.. – вырезку, должно быть французскую и бельгийскую...» (№ 28: 20).

В той же манере герой Виана мог «пролистать» перед читателями весь журнал, а то и несколько выпусков подряд, отпуская комментарии по поводу не только музыки, но и, скажем, внешности или личной жизни знаменитостей. Приведем фрагмент обзора из № 24, где в фокусе внимания журнал «Даун Бит» (*Down Beat*): «У дамы на обложке номера за 21 апреля уродливая фигура и короткие ноги, поэтому я не называю вам ее имени, ее зовут Конни Хайнс. Билли Холидей, уточняет *Down Beat*, сообщая о ее недавнем триумфе в Карнеги-Холле, набрала несколько килограммов, но это ей очень идет. (Пока она не станет такой, как Велма Миддлтон...) Кинг Коул женился на Марии Эллингтон... Там был Билл Робинсон, Нобл Сиссл, Хейзел Скотт, Максин Салливан, Сара Воган, Канада Ли, Леонард Фезер, Билли Стрейхорн, Эдди Уилкокс, Бадди Рич... черт возьми! <...> Возьмем номер за 5 мая... джентльмен на обложке – Джимми Макпартленд. К черту. Мне больше нравится Хейзел Скотт <...> Ах! Ах!.. что я вижу? “Вуди Герман нападает на математизм 'прогрессивной' музыки”» (№ 24: 19). Утомившись разбирать прессу, «депрессообзорщик» мог оставить рубрику незавершенной – так Виан решал проблему, когда заканчивалось место на полосе и часть обзора вынужденно переносилась, например, в «подвал» полосы на следующем развороте: «Ой! Еще много статей в *Down Beat*, с меня довольно...» (№ 36: 18).

Мы видим, что в комментариях такого типа на первый план выходит не содержание прессы, а именно эффект присутствия, что подчас превращает виановский обзор в пародию на этот жанр, особенно когда разговор о журнале сводится к беглому обзору статьи, обложки, фотографии. Герой словно брал в руки один журнал, но отбрасывал его, заметив на столе другой, более занятный, и спешил рассказать о нем публике: «И также фото Вирджинии Мейо, мм! мм! Если бы я снимал кино, держись...

Незамедлительно обратимся к *Jazz Finder* за октябрь 1948, где Даниэль Пасколи со злорадством похоронил оркестр Абади, говоря попросту, что его больше не существует» (№ 28: 20). В № 32 находим еще образцы подобного экспресс-обзора: «Ровным счетом ничего в *Melody Maker*. *Jazz Journal* содержит свои традиционные рубрики» (№ 32: 14). Иногда комментариев не было вовсе: «И вот Америка, господа. *Capitol News*: без комментариев» (№ 35: 15).

Чтобы поддерживать иллюзию живого разговора, Виан адресует читателям отдельные реплики, задает вопросы, а также добавляет новые подробности о жизни своего героя. В № 32 «депрессообзорщик» признается, что у него нет журнала, о котором он хотел бы рассказать, а покупать его за свои деньги он не планирует, потому что редакция не возместит расходы: «У меня этого выпуска [*La Revue du jazz*] нет: я не знаю, почему они не оказали мне такую услугу, а я не могу выбросить девяносто франков на ветер (если вы думаете, что *Jazote* мне возместит... тын-тын)» (№ 32: 15).

Виан не скупился на эмоциональные комментарии, которые выражали его отношение к публикациям: «Вместе с тем есть еще материал в нашей прекрасной стране: только что, твердили мне, появился журнал, так называемый *La Revue du jazz*. Благодаря нескромности мне удалось раздобыть номер <...> *La Revue du jazz* обнаружил, что Луи Армстронг гениален и что, более того, у него нет серьезных конкурентов (мистер Чарли Паркер, вы можете убрать свою дудку; что касается вас, эллингтоны, хокинсы, — вы просто сброд, катитесь подальше)» (№ 29: 20).

Эмоциональный комментарий мог состоять из одних знаков препинания, как в № 28. Здесь Виан цитирует статью, автор которой назвал музыку трубача Диззи Гиллеспи второсортной, и внутри оставляет четыре восклицательных знака, означающих крайнюю степень возмущения, с пояснением в квадратных скобках: «Это побочный продукт, если угодно, и он не требует никаких артистических способностей, которых требует джаз... !!!! [восклицательные знаки вашего слуги]» (№ 28: 21).

Когда тема казалась Виану достойной обсуждения, он давал содержательный, подчас полемический комментарий: приводил цитату из рассматриваемой статьи или пересказывал основные идеи, а затем излагал свои мысли — впрочем, не без юмористических вставок: «Возьмите случай Луи Армстронга.

Эволюционировал ли стиль Луи? Конечно, с тех пор как Луи играл в исправительном учреждении, где и научился играть на трубе. Сам месье Панасье расскажет нам, что в жизни Луи было несколько периодов, которые позволяют увидеть разницу <...> Здесь было бы уместно повторить: патафизика ждет господина Панасье с распростертыми объятиями» (№ 104: 42).

В полемическом комментарии возникали дополнительные элементы вроде открытых писем «депрессообзорщика» оппонентам, которые тоже становились его аудиторией. В обзоре для № 60 после язвительного выпада в адрес Хьюга Панасье находим открытое абсурдистское письмо, где Виан от лица сотрудников редакции предлагает Панасье выращивать морковь на берегах Тарна, вместо того чтобы заниматься джазовой критикой: «Вы предоставите берега, а мы предоставим морковь» (№ 60: 17).

Были случаи, когда оскорбленные критики присылали открытые письма Виану-«депрессообзорщику». В обзоре для № 56 читаем письмо редакции итальянского журнала «Музика Джаз» (*Musica Jazz*) по следующему поводу: в одном из предыдущих выпусков Виан назвал автора этого журнала «жалким беотийцем», а журнал принял это оскорбление и на свой счет, и на счет всего итальянского народа. Извиниться Виан, а верней его герой, не счел необходимым. Это письмо стало очередной возможностью развлечь читателей руганью, пусть и не относящейся к джазу и джазовой критике: «... несомненно, в Италии меня заставили бы, по крайней мере, жрать касторку, если судить по мстительному духу этого письма; кроме того, его авторы утверждают, что обладают чувством юмора, и сообщают мне, что будут обзывать меня в своих собственных публикациях *povero idiota* [несчастный идиот (итал.) – *B.C.*]» (№ 56: 21).

Внутри обзора Виан отходил от темы и делал лирические отступления, снова поддерживая иллюзию живой беседы. В них «депрессообзорщик» продолжал рассказывать о рабочих буднях, например о том, «как досадно писать обзор прессы», пока приятели отдыхают у бассейна Делиньи (№ 35: 15), рассуждал о джазовой критике, о смысле обзора прессы в частности и журнала «Джаз Хот» в целом: «... все чаще и чаще этот обзор прессы мне нужен, чтобы окольными путями выражать мнение, которое в любом другом месте прозвучало бы скандально, – ибо этот *Jazz Hot* натуральная свалка...» (№ 31: 19). После отступления Виан возвращал

героя к основному предмету разговора: «Но мне кажется, что этот обзор немного отклоняется от темы... о-оу! Вернемся» (№ 30: 19).

Следующий структурный элемент обзоров – переходы между отдельными статьями, изданиями, прессой разных стран. Здесь Виан нередко использовал метафоры пространственного перемещения: «депрессообзорщик» звал читателей на поиски новостей о джазе или совершал это патафизическое путешествие сам в режиме реального времени. Приведем несколько примеров.

«И давайте вернемся в Англию – в наш старый *Melody Maker* – после этого зигзагообразного путешествия, чтобы констатировать, что Эдгар Джексон всегда идеален...» (№ 29: 21).

«Смело пересечем Атлантический океан и окажемся в Англии» (№ 32: 14).

«И мы элегантно прыгаем через Атлантику» (№ 48: 19).

«Итак, давайте вспорхнем, как молодая бабочка, над волнами Атлантики (длина которых иногда достигает, кажется, трехсот метров) и приземлимся у доктора Сушона 15 и его *Second Line*» (№ 55: 22).

«После этого набега на Италию я возвращаюсь в Англию» (№ 95: 20).

В переходах, как и в остальных композиционных элементах, «депрессообзорщик» продолжал разговаривать с читателями, ругать главного редактора, разбирать газетно-журнальные завалы и расстраиваться из-за незнания иностранных языков.

«В Европе больше ничего нет, кроме непереводимых ввиду моего незнания голландского и испанского журналов» (№ 48: 19).

«В тот день, когда Шарль поймет, что я ни черта не понимаю по-испански, он перестанет мне давать *Club de Ritmo* ...» (№ 49: 18).

Но были и простые, констатирующие переходы: в них фиксировалось обращение к новому изданию или прессе определенной страны, часто добавлялось авторское отношение к материалу. Для таких переходов по-прежнему был характерен устный стиль доверительного разговора с здесь и сейчас присутствующим собеседником.

«А вот и *Melody Maker*» (№ 22: 17).

«И давайте в заключение с надеждой обратимся к *Down Beat*» (№ 24: 19).

«А вот и Америка, могила джаза» (№ 44: 20).

«Взглянем, что нам предлагает французская пресса» (№ 48: 19).

Переходы, как и вступления, не были обязательными элементами обзора. Если переходы отсутствовали, названия журналов выносились в начало абзаца, иногда при наборе они выделялись астериском или цифрами.

3. Дополнительные структурные элементы

В конце обзоров Виан помещал дополнительные элементы. Некоторые из них были одноразовыми, как, например, *Nouvelles en vrac* в первом обзоре прессы (№ 18: 18), что можно перевести как «Новости на развес», «Новости вперемешку», то есть новости, не вошедшие в основную часть. Однако новостей там всего две: одна о концерте Кинга Коула, а вторая – о том, что композитор Альберт Глассер открыл, будто бы свинг по сравнению с классической музыкой необычайно влияет на репродуктивные способности морских свинок. «Вот информация, которая представляет исключительный научный интерес», – подытоживает Виан в финале, из чего можно сделать вывод, что этот структурный элемент служил эффектной юмористической концовкой.

Аналогичный пример находим в № 23 под названием «Разное» (*Variété*), здесь Виан приводит цитату из присланной читателем вырезки со статьей о джазовом фестивале в Ницце, а также пишет, что упустил из вида одну любопытную статью, и, не давая никаких комментариев, советует читателям самим ознакомиться с материалом (№ 23: 11).

В № 21 возникает «Постскриптум» (*Post-scriptum*). Роль у него была приблизительно такая же: Виан отправлял туда все, что не вошло в основную часть обзора, – вероятно, частично это было обусловлено спешкой: какие-то издания и письма попадали в руки к Виану, когда обзор уже был завершен. Допустим, в «Постскриптуме» из № 21 Виан иронично высказывается об опечатке, которую обнаружил в затронутой выше статье, и приводит статью из другого издания, о которой «забыл» упомянуть в основной части (№ 21: 17).

«Постскриптум» встречается и в дальнейших обзорах прессы, но строгой периодичности у него нет. Следующий мы находим в № 26, обозначенный как *P.S.*: он целиком отведен под присланную читателем статью, где некий журналист, по имени Жорж Хузье, нелестно высказывается о джазе. Обзор Виан завершает призывом «обесславить мощными ударами палки по голове этого плоскостопого Жоржа Хузье» (№ 26: 15).

«Забытый» материал появляется в «Постскриптуме» в № 39 (№ 39: 21); в № 48 Виан совершает выпад в адрес Хьюга Панасье (№ 48: 19); в № 77 затевает разговор о большом номере журнала «Даун Бит», который ему «только что» принесли, а также эмоционально отвечает на письма читателей (№ 77: 22–23). «Постскриптум» из обзора для №№ 81 и 122 посвящен разбору почты (№№ 81: 19, 22; 122: 33), а из № 85 – новой заочной словесной дуэли с Панасье: она разрастается практически до половины обзора, то есть занимает почти половину разворота, причем внутри появляется еще один *P.S.* – здесь Виан приводит дословные цитаты из статьи Панасье, чтобы аудитория не решила, будто обозреватель преувеличивает (№ 85: 22–23).

Факультативным элементом было прощание с читателями. Обыгрывалось это нередко следующим образом: «депрессообзорщик» увлекался, а потом обрывал повествование под предлогом того, что у него заканчивается место на полосе: «Животрепещущий вопрос: хорошие музыканты умирают молодыми. Почему? Действительно, почему? Может быть, потому что они читают *Down Beat* – или слушают Кентона. О-ля-ля, довольно об этом, наш обзор прессы никогда не был таким длинным, прощайте...» (№ 31: 19); «И потом, у меня больше нет места... Прощайте!» (№ 115: 33).

4. Письма читателей

Переписка с читателями тоже была структурной частью обзоров. Ее мы уже рассматривали в отдельной статье (Словохотова, 2025). Здесь отметим лишь, что ответы на письма появлялись в журнале не каждый месяц, у них не было фиксированного места, иногда Виан отводил им специальный раздел «Почта» (*Courrier)*. Один из обзоров практически целиком посвящен разбору писем: «Французская пресса проявляет отвратительную предвзятость и всегда пишет об одном и том же: о политиках и других преступниках. Вот так, мы ничего не можем с этим поделать. И это не мешает Жерару Хейдену из Кудкерк-Бранш – человеку, как вы видите, с Крайнего Севера – энергично ругать меня по разным причинам» (№ 108: 35).

Можно предположить, что герой-«депрессообзорщик», который появлялся из номера в номер и делился с читателями новостями и размышлениями, провоцировал у аудитории желание затеять с ним переписку: читатели писали уже не редакции журнала

в целом, а конкретному Виану-обозревателю, который вызывал их любопытство, сочувствие или возмущение и с которым они стремились поспорить, не ограничивая себя правилами приличия. Полные негодования и оскорблений письма Виан тоже осознанно включал в рубрику, используя ругательства и брань для черного пиара, что органично вытекает из его патафизичекой доктрины: «Патафизик, – заявил Б. Виан на радио, – на самом деле не имеет никакой причины быть высокоморальным, так же как не имеет никакой причины таким не быть. Поэтому он остается единственным, кто способен без конформистского вырождения быть честным» (Хьюгилл, 2017: 150).

Заключение

Обзор прессы, которым Борис Виан занимался в «Джаз Хот» с 1947 по 1958 г., представлял собой свободную, располагающую к диалогу форму журналистского материала. Игровая поэтика, свойственная Виану-писателю, привела к экспериментам с жанром, к стиранию границ между журналистикой и литературой.

Используя журналистско-литературную маску, Виан привнес в обзор дух патафизики и вывел на первый план не рассказ о прессе, а эффект присутствия и живого разговора с читателями «здесь и сейчас». Его герой, автор-«депрессообзорщик», в режиме реального времени комментировал газетные и журнальные статьи, отвечал на письма, а параллельно рассказывал читателям о своей жизни и тяготах профессии, искал у себя на столе свежую прессу, листал и откладывал в сторону тот или иной номер, письмо или вырезку, препирался с критиками, совершал патафизическое путешествие, мгновенно перепрыгивая с континента на континент, уходил в рассуждения, не относящиеся к теме, спонтанно прерывал беседу и прощался. Работая с подшивками «Джаз Хот», мы обнаружили, что с 1954 г. в оформлении рубрики начали появляться карикатурные изображения «депрессообзорщика»: они подчеркивали игровую природу обзоров и их авторское начало.

Таким образом, Виан создал метатекст, с помощью которого он более десяти лет осуществлял коммуникацию с аудиторией. Для этого были задействованы все структурные элементы обзора: вступление, основная часть с разного типа авторскими комментариями, переходами и лирическими отступлениями, а также дополнительные элементы вроде постскриптума. Однако ни один

из элементов не был обязательным, части стихийно трансформировались, исчезали и менялись местами, что придавало материалу спонтанный, импровизационный характер. И хотя свои обзоры Виан частично превращал в пародию на жанр, ему удавалось создавать у аудитории общее представление о новинках джазовой прессы, тем самым сохраняя информационную функцию рубрики.

Примечания

[1] Меньше четверти процента от взрослого населения Франции, если брать за основу количество людей от 20 до 59 лет в 1950 г. (Комиссарова, 2015).

[2] Ценовая политика «Джаз Хот» стимулировала читателей вступать в Федерацию Горячих Клубов Франции (*La Fédération des Hot Clubs de France*) – объединение любителей джаза, которым руководил главный редактор «Джаз Хот» Шарль Делоне. Скажем, в 1947 г. ноябрьский номер журнала можно было приобрести за 35 франков, годовая подписка обходилась рядовым читателям в 300 франков, а членам Федерации – в 250 (JH, № 17: 3).

[3] Vian B. (1999) *Oeuvres complètes en 15 volumes.* Paris: Fayard.

[4] «Джаз Хот» указывает, что иллюстрация принадлежит художнику по фамилии Мориссар (Morissard).

[5] В этом вступлении Виан-обозреватель сообщает читателям, что заставлять несчастного обозревателя заниматься работой в жару абсолютно бесчеловечно: *Par cette chaleur pareille, c'est absolument inhumain de forcer un malheureux revuedepressiste à revudepresser sa revuedepresse*. Произведение, выходящее из-под пера «депрессообозорщика», у Виана именуется «депрессообзором», *revuedepresse*, отсюда образован и глагол, обозначающий написание «депрессообзоров», – *revuedepresser* (№ 68: 20). Все тексты Бориса Виана впервые приводятся на русском языке, автор статьи цитирует их в собственном переводе.

[6] В оригинале *rien à mettre sous la dent*, что в русском языке эквивалентно фразеологизму «класть зубы на полку».

[7] *Jazote* – искаженное название журнала *Jazz Hot*, передает прочтение на французский манер.

[8] За свои материалы в «Джаз Хот» Виан не получал почти никакого вознаграждения (Bertolt, Roulmann, 2008).

[9] Рене Петер пишет о пульпике так: «Пульпике, или пульпиканами, называли в бретонских легендах детей прекрасных корриган, хранительниц родников и источников; рождались пульпике от ужасных злобных карликов, в полной мере наследовали их уродство и даже превосходили в нем своих отцов». См. Петер Р. Одно лето с Марселем Прустом / пер. с фр. *Е. Тарусиной*. М.: Б. С. Г.-Пресс, 2007. С. 45.

[10] Очевидно, имеются в виду британский пианист Чарли Кунц и французская пианистка Ивонн Блан. Виан намеренно меняет местами фамилии, чтобы усилить комический эффект.

[11] Виан обыгрывает фразеологизм *mettre les mains dans le cambouis* (букв. испачкать руки в машинном масле), что означает заниматься решением неблагодарной или трудной задачи.

[12] Виан был известен своей страстью к раритетным машинам (Marchand, 2009).

[13] Борис Виан был членом «Коллежа патафизики» (Collège de 'Pataphysique') в Париже, который был основан в 1948 г. и действует по сей день.

[14] Курсив Бориса Виана.

[15] Док Сушон – американский джазовый гитарист, редактор журнала *Second Line*.

Библиография

Аникеев В. Е. История Французской прессы (1830–1945). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.

Захарова М. В. Эволюция массовой газеты Франции. М.: Фак. журн. МГУ, 2013.

Комиссарова Ж. Н. Эволюция демографических ресурсов Франции // Мировое и национальное хозяйство. 2015. № 2. С. 34–40.

Косиков Г. К. О прозе Бориса Виана // Виан Б. Пена дней. Роман. Новеллы. М.: Художественная литература, 1983. С. 3–22.

Макарова Н. Е. Стилистические доминанты прозы Бориса Виана: дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2008.

Минасян С. В. Гротескное кодирование отношения к оккупации Франции в первых романах Бориса Виана // Филология: научные исследования. 2019. № 2. С. 168–178. DOI: 10.7256/2454-0749.2019.2.29401

Минасян С. В. Формы гротеска в прозе Бориса Виана: дис. ... канд. филол. наук. М., 2013.

Словохотова В. Ю. Функциональные характеристики аудитории журнала *Jazz Hot* (анализ переписки Бориса Виана с читателями-корреспондентами) // Меди@льманах. 2025. № 5. С. 56–64. DOI: 10.30547/mediaalmanah.5.2025.5664

Соломонов Ю. Ю. Региональная пресса Франции. История и секреты успеха ежедневных газет. М.: РИП-холдинг, 2003.

Сухорукова Л. Н. Еженедельная пресса Франции. М.: Изд-во РУДН, 1993.

Хьюгилл Э. Патафизика. Бесполезный путеводитель / пер. с англ. *В. Садовского*. М.: Гилея, 2017.

Шарончикова Л. В. Пресса Франции в меняющемся мире: 1944–2004 гг. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2006.

Bertolt N., Roulmann F. (2008) *Boris Vian, Le Swing Et Le Verbe*. Paris: Textuel.

Boggio P. (2009) *Boris Vian*. Paris: Flammarion.

Braggs R. K. (2016) *Jazz Diasporas: Race, Music, and Migration in Post-World War II Paris (Vol. 18) (Music of the African Diaspora)*. Oakland: University of California Press.

Dingle C. (ed.) (2019) *The Cambridge History of Music Criticism*. Cambridge: Cambridge University Press.

Jones C. M. (1994) *Boris Vian's America: Representing the New World in post-war France*. Doctoral Dissertation. Amherst: University of Massachusetts Amherst.

Jordan M. F. (2010) *Le Jazz: Jazz and French Cultural Identity*. Urbana: University of Illinois Press.

Lane J. F. (2013) *Jazz and Machine-Age Imperialism: Music, «Race», and Intellectuals in France, 1918–1945*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Marchand V.-M. (2009) *Boris Vian, le sourire cr ateur*. Paris: Ecriture.

McGregor E. V. (2016) *Jazz and Postwar French Identity: Improvising the Nation*. Lanham: Lexington Books.

Moore C. D. (2021) *Soundscapes of Liberation: African American Music in Postwar France*. Durham: Duke University Press.

Perchard T. (2015) *After Django: Making Jazz in Postwar France*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Schweitzer J. K. (2005) *Irresponsibly Engagé: Boris Vian and Uses of American Culture in France, 1940–1959*. Thesis for the degree of Master of Arts. Maryland: University of Maryland.

Tournés L. (2001) La popularisation du jazz en France (1948–1960): les prodromes d'une massification des pratiques musicales. *Revue Historique* 1 (617): 109–130. DOI: 10.3917/rhis.011.0109.

Notes

Vian B. (1999) *Oeuvres complètes en 15 volumes*. Paris: Fayard.

Peter R. (2007) *Odno leto s Marselem Prustom* [One Summer with Marcel Proust]. Moscow: B. S. G.-Press Publ.

References

Anikeev V. E. (1999) *Istoriya Francuzskoy Pressy (1830–1945)* [The History of the French Press (1830–1945)]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ. (In Russian)

Bertolt N., Roulmann F. (2008) *Boris Vian, Le Swing Et Le Verbe*. Paris: Textuel. (In French)

Boggio P. (2009) *Boris Vian*. Paris: Flammarion. (In French)

Braggs R. K. (2016) *Jazz Diasporas: Race, Music, and Migration in Post-World War II Paris (Vol. 18) (Music of the African Diaspora)*. Oakland: University of California Press.

Dingle C. (ed.) (2019) *The Cambridge History of Music Criticism*. Cambridge: Cambridge University Press.

Hugill A. (2017) *Patafizika. Bespoleznyy putevoditel'* [Pataphysics: A Useless Guide]. Moscow: Gileya Publ. (In Russian)

Jones C. M. (1994) *Boris Vian's America: Representing the New World in post-war France*. Doctoral Dissertation. Amherst: University of Massachusetts Amherst.

Jordan M. F. (2010) *Le Jazz: Jazz and French Cultural Identity*. Urbana: University of Illinois Press.

Komissarova Zh. N. (2015) Evolyutsiya demograficheskikh resursov Frantsii [Evolution of France's Demographic Resources]. *Mirovoe i natsional'noe khozyaystvo* [World and National Economy] 2: 34–40. (In Russian)

Kosikov G. K. (1983) O proze Borisa Viana [About the prose of Boris Vian]. In: Vian B. *Pena dney. Roman. Novelly* [Froth on the Daydream. Novel. Novels]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, pp. 3–22. (In Russian)

Lane J. F. (2013) *Jazz and Machine-Age Imperialism: Music, «Race», and Intellectuals in France, 1918–1945*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Makarova N. E. (2008) *Stilisticheskie dominanty prozy Borisa Viana:* diss. ... kand. filol. Nauk [Stylistic Dominants of Boris Vian's Prose: PhD thesis]. Smolensk: Smolensk St. Univ. Publ. (In Russian)

Marchand V.-M. (2009) *Boris Vian, le sourire créateur*. Paris: Ecriture. (In French)

McGregor E. V. (2016) *Jazz and Postwar French Identity: Improvising the Nation*. Lanham: Lexington Books.

Minasyan S. V. (2013) *Formy groteska v proze Borisa Viana:* diss. ... kand. filol. nauk [Forms of the grotesque in the prose of Boris Vian: PhD thesis]. Moscow: A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russian)

Minasyan S. V. (2019) Grotesknoe kodirovanie otnosheniya k okkupatsii Frantsii v pervykh romanakh Borisa Viana [The grotesque coding of attitudes towards the occupation of France in the first novels of Boris Vian]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya* 2: 168–178. DOI: 10.7256/2454-0749.2019.2.29401 (In Russian)

Moore C. D. (2021) *Soundscapes of Liberation: African American Music in Postwar France*. Durham: Duke University Press.

Perchard T. (2015) *After Django: Making Jazz in Postwar France*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Schweitzer J. K. (2005) *Irresponsibly Engagé: Boris Vian and Uses of American Culture in France, 1940–1959*. Thesis for the degree of Master of Arts. Maryland: University of Maryland.

Sharonchikova L. V. (2006) *Pressa Frantsii v menyayushchemsya mire*: 1944–2004 gg. [The French Press in a Changing World: 1944–2004]. Moscow: RIC ISPI RAN Publ. (In Russian)

Slovokhotova V. Yu. (2025) Funktssional'nye kharakteristiki auditorii zhurnala Jazz Hot (analiz perepiski Borisa Viana s chitatelyami-korrespondentami) [Functional characteristics of the audience of Jazz Hot magazine (analysis of Boris Vian's correspondence with reader-correspondents)]. *Medi@l'manah* 5: 56–64. DOI: 10.30547/mediaalmanah.5.2025.5664 (In Russian)

Solomonov Yu. Yu. (2003) *Regional'naya pressa Frantsii. Istoriya i sekrety uspekha ezhednevnykh gazet* [Regional Press in France: The History and Secrets of Success of Daily Newspapers]. Moscow: RIP-holding Publ. (In Russian)

Suhorukova L. N. (1993) *Ezhenedel'naya pressa Frantsii* [Weekly Press of France]. Moscow: RUDN Publ. (In Russian)

Tournés L. (2001) La popularisation du jazz en France (1948–1960): les prodromes d'une massification des pratiques musicales [The popularization of jazz in France (1948–1960): the precursors to a massification of musical practices]. *Revue Historique* [Historical Review] 1 (617): 109–130. DOI: 10.3917/rhis.011.0109. (In French)

Zaharova M. V. (2013) *Evolyutsiya massovoy gazety Frantsii* [The evolution of the French mass newspaper]. Moscow: Faculty of Journalism Moscow St. Univ. Publ. (In Russian)

Поступила в редакцию
11.12.2025

ДИСКУССИЯ

Козлов Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, доцент, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук, старший научный сотрудник лаборатории книговедения, г. Новосибирск, Россия, e-mail: feld71@mail.ru; ORCID 0000-0002-6784-8992

ОТ МАНУСКРИПТА К ГИПЕРССЫЛКЕ: ПЕЧАТНАЯ И ЦИФРОВАЯ РЕВОЛЮЦИИ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ[1]

В статье проводится сравнительный историко-культурный анализ двух ключевых медийных революций: печатной революции XV в. и цифровой революции конца XX – начала XXI в. Проводится анализ становления понятия «медийные революции», показывающий сдвиг от технологического языка к материальности медиума, институтам и когнитивным режимам. Для системного сравнения предложена авторская матрица, с помощью которой анализируются ключевые аспекты обеих революций. Основные выводы подчеркивают структурные сходства и различия эпох, трансформацию авторства, изменение когнитивных практик и институциональных механизмов легитимации. Сравнительный анализ позволяет выявить повторяющиеся механизмы адаптации культуры к изменениям медиасреды. Отдельно показано, что эффекты медийных революций не сводятся к единому западному сценарию: на незападных примерах выявляется множественность траекторий, зависящих от институтов легитимации и режимов контроля доступа.

***Ключевые слова**: медийная революция, печатная культура, экранная культура, печатная революция, цифровая революция, история книги, медиатрансформации.*

Как цитировать: *Козлов С. В.* От манускрипта к гиперссылке: печатная и цифровая революции в сравнительной перспективе // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2026. № 1. С. 152–175. DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.1.2026.152175

Sergey V. Kozlov, PhD in History, Senior Researcher, State Public Scientific and Technical Library of the SB RAS, Book History Lab, Novosibirsk, Russia; e-mail: feld71@mail.ru; ORCID 0000-0002-6784-8992.

FROM MANUSCRIPT TO THE HYPERLINK: THE PRINT AND DIGITAL REVOLUTIONS IN COMPARATIVE PERSPECTIVE

The article explores the phenomenon of media revolutions through a comparative analysis of the print revolution of the fifteenth century and the digital revolution of the late twentieth and early twenty-first centuries. The study aims to identify how these transformative shifts in media culture altered the production, circulation, and reception of knowledge, and how they reconfigured institutions of legitimacy and infrastructures of communication. The research applies an interdisciplinary methodology that combines book history, media theory, social and intellectual history, and introduces a comparative matrix designed to trace both structural similarities and cultural differences between the two epochs. Special attention is given to the conceptual evolution of the term "media revolutions," from early notions of "communication" or "information revolutions" to later discussions of "Gutenberg's revolution", mediological approaches, and current typologies. The findings demonstrate recurring mechanisms of cultural adaptation to technological change, including transformations of authorship, reading and navigation practices, and public visibility. The conclusion emphasizes the need for an analytical framework that resists both technological determinism and cultural relativism, offering instead a historically grounded perspective on the dynamics of media change. The research further reveals that the outcomes of media revolutions do not follow a uniform Western script. Examining non-Western contexts uncovers multiple trajectories shaped by distinct institutions of legitimation and systems controlling access.

***Key words**: media revolution, print culture, screen culture, printing revolution, digital revolution, history of the book, media transformations.*

To cite this article: Kozlov S. V. (2026) Ot manuskripta k giperssylke: pechatnaya i tsifrovaya revolyutsii v sravnitel'noy perspektive [From Manuscript to the Hyperlink: The Print and Digital Revolutions in Comparative Perspective]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* 1: 152–175. DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.1.2026.152175

DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.1.2026.152175

Введение

В истории человеческой коммуникации выделяются несколько крупных трансформаций[2], которые в исследовательской традиции описываются как медийные революции. Среди них особое место занимают два эпохальных поворота – возникновение книгопечатания в середине XV в. (печатная революция) и распространение

цифровых технологий в конце XX – начале XXI в. (цифровая революция), которые радикально изменили способы производства, распространения и восприятия знаний, повлияли на социальные институты и культурные практики своего времени. Однако их сопоставление методологически затруднено из-за различий исторического контекста, масштабов и темпов изменений, а также из-за риска подмены анализа заранее заданной аналогией.

В статье выявлены сходства и различия воздействия печатного станка и цифровых технологий на культуру, а также методологические ограничения распространенной исследовательской стратегии, при которой цифровые процессы интерпретируются как «повторение» печатной революции.

Для обеспечения сопоставимости изучаемых явлений автор предлагает сравнительную матрицу, задающую единый уровень описания и набор параметров, применимых к обеим эпохам. Матрица построена как аналитическая рамка на материале западного исследовательского канона и далее будет кратко проиллюстрирована на контрастных незападных траекториях, чтобы уточнить границы ее применимости. Сравнение проводится по каждому параметру в параллельном режиме, что позволяет фиксировать как структурные соответствия, так и асимметрии, которые часто нивелируются в обобщающих макроисторических построениях. В матрице учитываются такие параметры, как технологическая база и материальные характеристики текста, инфраструктура распространения, институциональные изменения и механизмы легитимации, когнитивные практики чтения и навигации, социокультурные последствия.

Предлагаемый подход принципиально расходится с рядом распространенных стратегий, характерных для аналогичных работ. Во-первых, он отличается от обобщающих схем периодизации (например, типологии Р. Дебрэ с выделением «медиасфер» (2010)), которые продуктивны для построения крупномасштабного исторического описания, но не обеспечивают покомпонентного сравнения конкретных трансформаций. Во-вторых, он отличается от макроаналогий и прогностических построений (например, у П. Друкера[3]), где цифровая революция заранее задается как функциональный эквивалент печатной и затем иллюстрируется набором примеров. В-третьих, он отличается от макроисторических нарративов (как у Б. Коварика (Kovarik, 2011)), описывающих историю медиа как последовательность несколь-

ких коммуникационных революций. В данной статье сопоставимость обеспечивается через единый набор параметров, а выводы о сходствах и различиях формируются на основании анализа этих параметров, а не в форме предварительно принятой исторической аналогии.

За счет матричной структуры снижается риск технодетерминистских редукций (когда изменения выводятся преимущественно из свойств технологии) и культурно-релятивистских обобщений (когда контекст объявляется настолько уникальным, что сравнение теряет аналитический смысл). В результате анализ позволяет описывать механизмы институциональной и культурной адаптации к изменениям медиасреды на уровне отдельных компонентов (институтов, инфраструктур, практик), а не только на уровне общих исторических параллелей.

Концепция медийной революции: генезис и эволюция

Первым применить понятие «революция» к радикальным изменениям в сфере коммуникаций предложил в 1930-е гг. американский историк Роберт Альбион. Он ввел понятие «коммуникационная революция», описывая масштабные преобразования в транспорте и связи, начавшиеся с 1760-х гг. и подготовившие почву для индустриальной эпохи (Behringer, 2006: 333–334). Однако идея рассматривать эволюцию средств связи как отдельную революционную линию долго оставалась на периферии научного внимания.

Лишь в 1960-х гг. концепция революционного характера коммуникационных трансформаций получила широкое распространение. Благодаря Мариону Харперу, отметившему стремительный рост объемов данных и изменения в сфере коммуникаций (Harper, 1961), появилось понятие «информационная революция». Этот термин отражал не только технологические инновации, но и необходимость создать позитивный нарратив о переходе к обществу, основанному на информации. «Информационная революция» играла важную идеологическую роль, обещая новые возможности вместо кризиса, что сделало ее привлекательной для бизнеса и государственных структур (Cummings, 2016).

Со временем термин «информационная революция» перешел в академическую сферу и стал использоваться для описания системных культурных и социальных сдвигов, связанных с ростом роли

информации или даже непосредственно каналов ее передачи. В этом контексте ключевую роль сыграл канадский теоретик медиа Герберт Маршалл Маклюэн, который неоднократно обращался к идее «революции Гутенберга», рассматривая ее как смену аудиально-тактильной устной культуры на визуально ориентированную печатную (Маклюэн, 2003: 202; 2005: 247).

Работы Маклюэна подготовили почву для более строгих исторических исследований, в которых медиатехнологии рассматривались как движущая сила культурных изменений. Наиболее значимый вклад в этом направлении был внесен американским историком книги Элизабет Эйзенстайн, которая в своей книге «Печатный станок как агент перемен» показала, что изобретение Гутенберга стало началом «печатной революции», повлиявшей на интеллектуальные и социальные преобразования в Европе – Реформацию, научную революцию и Просвещение (Eisenstein, 1979).

Начиная с работ Э. Эйзенстайн, исследователи стали смещать акцент с собственно передачи информации на трансформации медиа как материальных, институциональных и когнитивных форм культуры. Печатная революция стала моделью для анализа последующих трансформаций медиа, и история медиа стала рассматриваться как серия качественных переходов, связанных со сменой доминирующих медиа.

В 1990-х гг. идея множественных радикальных трансформаций в сфере коммуникаций получила более четкое теоретическое оформление. Канадский ученый Стивен Харнад выделил четыре революции – речи, письма, печати и электронной передачи знаний (Harnad, 1991). Американский медиатеоретик Ирвинг Фанг расширил этот список до шести информационных революций, рассматривая их как системные изменения структуры общественного взаимодействия (Fang, 1997). Параллельно Питер Друкер предложил типологию четырех информационных революций, ориентируясь на изменения функций информации – от сакральной до управленческой[4]. Таким образом, к концу десятилетия в научный обиход вошло представление о множественных революциях, каждая из которых переопределяет не только способы передачи информации, но и культурные формы ее осмысления и использования.

В конце 1980 – начале 1990-х гг. в западном социогуманитарном знании формируется концепция «цифровой революции»,

обозначающая переход от аналоговых к цифровым технологиям, что глубоко изменило медиапрактики и культурные формы. Мануэль Кастельс описал цифровизацию как основу «сетевого общества» и нового социального порядка (2000). Лев Манович трактовал цифровую революцию как смену парадигмы восприятия медиа (2018), а Ник Кулдри и Андреас Хепп – как процесс, меняющий социальные, институциональные и когнитивные практики (Couldry, Hepp, 2017). Таким образом, цифровая революция начинает осмысляться не как локальный технологический сдвиг, а как комплексная трансформация культурно-коммуникационного порядка, определяющая логику современного медиаландшафта.

В то же время в гуманитарных науках возникло понятие «медийной революции», более гибкое, чем «информационная революция». Оно обозначает изменение не только технических средств передачи информации, но и всей структуры коммуникативных практик, институтов знания, форм авторства и способов восприятия информации. В этой связи важным стал вклад Режи Дебрэ, развившего концепцию медиологических революций (фр. *révolutions médiologiques*, в авторском переводе – *media revolution*), под которыми он понимал коренные изменения в способах фиксации и передачи текста, связанных с трансформацией практик чтения, роли автора и социальной значимости письменного слова. В своих работах Дебрэ показывает, что каждая медийная революция (а он выделяет их три: переход от устной культуры к письму, от письма к печати, а затем к цифровым медиа (Debray, 2000: 4)) меняет не только технологии, но и сами культурные условия существования текста.

К началу XXI в. в зарубежной гуманитарной мысли утвердился широкий подход, рассматривающий медийные революции как комплексную перестройку информационно-коммуникационного порядка, радикально трансформирующую инфраструктуру коммуникаций, когнитивные практики и социальную организацию знания. Такой подход позволил выявлять структурные сходства между эпохальными сдвигами в истории коммуникаций.

Материальная основа медиатрансформаций: методология сравнительного анализа медийных революций

Чтобы понять специфику печатной и цифровой революций, необходимо обратиться к их материальной основе – тем технологическим средам, которые формируют не только способы произ-

водства и распространения информации, но и культурные формы ее восприятия. Именно в материальности медиума – в том, каким образом устроен текст как объект и как он включен в инфраструктуру знания, – проявляются глубинные различия между эпохами книги и экрана. Для целей данной работы под медийной революцией понимается качественный скачок в коммуникационных технологиях, повлекший смену доминирующих медиа и коренную трансформацию культурных практик производства, распространения и усвоения знания. Отметим, что сопоставление двух медийных революций сопряжено с рядом методологических трудностей. Во-первых, оно требует осторожности в обращении с масштабными историческими категориями. Необходимо учитывать, что понятие «революция» по отношению к рассматриваемым процессам носит во многом метафорический характер: под общим термином «революция» скрываются принципиально разные по темпам, причинам и последствиям явления, что закономерно вызывает критику историков медиа, отмечающих, что подобная риторика часто затемняет структурную преемственность и имеет внеакадемические мотивы (Kortti, 2021). Во-вторых, критически важен отказ от оптики технологического детерминизма: печатная и цифровая революции оказывают влияние не потому, что являются «прогрессивными» технологиями, а потому что встраиваются в конкретные культурные, институциональные и экономические контексты. Сравнение возможно лишь при соблюдении ясных аналитических рамок: предметом сопоставления становятся не сами технологии, а производимые ими изменения в материальности текста, инфраструктуре знания и когнитивных практиках. Применение таких методологических ориентиров позволяет перейти от общих теоретических соображений к конкретному анализу двух ключевых медиатрансформаций – печатной и цифровой революций. Рассмотрим их в сравнительной перспективе, начиная с особенностей материальной природы каждого медиума и способов организации знания, которые из нее вытекают.

Печатная и цифровая революции разделены несколькими веками, существенно различаются по историческому контексту и технологической природе. Под печатной революцией обычно понимают распространение технологий типографской печати, вызванное изобретением И. Гутенберга (ок. 1440 г.), и последующие социокультурные изменения раннего Нового времени. Цифровая революция связана с появлением электронно-вычислительных

машин, интернета и новых средств коммуникации во второй половине XX – начале XXI в., что привело к формированию современного информационного общества.

Печатная революция, по наблюдению Э. Эйзенстайн, привела к появлению нового типа культурной стабильности: книга стала объектом, отличающимся высокой степенью стандартизации, фиксации и тиражируемости (Eisenstein, 1979). Материальный облик печатного текста – упорядоченный, линейный, воспроизводимый – соответствовал логике эпохи рационализации и секуляризации знания. Печатный медиум институционализировал определенные формы авторства и чтения: текст становился автономным, завершенным и устойчивым объектом, циркулирующим в рамках образовательной, научной и религиозной инфраструктуры. Как отмечал Уолтер Онг, «печать заменила сохранявшееся доминирование слуха в мире мысли и выражения доминированием зрения» (Ong, 1982: 119) и задала визуальный код мышления, формируя когнитивную установку на последовательность, иерархию и аргументацию.

В экранной культуре материальность текста утрачивает стабильность и становится текучей. Как отмечает Л. Манович, «объект новых медиа принципиально не является чем-то завершенным; наоборот, он может существовать в разных и потенциально бесконечных версиях» (2018: 70). В отличие от печатного текста, зафиксированного на физическом носителе, цифровой текст открыт для бесконечного редактирования, дополнения и трансформации. Его форма – будь то гипертекст, интерфейс или поток данных – подчинена логике постоянной актуализации и многомерного взаимодействия. Цифровые медиа «состоят из независимых элементов, каждый из которых, в свою очередь, состоит из более мелких независимых частей» (Манович, 2018: 65), что делает их структуру гибкой и изменчивой. Это меняет не только форму текста, но и сам способ его восприятия: на смену читателю приходит пользователь, а чтение превращается в процесс конфигурации, где каждый акт взаимодействия пересобирает текст заново. Таким образом, цифровая среда смещает фокус с устойчивого объекта на динамичный процесс – программирование, интерфейсные взаимодействия и сетевые потоки.

Цифровая среда разрушает свойственную печатному тексту стабильность. В печатной культуре текст был фиксированным, что

поддерживало авторитет автора, литературные каноны и формализованный контроль издателей. Но цифровые технологии – особенно гипертекст – меняют ситуацию: текст становится изменчивым, множится в версиях, а читатель превращается в соавтора. Исчезает четкое авторство, тексты циркулируют вне рамок традиционной инфраструктуры книжного рынка, а критерии достоверности обретают контекстуально-ситуативный характер, что сближает их с устной коммуникацией. Это не просто смена носителя, а глубокая трансформация культуры: акт чтения преобразуется в акт конфигурирования, а медиум становится активным соучастником смыслообразования.

Далее мы рассмотрим, как каждая революция изменила: 1) производство знаний (кто и как создает тексты/контент), 2) распространение знаний (каналы и скорость передачи информации аудитории), 3) восприятие знаний (когнитивные и социальные практики чтения и усвоения информации). Также будут учтены институциональные изменения и социокультурные последствия.

От скриптория к дата-центру: изменения в производстве, распространении и усвоении знания

История медийных революций – это не только смена материальных носителей, но и глубокая перестройка самой структуры производства знания. Каждая медиатрансформация влечет за собой изменение ролей и функций акторов, вовлеченных в создание, легитимацию и распространение смыслов. От монастырского скриптория, где знание сохранялось и передавалось в рамках сакральной традиции, до цифрового дата-центра, обеспечивающего хранение и обработку колоссальных массивов пользовательского контента, – вектор развития указывает на все большую децентрализацию, ускорение и автоматизацию процессов. Сравнительный анализ печатной и цифровой революций позволяет выявить, как трансформировались формы авторства, инфраструктуры интеллектуального производства и само понимание того, что считать знанием в каждый из периодов.

Прежде всего обратимся к тому, как меняется сам режим производства знания при переходе к печатной, а затем к цифровой эпохе. Печатная революция утвердила новый режим производства знания, опирающийся на тиражирование, стандартизацию

и институционализацию практик публикации текстов. Как показала Э. Эйзенстайн, печать закрепила эти принципы: унификацию, распространение идентичных копий и типографическую фиксированность, что создало условия для накопления и проверки знания. В результате текст перестал зависеть от индивидуального акта переписывания и мог циркулировать как устойчивый, воспроизводимый объект. Именно стабильность печатной формы и ее повторяемость придали опубликованному труду статус завершенного и устойчивого высказывания (Eisenstein, 1979: 46–47, 52–57, 113–126). Печатная революция радикально ускорила и удешевила создание книг, что привело к взрывному росту доступных знаний: за полвека после Гутенберга количество книг в Европе увеличилось на порядки.

Производство знаний приобрело индустриальные черты: стандартизацию форматов (страницы, оглавления, индексы), специализацию труда (корректоры, наборщики) и фиксацию содержания. Эта трансформация породила не только новый уровень доступности знаний, но и институции, ответственные за их контроль и отбор: академии, университеты, издательства, библиотеки. Адриан Джонс убедительно показал, что авторитет печатного текста не был автоматическим следствием появления новой технологии: он создавался практиками и институтами – репутацией издателей, редакционными процедурами, признанием со стороны ученых сообществ. Таким образом, «надежность» и «завершенность» публикации представляла собой не сугубо технический, а социальный эффект (Johns, 2000). Дэвид Кроник, изучавший конкретные ранние научные журналы XVII–XVIII вв., представил вырабатываемые ими процедуры установления авторитетности: идентификацию автора, редакционную проверку, публичную репутацию и признание научным сообществом (Kronick, 1978). Именно здесь формируется фигура «авторитетного автора» Нового времени – члена сообщества, чья институциональная принадлежность и жанрово-редакционная форма текста служат гарантией его достоверности. Таким образом, печатная революция привела к формированию четкой конфигурации авторства: текст должен быть опубликован, встроен в инфраструктуру проверки и узнаваем как завершенный.

Цифровая революция, напротив, размывает границы авторства и институционального производства знания. В условиях цифровой трансформации наблюдается переход от централизованного

производства к распределенному, сетевому и платформенному. Если печать требовала значительных ресурсов, то компьютер и интернет позволили любому пользователю стать автором и издателем. Цифровые копии создаются мгновенно и почти бесплатно, а публикация больше не зависит от институциональных посредников. Как показывает Пьер Леви, знание в цифровую эпоху все чаще обретает форму «коллективного интеллекта» – гибкой системы, в которой каждый пользователь одновременно выступает и потребителем, и производителем информации (Lévy, 1997: 13–15). Возникают новые формы продуктивности: *open-source*-проекты, вики-модели, социальные медиа, краудсорсинг. В терминах Генри Дженкинса это культура соучастия (*participatory culture*), где различие между профессиональным и любительским знанием размывается и переопределяется, а производство и циркуляция смыслов становятся результатом совместной деятельности множества субъектов (2019: 29–30). Это приводит к кризису традиционных форм авторитета: автор теряет монополию на интерпретацию, а институты – на фильтрацию знания.

При этом цифровая среда не только расширяет доступ к созданию знаний, но и перестраивает логику их производства. Вместо классической связки «автор–издатель–читатель» все чаще действует конфигурация «платформа–алгоритм–пользователь», где знание создается, отбирается и распространяется автоматически, на основе алгоритмических предпочтений (Gillespie, 2014: 167–169, 172–174). Платформенная логика опирается на принципы программируемости, популярности, коннективности и датификации, что переводит производство контента в непрерывный, реактивный процесс, встроенный в экосистему платформ (van Dijck, Poell, 2013: 5–7). Тем самым цифровая революция не отменяет институциональность, а заменяет ее платформенной логикой, где вместо экспертного отбора действует принцип вычислимой релевантности (Helmond, 2015).

От вопросов производства необходимо перейти к распространению знания – к тому, как меняются каналы и правила циркуляции текстов. Печатная революция не только изменила способы создания текста, но и привела к радикальной трансформации каналов его распространения. Возникновение типографии запустило формирование книжного рынка: книга стала коммерческим товаром с расширяющимися тиражами и читательскими аудиториями, а циркуляция знания встроилась в рыночные и публичные

практики. Сложились устойчивые сети торговли (включая ярмарки), конкурсные механизмы и повторяемые издательские процедуры, которые поддерживали воспроизводимость и расширение оборота печатной продукции (Febvre, Martin, 1976: 109–143, 187–189, 216–224, 248–249). В долгосрочной перспективе эти сдвиги способствовали секуляризации знания и росту новых публичных пространств – от читальных залов до научных обществ, где текст функционирует как средство обмена мнениями и дискуссии. Бенедикт Андерсон указывал, что именно печатный капитализм создал механически воспроизводимые печатные языки, унифицировав поля коммуникации и тем самым задав культурные условия возникновения наций как «воображаемых сообществ» (2001: 66–69).

В настоящее время логика распространения в значительной степени определяется не столько издательскими практиками, сколько архитектурой платформ и их алгоритмами. Цифровая революция меняет не только каналы, но и принципы распространения информации. Вместо линейной модели «издатель – читатель» возникает нелинейная, распределенная и алгоритмически управляемая система, трансформировавшая классический коммуникативный цикл, описанный Робертом Дарнтном (Козлов, 2025). Социальные сети, новостные агрегаторы, видеохостинги, поисковые системы – все эти платформы становятся медиаторами распространения знания, управляемыми логикой вовлечения, а не проверкой достоверности. Процесс платформизации, понимаемый как проникновение экономических, инфраструктурных и управленческих принципов цифровых платформ в различные сферы жизни (Poell, Nieborg, van Dijck, 2019), формирует новую экосистему циркуляции информации. В этой системе рекомендательные алгоритмы, механизмы персонализации и сетевые метрики (лайки, клики, просмотры) задают каналы дистрибуции, в которых информация распространяется не в силу своей научной или культурной значимости, а в силу ее способности генерировать вовлечение пользователей. Как отмечает Мануэль Кастельс, в логике сетевой коммуникации знание и его циркуляция перестраиваются в децентрализованную конфигурацию: несмотря на попытки регулирования и коммерциализации, интернет «характеризуется широчайшим распространением, многосторонней децентрализацией и гибкостью». Это проявляется как множественность узлов и кон-

туров: «тысячи и тысячи подобных микросетей действуют сегодня в мире, охватывая весь спектр человеческой коммуникации», а «архитектура сети останется технологически открытой, способствуя широкому публичному доступу» (2000: 335–338).

Наконец, чтобы картина была полной, рассмотрим, как все эти сдвиги отражаются на усвоении знания – когнитивных процессах и читательских практиках. В печатной культуре процесс чтения был тесно связан с линейной структурой текста, закрепленного на физическом носителе. Как подчеркивал Уолтер Онг, печать способствовала развитию логического, аргументативного и визуально ориентированного мышления, формируя установку на последовательность, завершенность и анализ (Ong, 1982: 119–122, 129–132). Роже Шартье, рассматривающий эти явления в историко-культурной перспективе, мыслит сосредоточенное чтение не как универсальную когнитивную норму, а как исторически меняющуюся практику, формируемую материальной организацией книги и социальными контекстами ее употребления. Технические, визуальные и физические устройства печатной книги – формат, верстка, заголовки, оглавления, индексы, маргиналии – организуют чтение и задают диапазон допустимых присвоений текста (Chartier, 1994; VIII–IX: 1–7, 20–22). В таком окружении книга становилась не просто источником информации, но объектом длительного размышления; именно эти материальные и институциональные параметры поддерживали медленное, анализирующее, абстрагирующее «глубокое чтение» (Birkerts, 1994; Wolf, 2007). Эта практика институционализировалась в образовательных структурах раннего Нового времени: лекции и диспуты по фиксированным корпусам текстов, библиотечные инфраструктуры и экзамены закрепляли навыки внимательного усвоения канонических книг (de Ridder-Symoens (ed.), 1996).

Цифровая среда, напротив, переводит акт чтения в режим навигации и конфигурации. Вместо линейного текста пользователь сталкивается с гипертекстовой и мультимодальной структурой, ориентированной на активную навигацию, выбор и переключение. Как показывает Л. Манович, экранная культура предполагает не «завершенное произведение», а вариативность и культурный интерфейс: цифровой объект существует в множестве версий, а пользователь через интерфейс конфигурирует траекторию и сборку материала (2018: 70–80, 106–114, 313–323). Возникает феномен

«сканирующего чтения» (*scanning*), при котором внимание фрагментируется, а усвоение знаний становится эпизодическим. Цифровые практики усвоения информации действительно могут снижать способность к длительной концентрации, увеличивая когнитивные «издержки переключения» и смещая обработку в сторону поверхностной (Carr, 2010). Таким образом, цифровая революция не только меняет форму текста, но и перенастраивает режимы усвоения знания: контент становится потоком/интерфейсом/взаимодействием, требующим постоянной настройки. Акт чтения превращается в акт конфигурации, где пользователь сам создает маршрут смыслов, взаимодействуя не с текстом, а с его цифровой оболочкой.

Таблица 1

Сравнительная матрица печатной и цифровой революций

Признак	Печатная революция	Цифровая революция
Материальность текста	Фиксация, стандартизация, стабильная версия; тираж как копии идентичного объекта	Текучесть и вариативность; модульность и обновляемость; версия как процесс
Авторство и статус текста	«Завершенное» высказывание; сильная фигура автора; институциональная атрибуция и ответственность	Распределенное/коллаборативное производство; размывание границ профессионального/любительского; соавторство пользователя
Каналы распространения	Книжный рынок, сети книготорговцев; устойчивые издательские циклы и логистика	Платформенная дистрибуция; персонализация потоков; метрики вовлечения управляют видимостью
Легитимация и доверие	Редакционная репутация, корректура, рецензирование; библиографические метаданные и каталоги	Платформенная модерация и ранжирование; внешние фактчек-практики; репутационные сигналы
Темпы и ритмы диффузии	Ускорение относительно скриптория, но ограничено материальной логистикой тиражей	Мгновенная тиражируемость и сетевое распространение; высокая гибкость и масштабируемость
Публичная сфера	Журналы, научные общества, читальные залы; печатно опосредованные «воображаемые сообщества»	Многослойные сетевые «микропубличности» на платформах; гибрид публичного и частного; новые режимы модерации

Окончание таблицы 1

Режимы памяти/ архивности	Долговременная сохранность экземпляров; библиотеки и архивы; устойчивые формат	Зависимость от платформ/ форматов; версия как поток; расширенная поисковость
Логика взаимодействия с аудиторией	Опосредованная и медленная (письма в редакцию, рецензии); акцент на углубленное чтение	Непосредственная и мгновенная (лайки, комментарии, шеринг); акцент на вовлечение и удержание

И наконец, рассмотрим социокультурные последствия анализируемых масштабных медийных трансформаций. Печатная революция стимулировала возникновение и институционализацию новых форм публичности (журналы, научные общества, читальные залы), которые могут быть осмыслены через концепт «публичной сферы» Юргена Хабермаса как исторически сформировавшееся пространство критической дискуссии; в этой модели периодическая печать выступает ключевой инфраструктурой публичной коммуникации и формирования публичного мнения (Хабермас, 2016: 75, 78–83, 106–112). При этом эффекты публичности исторически вариативны и зависят от режимов контроля доступа к каналам распространения и условий видимости, о чем будет сказано ниже. В цифровую эпоху публичная сфера приобретает сетевую конфигурацию и режим «микропубличностей», формируемых платформами; видимость и приоритет тем определяются алгоритмическими механизмами и метриками вовлеченности. Это расширяет участие, но одновременно усиливает фрагментацию и асимметрию доступа; теоретически это описывается как состояние «платформенного общества» и «сетевой публичной сферы» (Benkler, 2006: 212–272).

Таким образом, анализ производства, распространения и усвоения знаний в ходе печатной и цифровой революций позволяет выявить глубинные изменения, производимые этими трансформациями в культуре. Каждая из революций формирует собственный режим знания – с характерными структурами авторства, каналами дистрибуции, когнитивными паттернами и институциональными механизмами легитимации. Печатная эпоха закрепила модель централизованного производства и стандартизированного усвоения текста, поддерживаемую научными, образовательными и издательскими институтами. В отличие от нее, цифровая эпоха ориентирована на децентрализацию, участие и гибкость, где знание

все чаще создается в рамках платформ, распространяется по сетевым маршрутам и воспринимается в динамичном интерфейсном режиме. Эти различия не сводятся к смене технологий: речь идет о смене культурной логики знания, которая затрагивает не только способы фиксации и передачи информации, но и само понимание того, что считать достоверным, важным и легитимным в конкретной медиасреде. Однако эта конфигурация во многом выведена из западного исторического опыта; далее матрица кратко проверяется на нескольких контрастных, незападных траекториях.

Множественность траекторий медийных революций

Следует особо оговориться, что предлагаемая матрица в значительной степени опирается на западные исторические траектории (европейский «печатный капитализм», либеральная публичная сфера, коммерциализация массовых медиа, а в современной фазе платформенная экономика и сетевые формы публичности). Обращение к незападному опыту может продемонстрировать множественность траекторий медийных революций: сходные технические формы могут порождать разные режимы знания, если различаются институциональные условия легитимации, государственные и религиозные ограничения, образовательные инфраструктуры и архитектуры контроля доступа. В этом смысле три контрастных примера ниже следует рассматривать как проверку матрицы на конфигурациях, в которых ожидаемые бинарности (фиксированность печати и текучесть цифры, централизация и децентрализация, смена когнитивных режимов) проявляются не как жесткие противоположности, а как исторически и политически настраиваемые отношения.

Весьма показательным в этом смысле является позднеимперский Китай, где коммерческая печать, включая развитые региональные центры книгоиздания, формирует масштабируемую инфраструктуру распространения, но не обязательно ведет к тем же моделям публичности, что в европейском варианте. Эмпирические исследования книжного рынка демонстрируют, что тиражируемость здесь сочетается с высокой вариативностью текстов: переиздания, комментирование и компилятивные практики делают «версию» не окончательным продуктом, а результатом длительной редакторской и издательской работы, распределенной между авторами, комментаторами и издателями (Chia, 2002;

Brokaw, Chow (eds.), 2005). При этом критерии легитимного знания в значительной мере задаются централизованной экзаменационной и бюрократической инфраструктурой, которая направляет и форматирует издательский спрос. В терминах матрицы это означает, что производство может быть рыночным и сравнительно децентрализованным, тогда как легитимация и «ось канона» остаются институционально централизованными, что усложняет прямую связку между печатью, децентрализацией и либерализацией режимов знания.

Если китайский пример показывает совместимость коммерческой печати с сильной институциональной централизацией легитимации, то османский опыт демонстрирует иной тип расхождения между техническими возможностями и социальным эффектом медиа. Исторические исследования османской печатной культуры фиксируют, что печатная книга интегрировалась не как одномоментная замена рукописи, а как длительная и выборочная адаптация, в которой жанровая иерархия, религиозные нормы и профессиональные интересы (в том числе групп, связанных с рукописным производством) задавали темп и границы распространения печати (Sabev, 2018). В рамках матрицы это важно как контрпример к универсалистскому тезису о неизбежной «революционной» скорости и демократизации: даже при наличии печатной технологии режим знания может сохранять рукописную инфраструктуру как значимую основу авторитета и воспроизводства, а печать выступает как селективное расширение каналов, не обязательно разрушая прежние механизмы контроля и легитимации.

Современный пример КНР позволяет симметрично проблематизировать уже цифровые бинарности, прежде всего тезис о том, что сетевые медиа автоматически ведут к децентрализации. Исследования платформенного регулирования *WeChat* показывают, что цифровая «текучесть» часто принимает форму управляемой изменчивости: редактируемость и обновляемость текста в значительной степени определяются инфраструктурой платформы, включая модерацию, фильтрацию и механизмы видимости, а не только пользовательскими практиками. Эмпирические данные фиксируют автоматическую цензуру по ключевым словам и асимметрию режимов контроля для разных групп пользователей, что превращает платформу в точку концентрации власти над доступом

и публичностью, то есть в механизм централизации внутри сетевой формы распространения (Ruan, Knockel, Ng, Crete-Nishihata, 2016). В терминах матрицы это означает, что цифровая коммуникация может одновременно расширять участие и воспроизводить институциональные асимметрии через непрозрачные правила видимости и удаления, а «публичность» становится зависимой от платформенного суверенитета и регуляторных режимов.

В сумме эти примеры уточняют и усиливают объяснительную ценность матрицы: во-первых, оппозиции «централизация/децентрализация» и «фиксированность/текучесть» корректнее трактовать как континуумы, настраиваемые сочетанием технологии, институтов и инфраструктур контроля; во-вторых, «медийная революция» эмпирически проявляется не как универсальный сценарий, а как множественные траектории, где ключевую роль играют режимы легитимации знания (экзаменационные, религиозные, платформенные) и суверенитет над каналами доступа; в-третьих, сопоставление незападных кейсов с западным каноном позволяет не отменить общую теоретическую рамку, а сделать ее более строгой, показывая, при каких условиях матрица предсказывает усиление центров контроля, устойчивость гибридных форм и неоднозначность когнитивных и публичных эффектов медийных преобразований.

Заключение

Исследование в сравнительно-исторической перспективе выявило и сходства, и различия между печатной и цифровой медийными революциями – ключевыми поворотами в истории коммуникации. Обе, радикально изменив фиксацию, производство и распространение знания, изменили и культурные практики, механизмы легитимации и когнитивные режимы. Рассмотрение этих процессов требует отказа от упрощенного технодетерминизма и подтверждает значимость комплексного историко-культурного подхода.

Печатная революция, основанная на стандартизации и институционализации, закрепила авторскую ответственность, централизованные каналы распространения и практики «глубокого чтения»; при этом за пределами западного культурного ареала печать могла сочетаться с централизованной легитимацией и не была

обязана порождать либеральную публичность европейского типа. В противоположность этому цифровая революция характеризуется текучестью материала, распределенным производством, алгоритмическими механизмами распространения и навигационными формами усвоения знания, что может вести к децентрализации контроля и переосмыслению института авторства, но также может формировать новые режимы централизации (платформенной и регуляторной).

Методологически необходимо учитывать не только технику, но и материальность медиума, инфраструктуры знания и социокультурный контекст. Это позволяет преодолеть риторику «революции», рассматривая медиатрансформации как сложные исторические процессы. Опыт печатной эпохи служит ориентиром для анализа вызовов цифрового времени – от образования и регулирования до устойчивых стратегий коммуникации.

Итак, медийные революции – не просто смена технологий, а перестройка логики знания, затрагивающая все уровни коммуникации и культурные формы; ее осмысление помогает точнее описывать современную медиасреду.

Примечания

[1] Статья подготовлена по плану НИР ГПНТБ СО РАН, проект «Трансформация книжной культуры в социальных коммуникациях XIX–XXI вв.», № 122041100088-9.

[2] Под «медийными (медиа) трансформациями» мы понимаем широкий круг изменений – от постепенных эволюционных сдвигов до кардинальных переломов. Термин «трансформация» фиксирует сам факт изменения структуры коммуникации, но не указывает на его скорость или радикальность. «Медийная революция» – понятие более узкое и емкое, оно используется для обозначения качественного скачка, переломного этапа в развитии медиакоммуникаций.

[3] Drucker P. (1998) The Next Information Revolution. *Forbes ASAP*. August, 24. Available at: https://www.forbes.com/asap/1998/0824/046.html (accessed: 18.09.2025).

[4] Там же.

Библиография

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.

Дебрэ Р. Введение в медиологию. М.: Праксис, 2010.

Дженкинс Г. Конвергентная культура. Столкновение старых и новых медиа. М.: РИПОЛ классик, 2019.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

Козлов С. В. Модель коммуникативного цикла Роберта Дарнтона: вызовы цифровой эпохи // Научные и технические библиотеки. 2025. № 6. С. 40–55.

Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М.: Академический проект, 2005.

Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Канон-пресс-Ц, 2003.

Манович Л. Язык новых медиа. М.: Ad Marginem, 2018.

Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Весь мир, 2016.

Behringer W. (2006) Communications Revolutions: A Historiographical Concept. *German History* 24 (3): 333–374.

Benkler Y. (2006) *The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom*. New Haven; London: Yale University Press.

Birkerts S. (1994) *The Gutenberg Elegies: The Fate of Reading in an Electronic Age*. Boston: Faber and Faber.

Brokaw C. J., Chow K.-W. (eds.) (2005) *Printing and Book Culture in Late Imperial China*. Berkeley: University of California Press.

Carr N. (2010) *The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains*. New York: W. W. Norton & Co.

Chartier R. (1994) *The Order of Books: Readers, Authors, and Libraries in Europe between the Fourteenth and Eighteenth Centuries*. Stanford, CA: Stanford University Press.

Chia L. (2002) *Printing for Profit: The Commercial Publishers of Jianyang, Fujian (11th–17th Centuries)*. Cambridge, Mass.: Harvard University Asia Center for Harvard-Yenching Institute.

Couldry N., Hepp A. (2017) *The Mediated Construction of Reality*. Cambridge: Polity Press.

Cummings A. S. (2016) Of sorcerers and thought leaders: marketing the information revolution in the 1960s. *The Sixties* 9 (1): 1–25. DOI: 10.1080/17541328.2015.1114746

De Ridder-Symoens H. (ed.) (1996) *A History of the University in Europe. Vol. 2: Universities in Early Modern Europe (1500–1800)*. Cambridge: Cambridge University Press.

Debray R. (2000) Les révolutions médiologiques dans l'Histoire: pour une approche comparative [Mediological Revolutions in History: Towards a Comparative Approach]. *Bulletin des bibliothèques de France (BBF)* 1: 4–12.

Eisenstein E. (1979) *The Printing Press as an Agent of Change: Communications and Cultural Transformations in Early Modern Europe*: in 2 vols. Cambridge: Cambridge University Press.

Fang I. (1997) *A History of Mass Communication: Six Information Revolutions*. Boston: Routledge/Taylor & Francis Group.

Febvre L., Martin H.-J. (1976) *The Coming of the Book: The Impact of Printing, 1450–1800*. London: Verso.

Gillespie T. (2014) The Relevance of Algorithms. In T. Gillespie, P. Boczkowski, K. Foot (eds.) *Media Technologies*. Cambridge, MA: MIT Press. Pp. 167–194.

Harnad S. (1991) Post-Gutenberg galaxy: The fourth revolution in the means of production of knowledge. *Public-Access Computer Systems Review* 2 (1): 39–53.

Harper M. (1961) A New Profession to Aid Management. *Journal of Marketing* 25 (3): 1–6.

Helmond A. (2015) The Platformization of the Web: Making Web Data Platform Ready. *Social Media + Society* 1 (2).

Johns A. (2000) *The Nature of the Book: Print and Knowledge in the Making*. Chicago; London: Univ. of Chicago Press.

Kortti J. (2021) Revolution Talk and Media History. *Academia Letters* 811. DOI: 10.20935/AL811.

Kovarik B. (2011) *Revolutions in Communication: Media History from Gutenberg to the Digital Age*. New York: Continuum International Pub. Group.

Kronick D. A. (1978) Authorship and Authority in the Scientific Periodicals of the Seventeenth and Eighteenth Centuries. *The Library Quarterly* 48 (3): 255–275.

Lévy P. (1997) *Collective Intelligence: Mankind's Emerging World in Cyberspace*. Cambridge, MA: Perseus Books.

Ong W. J. (1982) *Orality and Literacy: The Technologizing of the Word*. London; New York: Methuen.

Poell T., Nieborg D., van Dijck J. (2019) Platformisation. *Internet Policy Review* 8 (4). DOI: 10.14763/2019.4.1425

Ruan L., Knockel J., Ng J. Q., Crete-Nishihata M. (2016) One App, Two Systems: How WeChat uses one censorship policy in China and another internationally. *The Citizen Lab*. Available at: https://citizenlab.ca/research/wechat-china-censorship-one-app-two-systems/ (accessed: 26.02.2026).

Sabev O. (2018) *Waiting for M teferrika: Glimpses on Ottoman Print Culture*. Boston: Academic Studies Press.

Van Dijck J., Poell T. (2013) Understanding Social Media Logic. *Media and Communication* 1 (1): 2–14.

Wolf M. (2007) *Proust and the Squid: The Story and Science of the Reading Brain*. New York: Harper.

Notes

Drucker P. (1998) The Next Information Revolution. *Forbes ASAP*. August 24. Available at: https://www.forbes.com/asap/1998/0824/046.html (accessed: 18.09.2025).

References

Anderson B. (2001) *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: KANON-press-Ts Publ.; Kuchkovo pole Publ. (In Russian)

Behringer W. (2006) Communications Revolutions: A Historiographical Concept. *German History* 24 (3): 333–374.

Benkler Y. (2006) *The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom*. New Haven; London: Yale University Press.

Birkerts S. (1994) *The Gutenberg Elegies: The Fate of Reading in an Electronic Age*. Boston: Faber and Faber.

Brokaw C. J., Chow K.-W. (eds.) (2005) *Printing and Book Culture in Late Imperial China*. Berkeley: University of California Press.

Carr N. (2010) *The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains*. New York: W. W. Norton & Co.

Castells M. (2000) *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow: HSE Univ. Publ. (In Russian)

Chartier R. (1994) *The Order of Books: Readers, Authors, and Libraries in Europe between the Fourteenth and Eighteenth Centuries*. Stanford, CA: Stanford University Press.

Chia L. (2002) *Printing for Profit: The Commercial Publishers of Jianyang, Fujian (11th–17th Centuries)*. Cambridge, Mass.: Harvard University Asia Center for Harvard-Yenching Institute.

Couldry N., Hepp A. (2017) *The Mediated Construction of Reality*. Cambridge: Polity Press.

Cummings A. S. (2016) Of sorcerers and thought leaders: marketing the information revolution in the 1960s. *The Sixties* 9 (1): 1–25. DOI: 10.1080/17541328.2015.1114746

De Ridder-Symoens H. (ed.) (1996) *A History of the University in Europe. Vol. 2: Universities in Early Modern Europe (1500–1800)*. Cambridge: Cambridge University Press.

Debray R. (2000) Les révolutions médiologiques dans l'Histoire: pour une approche comparative [Mediological Revolutions in History: Towards a Comparative Approach]. *Bulletin des bibliothèques de France (BBF)* 1: 4–12.

Debray R. (2010) *Vvedenie v mediologiyu* [Introduction to Mediology]. Moscow: Praksis Publ. (In Russian)

Eisenstein E. (1979) *The Printing Press as an Agent of Change: Communications and Cultural Transformations in Early Modern Europe*: in 2 vols. Cambridge: Cambridge University Press.

Fang I. (1997) *A History of Mass Communication: Six Information Revolutions*. Boston: Routledge/Taylor & Francis Group.

Febvre L., Martin H.-J. (1976) *The Coming of the Book: The Impact of Printing, 1450–1800*. London: Verso.

Gillespie T. (2014) The Relevance of Algorithms. In T. Gillespie, P. Boczkowski, K. Foot (eds.) *Media Technologies*. Cambridge, MA: MIT Press. Pp. 167–194.

Habermas J. (2016) *Strukturnoe izmenenie publichnoi sfery: Issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva* [The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society]. Moscow: Ves' mir Publ. (In Russian)

Harnad S. (1991) Post-Gutenberg galaxy: The fourth revolution in the means of production of knowledge. *Public-Access Computer Systems Review* 2 (1): 39–53.

Harper M. (1961) A New Profession to Aid Management. *Journal of Marketing* 25 (3): 1–6.

Helmond A. (2015) The Platformization of the Web: Making Web Data Platform Ready. *Social Media + Society* 1 (2).

Jenkins H. (2019) *Konvergentnaya kul'tura. Stolknovenie starykh i novykh media* [Convergence Culture: Where Old and New Media Collide]. Moscow: RIPOL klassik Publ. (In Russian)

Johns A. (2000) *The Nature of the Book: Print and Knowledge in the Making*. Chicago; London: Univ. of Chicago Press.

Kortti J. (2021) Revolution Talk and Media History. *Academia Letters* 811. DOI: 10.20935/AL811.

Kovarik B. (2011) *Revolutions in Communication: Media History from Gutenberg to the Digital Age*. New York: Continuum International Pub. Group.

Kozlov S. V. (2025) Model' kommunikativnogo tsikla Roberta Darntona: vyzovy tsifrovoi epokhi [Robert Darnton's Communication Circuit Model: Challenges of the Digital Age]. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki* [*Scientific and Technical Libraries*] 6: 40–55. (In Russian)

Kronick D. A. (1978) Authorship and Authority in the Scientific Periodicals of the Seventeenth and Eighteenth Centuries. *The Library Quarterly* 48 (3): 255–275.

Lévy P. (1997) *Collective Intelligence: Mankind's Emerging World in Cyberspace*. Cambridge, MA: Perseus Books.

Manovich L. (2018) *Yazyk novykh media* [The Language of New Media]. Moscow: Ad Marginem Publ. (In Russian)

McLuhan M. (2005) *Galaktika Gutenberga. Stanovlenie cheloveka pechatayushchego* [The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ. (In Russian)

McLuhan M. (2003) *Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. Moscow: Kanon-press-Ts Publ. (In Russian)

Ong W. J. (1982) *Orality and Literacy: The Technologizing of the Word*. London; New York: Methuen.

Poell T., Nieborg D., van Dijck J. (2019) Platformisation. *Internet Policy Review* 8 (4). DOI: 10.14763/2019.4.1425

Ruan L., Knockel J., Ng J. Q., Crete-Nishihata M. (2016) One App, Two Systems: How WeChat uses one censorship policy in China and another

internationally. *The Citizen Lab*. Available at: https://citizenlab.ca/research/wechat-china-censorship-one-app-two-systems/ (accessed: 26.02.2026).

Sabev O. (2018) *Waiting for Müteferrika: Glimpses on Ottoman Print Culture*. Boston: Academic Studies Press.

Van Dijck J., Poell T. (2013) Understanding Social Media Logic. *Media and Communication* 1 (1): 2–14.

Wolf M. (2007) *Proust and the Squid: The Story and Science of the Reading Brain*. New York: Harper.

Поступила в редакцию
28.09.2025

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика» — рецензируемое научное издание с периодичностью выхода 6 раз в год. Публикуемые в нем материалы посвящены проблемам журналистики, СМИ, массовой коммуникации. Журнал ориентирован на публикацию статей, представляющих собой результаты самостоятельного исследования, организованного и проведенного в рамках научного подхода. Авторы — ведущие российские и зарубежные ученые и исследователи.

Журнал имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете (для подписчиков), включен в систему Российского индекса научного цитирования, оформляется в соответствии с требованиями ВАКа. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Плата за публикацию в «Вестнике Московского университета. Серия 10. Журналистика» с авторов не взимается.

Статьи в журнале публикуются только после получения положительной рецензии. Рецензентами могут выступать все кандидаты и доктора наук факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, а также сотрудники иных образовательных учреждений Российской Федерации и зарубежных стран, имеющие достаточную квалификацию в соответствующей научной области, получившие ученую степень и обладающие авторитетом в научной среде. Редакционная коллегия принимает на себя обязательства по поиску рецензентов и организации процесса рецензирования.

По решению редакционной коллегии рукопись принимается, отвергается или возвращается автору на доработку. Авторы обязаны учесть замечания рецензента и внести в статью соответствующие исправления. В случае отклонения статьи редакционная коллегия направляет автору мотивированный отказ. Рецензии хранятся в редакции, копии их предоставляются по требованию авторам рукописей.

Статьи авторам необходимо отправлять на электронную почту журнала vestnik_journ@mail.ru. Материалы размещаются в номерах по тематическому принципу либо согласно дате поступления в редакцию в соответствующие рубрики.

Все присылаемые статьи должны содержать следующие обязательные элементы:

1) Сведения об авторе на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, место работы, контактная информация автора (телефон и электронный адрес).

2) Аннотация (abstracts) и ключевые слова (key words) на русском и английском языках. Аннотация должна кратко излагать проблематику статьи и основные содержащиеся в ней выводы. Ключевые слова после аннотации отражают основное содержание текста.

3) Примечания, оформленные в виде концевых сносок (если есть). Через концевые сноски также оформляются библиографические ссылки на периодику (газеты, журналы общего интереса); интернет-источники; художественную, деловую, научно-популярную литературу; словари, справочники, отраслевые доклады; учебники и учебные пособия; архивные данные.

4) Пристатейные библиографические списки (Библиография) у всех статей – в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования.

В список литературы включаются: монографии; сборники научных статей; научные статьи, опубликованные в научных журналах и сборниках. В список литературы вносятся только источники, на которые есть внутритекстовые библиографические ссылки.

Ссылки в тексте приводят в круглых скобках – в них указывается фамилия автора, год издания произведения и номер страницы, который отделяется от года двоеточием. Например: (Иванов, 1998: 125). При повторном цитировании: (там же: 128) для русскоязычных источников или (Ibid: 123) для иностранных источников.

Объем рукописи не должен превышать один печатный лист (40 тыс. знаков с пробелами). Оптимальный размер статьи – 20–30 тыс. знаков с пробелами. Текст статьи должен создаваться в формате doc (docx, rtf), шрифтом Times New Roman, 12 кеглем, с полуторным межстрочным интервалом.

Статья должна начинаться с введения (обоснование актуальности и научной значимости исследования, теоретические подходы к проблеме, поставленная автором задача, корпус имеющих отношение к проблеме текстов). Введение может быть дополнено отдельным разделом, в котором предоставляется обзор литературы по проблеме и теоретические выкладки. В этом разделе (разделах) должна быть представлена большая часть отсылок к предыдущим работам по теме материала.

Если в статье есть компонент эмпирического исследования, в ней должны быть отдельные разделы, описывающие методологию и результаты исследования. Основная часть статьи заканчивается выводами.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных, географических данных и иных сведений.

Редакционная коллегия журнала:

- непредвзято, взвешенно и объективно оценивает все поступающие материалы;
- при работе с материалами руководствуется лишь критериями оригинальности, научной значимости и актуальности текстов;
- до публикации обеспечивает конфиденциальность всех рассматриваемых текстов;
- гарантирует отсутствие личных интересов в работе с материалами сторонних авторов;
- не принимает от авторов вознаграждений в явной или неявной форме;
- борется с плагиатом всеми доступными способами;
- строго следует нормам законодательства, установленным правилам и процедурам.